

Книга VII.

H34

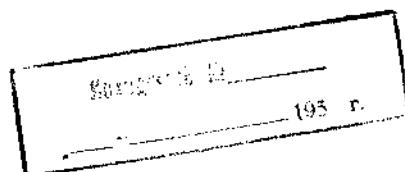
1905 г.

ПРОВІДЕНТА ЕС

В 1960 році

Жаучжое Слово.

1905/44
1905/224/228

ПЕРЕВІРЕНО
2005

ПЕРЕВІРЕНО
1982 р.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 10 сентября 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. КОММЕНТАРИИ КЪ ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. I. Этюдъ о естественной смерти. (<i>Окончаніе.</i>) Проф. И. И. Мечникова .	5
II. ИЗЪ ИСТОРИИ СОЮЗА НАУКИ И ТЕХНИКИ. Проф. Н. А. Умова .	14
III. ВЪДЬМЫ И ВѢДОВСТВО. (<i>Продолженіе.</i>) Н. В. Сперанскаго ..	21
IV. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. (<i>Окончаніе.</i>) Проф. гр. Л. А. Кама- ровскаго	60
V. ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ И ФЕДЕРАЛИЗМЪ. Прив.-доц. С. А. Котля- ревскаго	73
VI. ОЧЕРКИ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. И. М. Греков . .	81
VII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛУЭТЫ. И. Баратынскій. Ю. И. Айхенвальда.	123
VIII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Рентгеновскій конгрессъ“. Проф. Н. А. Умова.—„Природа и государство“. Проф. В. М. Хвостова.—„Новости иностранной литературы и журнали- стики“. Ю. А. Веселовскаго.)	140
IX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. М. Г.	153
X. ВИБЛIOГРАFІЯ. (А. Лоузль: „Правительства и политическая партия“. Д. И. Егорова.—Ф. В. Тарановскій: „Юридический методъ въ госу- дарственной науки“.—В. Вильсонъ: „Государство“ С. А. Шумакова.— Ч. Вѣтринскій: „Т. Н. Грановскій“. М. О. Гершевона.—Н. Ф. Лу- чинскій: „Основы тюремного дѣла“.—А. А. Пановъ: „Сахалинъ“. М. Н. Гернета.)	161
XI. ОБЪЯВЛЕНИЕ.	

Комментаріи къ оптимистической философії.

I.

Этюдъ о естественной смерти.

(Окончаніе ¹).

3.

Естественная смерть въ человѣческомъ родѣ.

Смерть стариковъ часто описываютъ какъ естественную; но она въ громадномъ большинствѣ случаевъ зависитъ или отъ заразныхъ болѣзней, особенно отъ воспаленія легкихъ (которое часто принимаетъ очень скрытый характеръ), или отъ апоплектическихъ ударовъ. Настоящая естественная смерть должна быть крайне рѣдкой у человѣка. Вотъ какъ описывается ее Деманжэ ²): «Достигнувъ глубочайшей старости и сохранивъ еще послѣдніе отблески угасающей мысли, старикъ чувствуетъ, какъ слабѣеть со дня на день; члены его перестаютъ покоряться слабѣющей волѣ; кожа становится безчувственной, сухой и холодной; конечности теряютъ всякую теплоту; лицо худѣеть, глаза впадаютъ и зрѣніе мутится; слова застываютъ на развернутыхъ губахъ; жизнь покидаетъ старика, начиная съ поверхности къ центру; дыханіе затрудняется, и паконецъ сердце перестаетъ биться. Старикъ потихоньку угасаетъ, точно засыпаетъ своимъ послѣднимъ сномъ. Вотъ какова естественная смерть въ строгомъ смыслѣ слова».

Въ человѣческомъ родѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы естественная смерть зависѣла отъ истощенія потомствомъ или отъ голода, какъ у монстраллы. Гораздоѣроятнѣе, что причина ся— самоотравленіе организма. Предположеніе это основано на большомъ

¹) См. „Научное Слово“ 1905 г., VI.

²) Классическіе этюды о старости. Парижъ, 1886, стр. 145.

сходство между естественною смертью и сномъ, который самъ по всей видимости зависит отъ отравленія ядами, полученными въ результате дѣятельности нашихъ органовъ.

Уже скоро 50 лѣтъ, какъ впервые была высказана теорія, по которой сонъ объясняется самоотравленіемъ организма. Ее поддерживали многое очень авторитетные ученые, между которыми назову *Оберштейнера, Бинца, Прейзера, Эррера*. Первые двое объясняютъ сонъ скоплениемъ въ мозгу продуктовъ истощенія, которые уносятся кровью во время покоя. Пытались даже определить свойства этихъ наркотическихъ веществъ. Такъ, некоторые ученые полагали, что во время дѣятельности нашихъ органовъ накапливается излишокъ кислоты, отъ которой организмъ избавляется во время сна.

*Прейзеръ*¹⁾ захотѣлъ глубже изучить эту задачу. Онъ предполагаетъ, что дѣятельность всѣхъ нашихъ органовъ даетъ начало продуктамъ, называемымъ имъ *поногеннымъ*, которые обусловливаютъ ощущеніе усталости.

По его мнѣнію, вещества эти накапливаются во время бодрствованія и разрушаются окислениемъ во время сна. *Прейзеръ* полагаетъ, что среди поногенныхъ веществъ главную роль играетъ молочная кислота, чтб подтверждается ея наркотическимъ свойствомъ.

Если теорія *Прейзера* справедлива, то самоотравленіе молочной кислотой при засыпаніи человѣка и животныхъ представляеть большое сходство съ остановкой броженія у бактерій, производящихъ ту же кислоту, избытокъ которой отравляетъ ихъ.

Подобно тому какъ сонъ можетъ перейти въ естественную смерть, такъ и прекращеніе молочного броженія можетъ привести къ смерти бактерій, производящихъ кислоту.

Однако, пока мы не имѣемъ еще подтвержденія теоріи *Прейзера*. *Эррера*²⁾ противопоставляетъ ей другую теорію, по которой сонъ вызываютъ не кислоты, а, наоборотъ, щелочи, описанные *Арманомъ Готье* подъ именемъ *лейкоманиновъ*. *Готье* нашелъ, что вещества эти дѣйствуютъ на нервные центры, вызывая усталость и сонливость. Поэтому *Эррера* думаетъ, что они легко могутъ причинять сонъ, наступающій въ организмѣ при наибольшемъ накопленіи лейкоманиновъ. Онъ полагаетъ, что поногенные вещества дѣйствуютъ непосредственно, отравляя нервные центры. По его мнѣнію, они выдѣляются во время сна и изглаживаютъ поврежденія организма.

Признаніе этой теоріи *Эррера* позволило бы установить известную аналогию между спомъ и естественною смертью съ одной сто-

¹⁾ Извѣстіе科学院ъ 1877, стр. 1173.

²⁾ Извѣстіе科学院ъ 1887, 2 сесіоне, р. 105.

роны и остановкой развитія и смертью дрожжей, израненыхъ въ азотистыхъ средахъ,—съ другой.

Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ также дѣло съ отравленіемъ щелочью (амміакомъ и его производными). Однако надо признать, что свѣдѣнія наши еще недостаточны о внутреннемъ механизме отравленія, вызывающаго сонь. Понятія наши о лейкомаинахъ вообще еще неполны, хотя въ послѣдніе годы былъ изученъ одинъ изъ нихъ—адреналинъ, добытый изъ надпочечныхъ железъ¹⁾). Алкалоидъ этотъ вырабатывается въ послѣдніхъ, откуда переходитъ въ кровообращеніе. Онъ обладаетъ свойствомъ сильно сокращать артеріи, благодаря чему его употребляютъ противъ кровотеченій. Вещество это, введенное въ большихъ количествахъ или въ часто повторныхъ приемахъ, дѣйствуетъ какъ настоящій ядъ; но въ маленькихъ дозахъ оно производитъ анемію органовъ и имѣть особое вліяніе на нервные центры. Врачъ Зейланъ²⁾ установилъ, что впрыскиваніе 1 миллиграмма адреналина, смѣшанного съ 5 граммами физіологического раствора поваренной соли (7,5 на 1000 ч. воды), поблизости мозга производить у кошки снотворное дѣйствіе. Приблизительно черезъ минуту послѣ впрыскиванья кошка погружается въ глубокій сонъ, длиація отъ 30 до 50 минутъ. Въ теченіе этого времени чувствительность исчезаетъ во всемъ тѣлѣ животнаго, и даже спустя нѣкоторое время она еще сильно понижена. «Послѣ пробужденія животная нѣкоторое время производить впечатлѣніе опьянѣлыхъ отъ сна».

Такъ какъ сонъ вообще сопровождается малокровіемъ мозга и такъ какъ адреналинъ дѣйствительно способенъ произвести такое состояніе, то можно бы предположить, что вызывающіе сонъ продукты нашихъ органовъ заключаютъ значительное количество этого наркотического вещества. Противъ такой гипотезы могутъ пожалуй привести недавнія изслѣдованія относительно усталости и ея причинъ.

Каждая высшая ступень отражалась въ наукѣ на сложной и интересной задачѣ сна. Въ то время, когда алкалоиды (птомаинамъ) приписывали значительную роль въ заразныхъ болѣзняхъ,—старались и сонъ объяснить вліяніемъ сходныхъ веществъ. Въ настоящее же время, когда увидѣли, что въ этихъ болѣзняхъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ яды очень сложнаго химическаго состава, стараются объяснить усталость и сонъ вліяніемъ аналогическихъ веществъ.

¹⁾ Gabriel Bertrand. Annales de l'Institut Pasteur.

²⁾ Therapeutische Monatschrift, 1904, p. 193.

Въ этомъ направлениі особенное вниманіе за послѣднее время обратили на себя изслѣдованія *Вейхардта*¹⁾. Этотъ молодой ученьй очень настаиваетъ на томъ, что во время дѣятельности органовъ накапливаются особыя вещества, но не органическія кислоты или лейкомоны, а вещества, сходныя скорѣе съ ядовитыми продуктами болѣзнетворныхъ микробовъ.

Вейхардтъ заставляетъ лабораторныхъ животныхъ производить утомительныя и продолжительныя движения въ теченіе цѣлыхъ часовъ, а затѣмъ убиваетъ ихъ. При этихъ условіяхъ мускульный выжимъ оказывается очень ядовитымъ. Если привить его нормальнымъ животнымъ, то послѣднія обнаруживаютъ крайнюю усталость и могутъ даже умереть черезъ 20—40 часовъ. Всѣ попытки определить химическій составъ вещества, обусловливающаго усталость, не удались, такъ что мы не имѣемъ точнаго понятія о немъ. Одно изъ его свойствъ представляетъ особенный интересъ.

Если впрыснуть въ вены нормальныхъ животныхъ несмертельную дозу этого вещества, то въ крови получается противоядіе ему, точно такъ же какъ прививка дифтеритнаго яда производить антидифтеритный серумъ.

Когда *Вейхардтъ* впрыскивалъ смѣсь яда, вызывающаго усталость, съ маленькими дозами противояднаго серума, животная не обнаруживали никакихъ измѣненій; нейтрализующее дѣйствіе противоядія проявлялось, даже когда его давали проглотить животному.

На основаніи своихъ опытовъ *Вейхардтъ* надѣется найти вещество, противодѣйствующее усталости.

Хотя въ настоящее время еще невозможно высказаться относительно вещества, накапливающагося во время дѣятельности органовъ и вызывающаго усталость и сонъ, тѣмъ не менѣе становится въ высшей степени вѣроятнымъ, что оно существуетъ и что сонъ дѣйствительно зависитъ отъ извѣстнаго рода самоотравленія организма. До сихъ поръ теорія эта не была поколеблена никакими доводами.

Недавно противъ нея высказался женевскій физіологъ Эд. Клапарэдъ²⁾. Онъ думаетъ, что теоріи этой противорѣчить тотъ фактъ, что новорожденныя спятъ очень много, а старики, напротивъ, очень мало.

Но это легко можно объяснить гораздо большею чувствительностью первыхъ центровъ ребенка, какъ это видно относительно множества другихъ вредныхъ влияний.

¹⁾ Münchener medicinische Wochenschrift 1904, № 1. Verhandlungen der Physiologischen Gesellschaft in Berlin, 5 Dec., 1904.

²⁾ Archives des Sciences physiologiques et naturelles. Mars. 1904. T. XVII. Genève.

Другія возраженія Клапарѣда, какъ, напримѣръ, благопріятное вліяніе на сонъ прогулки на чистомъ воздухѣ, сонливость послѣ слишкомъ долгаго сна и т. д., никоимъ образомъ не могутъ противорѣчить теоріи самоотравленія. Это—второстепенные факты, зависящіе нѣрвно отъ какихъ-нибудь осложненій, трудно опредѣлимыхъ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній.

Клапарѣда указываютъ еще въ видѣ возраженія на бессонницу неизвестнаго вида. Но послѣднія легко объясняются чрезвычайной нервной возбужденіемъ нервныхъ элементовъ, вслѣдствіе этого отчасти теряющими чувствительность къ ядамъ.

Съ другой стороны, съ теоріей самоотравленія вяжутся многое прочно установленные факты. Уже не говоря о снѣ, вызванномъ наркотическими веществами, можно привести еще «болѣнь сна».

Внолѣфъ доказано, что болѣнь эта обязана своимъ существованіемъ микроскопическому паразиту *«Tripanosoma gambiensis»*, открытому Дюттогомъ. Паразитъ этотъ развивается въ крови и распространяется въ жидкость, окружающую оболочки первыхъ центроновъ.

Однѣ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ позднихъ стадій этой болѣзни—безпрерывный сонъ. «Сонливость постепенно усиливается и больной принимаетъ слѣдующій характерный видъ: голова его опущена на грудь, вѣки закрыты; вначалѣ легко вывести больного изъ этой дремоты; но вскорѣ наступаютъ непреодолимые приступы сна, охватывающие его во всякихъ положеніяхъ, особенно послѣ еды. Эти, все болѣе и болѣе длинные и глубокіе приступы сна приводятъ къ коматозному состоянію, изъ которого уже очень трудно вывести больного»¹⁾.

Совокупность всѣхъ современныхъ медицинскихъ знаній не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что это сонливое состояніе не что иное, какъ отравленіе ядами трипанозомъ.

Клапарѣдъ противопоставляетъ токсической теоріи сна другую, которую называетъ «инстинктивной». По его мнѣнію, сонъ—продолженіе инстинкта, «цѣль котораго—прекращеніе дѣятельности; мы снимъ по о旳ю этого, что отравлены или истощены, но для того, чтобы не быть ни тѣмъ, ни другимъ» (стр. 4). Однако для проявленія этого спонтанного инстинкта необходимо участіе нѣкоторыхъ физиологическихъ условий, между которыми имѣеть мѣсто и отравленіе первыхъ центроновъ.

Голодъ—такое же инстинктивное чувство, какъ и потребность спать; но о旳я проявляются только тогда, когда ткани наши достигаютъ известной степени истощенія, которой мы не можемъ еще

¹⁾ Layouren et Mosni. *Trypanosomes et Trypanosomases*. Paris, 1904, p. 328.

точно определить. Итакъ, нѣть никакого принципіального противорѣчія между «токсической» и «инстинктивной» теоріями сна. Каждая изъ нихъ рассматриваетъ только разныя стороны известнаго состоянія организма.

Аналогія между сномъ и естественною смертью позволяетъ предположить, что послѣдняя наступаетъ также вслѣдствіе самоотравленія. Оно гораздо глубже и серьезнѣе того, которое вызываетъ сонъ.

Но такъ какъ у человѣка естественную смерть наблюдали только очень недостаточно, то о ней могутъ быть высказаны лишь одни гипотезы.

Можно предположить, что подобно тому какъ при снѣ проявляется инстинктивная потребность отдыха, такъ и при естественной смерти человѣкъ долженъ инстинктивно желать умереть. Я уже рассматривалъ этотъ вопросъ въ своихъ «Этюдахъ о человѣческой природѣ» (глава XI), такъ что здѣсь незачѣмъ вновь излагать мои воззрѣнія по этому поводу. Ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ добавочныхъ справокъ, собранныхъ мною за послѣднее время.

Я считалъ самымъ доказательнымъ фактомъ въ пользу существованія у человѣка инстинкта естественной смерти случай, приведенный Токарскимъ относительно одной старухи. Еще при жизни Токарского я просилъ одну общую знакомую узнать отъ него подробнѣсти этого столь интереснаго случая, разсказанного имъ недостаточно обстоятельно. Къ сожалѣнію, Токарскій не могъ добавить ничего новаго къ уже изложеному имъ.

Кажется, я нашелъ источникъ, откуда онъ почерпнулъ свой рассказъ. Въ одной книжкѣ¹⁾, знаменитой въ свое время, о физиологии вкуса, *Брилья-Саварэнз* разсказываетъ слѣдующій случай:

«Моя бабушка (*grande tante*), 93 лѣтъ, была при смерти. Хотя она уже пѣкоторое время не покидала постели, но еще сохраняла все свои умственныя способности, и замѣтили ея состояніе только благодаря уменьшенію аппетита и ослабленію голоса.

Она всегда выказывала мнѣ большую привязанность, и я оставался у ея кровати, нѣжно ухаживая за ней; это не мѣшало мнѣ наблюдать ее тѣмъ же философскимъ взглядомъ, какой я обращалъ на все окружающее.

— Здѣсь ли ты, племянникъ? — сказала она едва внятнымъ голосомъ.

— Да, бабушка; я къ вашимъ услугамъ и думаю, что вамъ бы хорошо выпить немногого славнаго, старого вина.

¹⁾ Нарцисъ, 1834, 4 в. изд., томъ II, стр. 118.

-- Дай, милый другъ: жидкость всегда можетъ пройти.

Я поторопился, тихонько приподнялъ ее и заставилъ ее проглотить полстакана моего лучшаго вина. Она тотчасъ оживилась и сказала, обративъ на меня изъ когда очень красивые глаза:

— Спасибо за эту послѣднюю услугу. Если ты доживешь до моего возраста, то увидишь, что смерть становится точно такою же потребностью, какъ и сонъ.

Это были ся послѣднія слова. Черезъ часъ она уснула вѣчнымъ спомъ.

Подробности эти подтверждаютъ, что мы действительно имѣемъ здѣсь дѣло съ инстинктомъ естественной смерти. Инстинктъ этотъ могъ бы обнаружиться и въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, если бы при этомъ сохранялись умственныя способности.

Въ настоящее время я изучаю старушку, которой приблизительно 105 лѣтъ. Ея физическая силы и ощущенія значительно ослабѣли, но чувства и умственныя способности еще хорошо сохранились. Она не обнаруживаетъ желанія умереть, но совершенно равнодушна къ смерти, что вѣроятно предшествуетъ развитію инстинкта естественной смерти.

Въ числѣ возраженій противъ моихъ «Этюдовъ о человѣческой природѣ» было высказано сомнѣніе въ существованіи инстинкта, безполезнаго для сохраненія какъ особи, такъ и вида, — инстинктъ смерти быть бы нелѣпостью. Никоимъ образомъ не могу согласиться съ этимъ. Мы знаемъ, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ достаточно вредныхъ инстинктовъ, никакъ не обеспечивающихъ жизни и размноженія. Стоитъ припомнить дисгармонические инстинкты, приведенные въ моихъ «Этюдахъ». Таковы различныя уклоненія полового инстинкта, такъ часто встрѣчаемыя у человѣка. Таковъ также инстинктъ, заставляющій мать пожирать своихъ дѣтенышей, или пасынковъ бросаться въ огонь. Большинство этихъ инстинктовъ даже вредны какъ для особи, такъ и для вида. Инстинктъ же естественной смерти не представляетъ ни одного изъ этихъ неудобствъ. Онь никоимъ образомъ не мѣшаетъ сохраненію вида, такъ какъ развивается гораздо позднѣе прекращенія всякой воспроизводительной дѣятельности. Онь можетъ даже быть крайне выгоднымъ. Когда люди вполнѣ убѣдятся въ томъ, что цѣль ихъ существованія — естественная смерть, связанная съ особымъ инстинктомъ, сходнымъ съ потребностью успѣть, то исчезнетъ одна изъ главныхъ причинъ пессимизма. Между тѣмъ послѣдний вызывается извѣстное количество самоубийствъ — съ одной стороны и воздержаніе отъ размноженія — съ другой. Поэтому инстинктъ естественной смерти будетъ способствовать сохраненію какъ индивидуальной, такъ и видовой жизни.

Мысль о томъ, что естественная смерть по всей вѣроятности со-
провождается въ высшей степени пріятнымъ ощущеніемъ, усилить
благопріятное вліяніе на человѣчество. Хотя мы и не имѣемъ еще
определенного представленія относительно этого чувства, но можемъ
приблизительно понять его по даннымъ, собраннымъ о случайной
смерти.

Несомнѣнно, что смерть, въ видѣ пресѣченія жизни, какой она
является въ настоящее время, должна быть однимъ изъ самыхъ
тяжелыхъ ощущеній.

Стоитъ видѣть ужасъ, выражаемый взглядомъ многихъ умира-
ющихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но есть болѣзни и несчастные
случаи, при которыхъ смерть не вызываетъ тяжелыхъ ощущеній.
Мнѣ случилось испытать во время кризиса возвратнаго тифа, когда
температура съ 41° и болѣе сразу опустилась ниже нормальной,
необыкновенную слабость, по всей вѣроятности сходную съ пред-
смертной. Ощущеніе это было скорѣе пріятнымъ, чѣмъ тяжелымъ.
Кромѣ того, въ двухъ случаяхъ серьезнаго отравленія морфіемъ я
испыталъ очень пріятная ощущенія: сладкую слабость, связанную
съ чувствомъ такой легкости, точно тѣло мое висѣло въ воздухѣ.

Наблюдатели, занимавшіеся ощущеніями людей, которые избѣгли
смертельной опасности, приводятъ аналогичные факты. Щюрихскій
профессоръ Геймъ разсказываетъ, какъ онъ самъ чуть не погибъ
при восхожденіи въ горахъ, а также передаетъ нѣсколько подоб-
ныхъ несчастныхъ случаевъ съ другими альпійскими путеше-
ственниками.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ указываетъ на «ощущеніе bla-
женства»¹⁾. Врачъ Соллье²⁾ разсказываетъ исторію «молодой мор-
финоманки», которая очень ясно представляла себѣ, что умираетъ.
Пробуждаясь отъ глубокаго обморока, изъ котораго удалось ее вы-
вести, только благодаря новому впрыскиванію морфія, она восклик-
нула: «О, какъ я возвращаюсь издалека и какъ мнѣ было хорошо!»
Другая больная Соллье, «у которой былъ перитонитъ, думала, что
умираетъ, и чувствовала, какъ ее охватываетъ блаженное или скорѣе
вполнѣ безболѣзенное состояніе». Д-ръ Соллье описываетъ нако-
нецъ третій случай «молодой женщины, у которой было послѣродовое
кровоточеніе. Она тоже вполнѣ была увѣрена, что умираетъ, и ощу-
щала, какъ и вышеупомянутая больная, пріятное физическое со-
стояніе и полное отрѣшеніе отъ всего»³⁾.

¹⁾ Edgar. Le moi des mourants. Revue philosophique. 1896, I, p. 27.

²⁾ Id. p. 303—307, въ также Bulletin de l'Institut g  n  ral psychologique. 1903, p. 29.

³⁾ Не следуетъ смѣшивать ощущеній умирающихъ со страхомъ смерти, до такой
степени распространеннымъ у людей.

Если въ патологическихъ случаяхъ смерти встрѣчается такое ощущеніе блаженства, тѣмъ болѣе должно оно обнаруживаться при естественной смерти. Предшествуемая потерей жизненнаго инстинкта и развитіемъ инстинкта естественной смерти, она должна быть возможно лучшимъ концомъ при настоящихъ основахъ человѣческой природы.

Я не имѣю претензій представить читателю законченное ученіе о естественной смерти. Эта глава *транатологии* (ученія о смерти) только начинаетъ развиваться. Но уже можно предвидѣть, что изученіе явлений естественной смерти у растеній, животныхъ и человѣка откроетъ въ высшей степени интересныя данныя для науки и человѣчества.

И. И. Мечниковъ.

Изъ исторіи союза науки и техники.

Въ первый день текущаго года небольшой немецкій городъ Іена оплакивалъ смерть сына ткача; къ свѣжей могилѣ несли лавровые вѣнки обширныя фабричныя учрежденія, университетъ, горожане, ученые и промышленныя общества, праꙑщія власти и рабочіе союзы. Ушелъ выдающійся человѣкъ, дѣятельность котораго была не чѣмъ инымъ какъ служеніемъ науки соціальному прогрессу. Этотъ человѣкъ выросъ и развился среди общества, ясно понимавшаго невозможность построенія человѣческаго благополучія, не пользуясь научнымъ знаніемъ, открывающимъ новые, непредвидимые источники труда и благосостоянія. Въ странѣ съ интенсивною культурною жизнью люди, игнорирующіе эту истину, представлялись бы астрономами, которые полагали бы возможнымъ раскрывать тайны неба, исходя изъ предположенія, что земля покоятся на трехъ китахъ.

Почившаго сына ткача звали Эристомъ Аббе¹⁾. Онъ родился 25 января 1840 г. въ Эйзенахѣ. Еще въ ранней молодости глубоко запечатлѣлось въ немъ сознаніе экономического гнета, тяготѣвшаго на рабочемъ сословіи. Онъ видѣлъ, какъ его отецъ, едва успѣвавшій въ теченіе 14-часовой работы урывать время, чтобы у своего столика паскоро схлебать принесенную ему скромную трапезу, могъ едва содержать свою семью.

Судьба благопріятствовала тому, чтобы это сознаніе несправедливости по отношению къ трудящемуся люду не вылилось только въ форму протеста или въ исканіе палліатива; она дала ему возможность установить положительный путь къ благополучію нѣсколькихъ тысячъ людей, оросить живительной влагой безплодную пустыню. Тѣмъ волшебнымъ жезломъ, который помогъ ему сдѣлать это чудо, были наука и таланты, которыми его одарила природа.

¹⁾ См. „Научное Слово“ кн. IV, стр. 121, текущаго года.

Въ немъ выработалось еще другое убѣжденіе: онъ понялъ, что безъ научнаго знанія вся кому благополучію суждено лишь временное существованіе и какъ бы ни былъ для данного времени роскошь экономической лугъ, онъ превратится въ пустыню безъ изиамично идущей впередъ науки.

Въ парижской школѣ мальчикъ обратилъ на себя вниманіе выдающимися способностями. Ничтожная заработка отца не хватало на дальнѣйшее образованіе сына; нашлись добрые люди, и Эрнестъ Аббе поступилъ въ реальнную гимназію, а затѣмъ въ университетахъ Іены и Геттингена изучалъ математику, физику и астрономію. Онъ существовалъ въ это время на частные уроки, получая преміи и стипендіи.

Въ Аббе мы имѣемъ не единственный примѣръ того знаменательнаго факта, что научное образованіе открываетъ истинныхъ слугъ человѣчества среди тѣхъ, принадлежность которыхъ къ роду человѣческому опредѣляется обыкновенно только зоологическими признаками. Мы напомнимъ кстати имя Фарадея, сына кузнеца,—этого великаго научнаго мыслителя, открытія которого создали обширную вѣтвь промышленности—электротехнику.

Все экономическое развитіе человѣчества, необходимое для поддержания его существованія и благополучія, сводится къ постепенному обнаружению неисчислимыхъ и неизвѣстныхъ намъ областей дѣятельности. Онъ открываются и завоевываются работою мысли, всегда интенсивною для своей эпохи, представляющею лишь различныя стадіи одного и того же научнаго изученія природы. Изобрѣтеніе топора, сохи, открытія Уатта, Фарадея, Аббе и др.—все это дары, принесенные человѣчеству однимъ и тѣмъ же теченіемъ. Но созданіе этихъ даровъ является результатомъ напряженного умственнаго труда, посвященнаго наблюденію и опыту, освѣщающимъ научнымъ знаніемъ.

Научная мысль Аббе развивалась подъ вліяніемъ знаменитыхъ ученыхъ Вебера и Римана. Получивши степень доктора, 23 лѣтъ отъ роду онъ поступилъ доцентомъ въ Іенскій университетъ, где посыпалъ себѣ чтенію лекцій по различнымъ отдѣламъ физики и изученію пограничностей оптическихъ инструментовъ и теоріи пограничностей наблюдений. Здѣсь онъ выработалъ въ себѣ навыки тѣ точному и добросовѣстному веденію научныхъ работъ. Онъ сопесался съ университетскимъ механикомъ Карломъ Цейссомъ, въ небольшой мастерской котораго работало въ то время около 25 мастеровъ. Это знакомство было рѣшающимъ для всей будущей дѣятельности Аббе. Цейссъ изготавлялъ микроскопы, и въ то время такого изготавленіе сводилось къ точной копировкѣ какого-нибудь

известного образца. Копировались размѣры и кривизна оптическихъ стеколъ, ихъ взаимное разстояніе и т. д. Но у каждой мастерской былъ свой сортъ стекла, при копированіи дѣлались неизбѣжныя погрѣшности, и сооруженный инструментъ своими оптическими качествами выходилъ отличнымъ отъ образца. Иногда такое отличие оказывалось полезнымъ и отмѣчалось какъ значительный успѣхъ въ дѣлѣ построенія микроскоповъ, вызывая радость ученыхъ. Цейссъ не мирился съ такимъ порядкомъ вещей и чувствовалъ, что въ основу его работы должны быть положены обстоятельства научныхъ изслѣдований. Ранѣе своего знакомства съ Аббе онъ привлекъ къ своему дѣлу одного ученаго, но, къ сожалѣнію эта рациональная попытка окончилась совершенно неудачно. Неуспѣхъ не разочаровалъ однако Цейсса въ значеніи научного вмѣшательства въ задачи техники. Онъ предугадалъ въ Эрнстѣ Аббе человѣка, обладающаго достаточнымъ математическимъ аппаратомъ, чтобы овладѣть и решить трудные техническія задачи микроскопіи. Дѣйствительно, Аббе замѣнилъ работу ощущью и наугадъ точнымъ теоретическимъ предвычислениемъ наиболѣе выгодныхъ формъ оптическихъ стеколъ, ихъ кривизны и взаимныхъ разстояній въ связи съ физическими свойствами стеколъ, изъ которыхъ они должны быть изготовлены. Черезъ нѣсколько лѣтъ упорного труда микроскопы Цейсса, построенные по указаніямъ Аббе, превзошли по своимъ качествамъ всѣ до того времени извѣстные. Успѣхъ ихъ возростъ еще болѣе съ изобрѣтеніемъ Аббе освѣтительного аппарата, получившаго широкое распространеніе среди микроскопистовъ и явившагося результатомъ теоретического изслѣдованія. Своему широкому распространенію аппаратъ былъ обязанъ принципіальному взгляду Аббе, что изготавленіе изобрѣтений, способствующихъ научнымъ изысканіямъ, не должно быть ограничено привилегіями и патентами.

Теоретическія работы Аббе привели его къ открытію весьма важныхъ теоремъ, касающихся распространенія свѣтовыхъ пучковъ черезъ различныя среды, и къ построенію микроскооптики на совершенно новомъ высоко плодотворномъ начальѣ. До него въ основѣ тооріи лежало представление о свѣтѣ, исходящемъ изъ точки предмета, какъ о пучкѣ прямолинейныхъ лучей. Если на пути такого прямого луча мы поставимъ отверстіе, то лучъ пройдетъ черезъ него, нисколько не измѣня своего направленія. Аббе замѣнилъ эту геометрическій образъ другимъ, соответствующимъ дѣйствительности. Изъ точки выходить свѣтовая волна. Встрѣчаемое отверстіе заполняется частью волны, которая въ свою очередь рождаетъ новую волну, идущую не только по прямому направлению, но загибающуюся и въ сторону и заполняющую все пространство за-

ширмой съ отверстиемъ. Примѣненіе этого возврѣнія къ свѣтовымъ явленіямъ въ микроскопѣ составило научную славу Аббе.

Польза судить объ обширности научныхъ работъ Аббе по количеству и размѣрамъ напечатанныхъ имъ статей. Эти работы были известны его друзьямъ и сотрудникамъ. Овладѣвши научной историей, онъ тяготѣлъ къ новому творчеству, отъ которого отрывался съ неудовольствиемъ, и въ скатой публикаціи очерчивалъ основы имъ открытаго. На долю другихъ выпадало обстоятельное редактированіе и дополненіе мыслей Аббе.

Въ 1875 г. Аббе, по желанію Цейсса, сдѣлался участникомъ его оптической мастерской, въ которой работало уже 40 человѣкъ. Аббе съ ясностью установилъ тѣ предѣлы, до которыхъ могло быть доведено совершенство микроскоповъ при существовавшихъ въ то время условіяхъ. Оно былоувѣнчано построеннымъ имъ въ 1879 г. объективомъ для однородной иммерсіи. Онъ указалъ, что дальнѣйшіе успѣхи здѣсь, а также въ изготавленіи фотографическихъ и астрономическихъ объективовъ, зависѣли отъ приготовленія сортовъ стекла, значительно уклонявшихся въ своихъ физическихъ свойствахъ отъ тѣхъ, которыми пользовались. Еще въ 1874 г. онъ формулировалъ задачи, которая должно себѣ поставить стекольное производство, усовершенствовать инструменты для изслѣдованія оптическихъ свойствъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и печатно заявлять о необходимости изысканія новыхъ сортовъ стекла.

Только въ 1878 г. на призывъ Аббе откликнулся Отто Шоттъ.

По предварительно установленному плану, Шоттъ изготавлялъ въ Виттенбергѣ всевозможные стекольные славы въ количествѣ несколькиихъ десятковъ золотниковъ и посыпалъ ихъ въ Лену, где Аббе изучалъ ихъ оптическія свойства. На такомъ миниатюрномъ матеріалѣ были сдѣланы настолько цѣнныя наблюденія, что весною 1882 г. Шоттъ перѣѣхалъ въ Лену и начались опыты въ большихъ размѣрахъ. Они продолжались до 1886 г. на средства Аббе, Цейсса и Шотта, а затѣмъ при субсидії прусского правительства. Новая фирма «стекольно-техническая лабораторія Шотта и товарищей» занялась изготавлениемъ стекла не только для оптическихъ цѣлей, но и для термометровъ и химической посуды, вскорѣ встала на ноги, и въ настоящее время число рабочихъ достигаетъ 700 человѣкъ. Въ теченіе пяти лѣтъ была разрѣшена задача, поставленная Аббе, и уже въ 1888 г. наука обогатилась апохроматами, доводимыми микроскопы почти до высшей достижимой степени совершенства, благодаря чему бактериология обогатилась новыми, высокой важности, открытиями на пользу человѣчеству.

Аббе съ 1870 г. былъ профессоромъ теоретической физики въ Іенѣ и правильно исполнялъ эту обязанность около 10 лѣтъ, отклоняя призывы другихъ университетовъ, между прочимъ и Гельмгольца, приглашавшаго его принять участіе въ завѣдываніи вновь строившимся физическимъ институтомъ въ Берлинѣ. Аббе все болѣе и болѣе увлекался жизнью тѣхъ двухъ соціальныхъ учрежденій, которыхъ выросли въ Іенѣ, благодаря его научнымъ открытиямъ.

Карлъ Цейссъ умеръ въ 1888 г., когда въ его мастерскихъ работало 350 человѣкъ. Сынъ его вскорѣ отказался отъ участія въ нихъ, и, за удовлетвореніемъ наслѣдниковъ, Аббе сдѣлался единственнымъ руководителемъ всего предпріятія, имущество котораго оцѣнивалось миллионами марокъ.

Насталъ моментъ, когда Аббе могъ уже осуществить свою задушевную мысль. Еще при жизни Цейсса онъ устроилъ для рабочихъ рядъ благотворительныхъ учрежденій, но теперь представилась возможность поставить благополучіе и правовое положеніе рабочихъ въ зависимости отъ воли хозяевъ. По убѣждению Аббе владѣніе промышленнымъ учрежденіемъ должно быть не личнымъ, а безличнымъ. При радостномъ согласіи жены и своихъ двухъ дочерей, Аббе отказывается до предѣловъ, указываемыхъ закономъ, отъ своего громаднаго состоянія въ пользу оптическихъ мастерскихъ, удержавъ въ предпріятіи, получившемъ наименование «учрежденія Карла Цейсса» лишь мѣсто сотрудника, дававшее ему скромное содержаніе и званіе уполномоченнаго.

Аббе составилъ статутъ для учрежденія, который, послѣ пятилѣтнаго опыта, былъ по его ходатайству утвержденъ правительствомъ.

Цѣлями учрежденія выставлены слѣдующія:

Непрерывное развитіе техническихъ производствъ въ оптическихъ мастерскихъ и стекольномъ заводѣ; укрѣпленіе въ хозяйственномъ отношеніи учрежденія и развитіе его рабочей организаціи, какъ источника иронитанія большого числа лицъ и полезнаго служенія научнымъ и промышленнымъ интересамъ. Выполненіе высокихъ соціальныхъ обязанностей по отношенію къ своимъ сочленамъ, путемъ совершенствованія ихъ личного и экономического правового положенія. Основаніе учрежденій общеполезнаго характера для рабочаго населения Іены и ея ближайшихъ окрестностей, содѣйствіе общественно-историческимъ и математическимъ изслѣдованіямъ и преподаванію этихъ наукъ.

Такимъ образомъ Аббе основалъ учрежденіе, представляющее собою гармонический союзъ науки и техники. Учрежденіе считаетъ

иъ себѣ около 2000 участниковъ, между которыми имѣется около двуихъ десятковъ докторовъ физики и химіи, именами которыхъ гордится наука. Учреждение отпускаетъ безконтрольно суммы на производство научныхъ опытовъ, соответствующихъ его цѣлямъ или содѣйствующихъ развитию оптическихъ инструментомъ. Мы имѣемъ передъ глазами учрежденіе, въ которомъ слились въ перезрывающій цѣлое академію и фабрику, трудъ научный и трудъ физической. Это слияніе уже обогатило науку и технику рядомъ открытій и усовершенствованій, новыми инструментами, описание которыхъ завело бы письма слишкомъ далеко. Участіе рабочихъ въ прибыляхъ учрежденія осуществляется особой добавочной платой къ содержанию; рабочий день ограничивается восемью часами. Учреждение уже привило на помощь Іенскому университету, выстроивъ для него на свой счетъ нѣсколько научныхъ институтовъ, соорудило великолѣпный народный домъ съ общественной библиотекой и читальной залой и т. д.

Такимъ образомъ создалась новая вѣтвь индустріи, полная жизни и развитія, вызванная интересами науки и принесшая ей неоцѣнимыя услуги. Она прокармливаетъ около 2000 человѣкъ въ Іенѣ, поднимаетъ нравственное и материальное благосостояніе ея населенія. Благодаря тому, что личный эгоизмъ стушевывается передъ интересами духовной дѣятельности людей, іенская усовершенствованія распространяются по культурнымъ странамъ, служа и тамъ тому же человѣческому благополучію. Подробности организаціи учрежденій имѣются въ рядѣ брошюръ и печатныхъ статутахъ: они войдутъ въ имѣющее появиться въ свѣтѣ собраніе сочиненій Аббе. Благодарная Іена сооружаетъ памятникъ своему замѣчательному гражданину¹⁾.

Утомленіе заставило Аббе въ 1903 г. устраниться отъ дѣятельного участія въ учрежденіяхъ: онъ намѣревался посвятить свое время обстоятельному изложению своихъ теорій. Мучительная безсонница и средства борьбы съ нею постепенно разрушали силы и вызывали такія страданія, что наступившая смерть была для Аббо основоположеніемъ.

Во всѣ області своей дѣятельности Аббе вносилъ критический и опытный взглядъ натуралиста. Упорное изученіе ограниченной вѣтви естествознанія создало изъ него специалиста, сумѣвшаго па-

1) Въ комитетѣ, избраннымъ для этой цѣли, участвуетъ одинъ изъ членовъ редакции «Научного Слова», который охотно перешелъ по национальному пожертвованію изъ числа симпатизирующихъ дѣятельности Аббе.

небольшомъ пространствѣ сосредоточить наибольшую силу. Современность особенно нуждается въ такихъ людяхъ, безъ нихъ невозможна интенсивность жизни. Аббе принадлежалъ къ плеядѣ тѣхъ, верховное, действительное, а не призрачное главенство которыхъ опирается не на писанную хартию, а на силу воли, гения, таланта, этихъ единственныхъ двигателей человѣческаго преуспѣянія.

Н. Умовъ.

ВЪДЬМЫ И ВЪДОВСТВО¹).

(Продолжение).

V.

Научные мечты Вильгельма, епископа парижского, къ XV вѣку, какъ мы видѣли, сбылись вполнѣ. Схоластика оправдала всѣ поимагинирѣя да пеѳ надежды и съ ясностью раскрыла природу иныхъ духовъ и способы вмѣшательства ихъ въ человѣческую жизнь. Но при своемъ абстрактномъ, умозрительномъ характерѣ «раціональныи теология» главнѣйшимъ образомъ изслѣдовала въ этой области предѣлы мыслимыхъ возможностей. Изслѣдованіе же соотвѣтственной дѣйствительности падало не на школу. При свѣтѣ новыхъ научныхъ данныхъ этимъ предметомъ долженъ быть заниматься церковный судъ, па которому искони лежала обязанность охранять общество отъ «изобрѣтеннаго дьяволомъ пагубнаго искусства волхвания».

Но въ логї виниствующаго католицизма схоластической эпохи и судъ церковный являлся уже не прежнимъ миролюбивымъ и распушченнымъ учрежденiemъ, какимъ онъ сдѣлался въ періодъ безпрѣдѣльного господства римской церкви надъ всей духовной жизнью Западной Европы. Для сколько-нибудь успѣшной борьбы противъ еретикъ, одолѣвшихъ ее съ XII вѣка, церкви нельзя было дополнительничать той формою процесса, которую она усвоила себѣ подъ давленіемъ свѣтскихъ юридическихъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли было допускать, чтобы еретики развивали свою приступную дѣятельность безъ всякой помѣхи, пока противъ нихъ не выступитъ какой-нибудь добрый католикъ съ частною жалобой? При этихъ обстоятельствахъ папская курія начинаетъ настоятельно напоминать епископамъ, что истинное право церкви есть римское право и что согласно этому власти церковныя должны заниматься

¹ Ом. „Научное Слово“, 1905 г., VI.

«инквизиціей», должны сами отыскивать скрывающихся въ обществѣ парушителей божескихъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ курія обращается и къ носителямъ свѣтской власти съ требованіемъ, чтобы они съ своей стороны оказывали всяческое содѣйствіе церковнымъ слѣдователямъ и приговаривали къ смертной казни всѣхъ, кого церковный судъ сочтетъ того достойными: церковь сама попрежнему не проливала крови. Законность казней за вѣру подтверждалась опять-таки ссылкой на судебную практику Римской имперіи. Опять однако скоро показалъ, что старый механизмъ епископскаго суда даже при возстановленіи слѣдственного процесса являлся ненадежнымъ орудіемъ въ дѣлѣ искорененія ересей. Судъ этотъ велъ свои процессы медленно, съ широкою оглаской, позволявшей множеству виновныхъ спасаться бѣгствомъ, и часто съ недостаточной энергией. Тогда римская курія, не отмѣня епископской юрисдикції по дѣламъ вѣры, рѣшила создать для ихъ разбора еще особый судебнopolицейскій органъ—такъ называемыхъ «папскихъ слѣдователей по дѣламъ о еретическомъ нечестіи».

Принципы, положенные въ основу новаго учрежденія, были тѣ же, которыми и понынѣ руководятся абсолютныя государства въ борьбѣ со всякой считающейся ими опасной для себя тайной пропагандой: централизація, соединеніе сыска и суда въ однихъ рукахъ, тайный доносъ, тайное разбирательство, лишеніе подсудимаго обычныхъ судебныхъ гарантій. На языкѣ средневѣковой папской куріи это именовалось «вести дѣла summarie, simpliciter et de plano, absque advocatorum et iudiciorum strepitu et figura». Оправдывался такой упрощенный порядокъ «святостью» возложенной на инквизиторовъ обязанности (*sanctum officium*) и въ средневѣковыхъ условіяхъ онъ принималъ слѣдующія формы.

«Папскіе инквизиторы» всѣ свои полномочія получали непосредственно отъ папского престола и только передъ нимъ обязаны были отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При трудности и ответственности задачи инквизиторовъ ихъ полагалось избирать съ большою осторожностью, изъ людей, обладавшихъ безупречной репутацией, жизненной опытностью и тонкимъ богословскимъ образованіемъ; послѣднее являлось необходимѣйшемъ для инквизитора вещью, такъ какъ иначе онъ не могъ бы строго различать виды ересей¹⁾ и срывать съ заподозренныхъ личину притворства. Въ условіяхъ

1) Насколько сложной задачей это являлось, можно судить по известному *Direc-toriu[m] Inquisitoris*, составленному въ XIV вѣкѣ испанскимъ инквизиторомъ Эймерикомъ. Въ начальномъ его изданіи алфавитный перечень ересей записываетъ 12 убористыхъ страницъ. На одну букву А приходится 54 названія.

XIII стилица лица, соединявшия въ себѣ такія качества, скорѣо
наго отыскивались въ составѣ только что возникшихъ тогда пи-
нионетствующихъ орденовъ, доминиканцевъ и францисканцевъ. Дер-
жать въ своихъ рукахъ sanctum officium осталось привилегіей этихъ
орденовъ, особенно доминиканцевъ, и въ послѣдующее время.
Прибыть въ ту область, которую надлежало очистить отъ ере-
тическаго яда, такого рода папскій инквизиторъ прежде всего
смыкалъ пиродъ къ себѣ на проповѣдь: присутствіе на ней прино-
сило 40 днішнее отпущеніе грѣховъ. На этой проповѣди онъ въ
силу полученной отъ папы власти повелѣвалъ всѣмъ обитающимъ
изъ данной окружности духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, чтобы они въ
подольшыи срока указали ему лицъ, на которыхъ у нихъ есть
малѣпшее подозрѣніе въ отступничествѣ отъ вѣры,—которыхъ пре-
вратно говорятъ о таинствахъ и церкви или вообще въ своемъ
нравоученіи и нравахъ чѣмъ-нибудь отличаются отъ добрыхъ католи-
ковъ. Отъ этой обязанности доносить не дѣлалось ни для кого
изъятій. Отъ неї не освобождала никакая степень близости и род-
ства: мужъ, долженъ быть доносить на жену и жена на мужа,
родители должны были доносить на дѣтей и дѣти на родителей.
Доносчику обезпечивалась полная тайна его имени во избѣженіе
возможныхъ репрессій и обѣщалась трехгодовая индульгенція.
Знѣ укрывательство, напротивъ, грозило отлученіе отъ церкви—кара,
которая влекла тогда за собой очень тяжелыя послѣдствія. Доносы,
продиктованные фанатизмомъ, ненавистью или страхомъ, обычно
не заставляли себя ждать. Разсмотрѣвъ ихъ, инквизиторъ приво-
дилъ доносчиковъ къ присягѣ и послѣ этого, смотря по обсто-
ятельствамъ, касательно однихъ изъ оговоренныхъ наряжалъ до-
полнительнное слѣдствіе, другихъ же прямо привлекалъ въ свой
трибуналъ къ отвѣту. Взявъ подозрительное лицо подъ стражу,
инквизиторъ вручалъ подсудимому въ видѣ обвинительного акта
выдоражки изъ сдѣланныхъ на него доносовъ и предлагалъ, не до-
нападаясь обѣ именахъ доносчиковъ, давать свои объясненія по су-
щности дѣла. Въ случаѣ, если такія объясненія въ глазахъ судьи
оказывались недостаточными, онъ для раскрытия всей истины при-
ближалъ къ понудительнымъ мѣрамъ. Такими легальными понуди-
тельными мѣрами, назначенными къ тому, чтобы сломить упорное
отрицаніе подсудимыхъ и пожеланіе назвать сообщниковъ, слу-
жили тюремные заключенія въ тяжелыхъ цѣпяхъ, изнуреніе челово-
комъ путемъ голода, жажды и безсонницы и паконецъ пытка въ
обетованіемъ смыслѣ слова. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ
указану, когда входила инквизиція, другіе европейскіе суды еще
не имели пытокъ, какъ узаконеннаго слѣдственнаго прѣсма. Если-

она иногда и примѣнялась, то это рассматривалось обществомъ, какъ грубая тиранія, и церковь первая рѣшительно воспрещала всѣмъ членамъ духовенства имѣть малѣйшее касательство до пытки. Но измѣнившіяся обстоятельства заставили и церковь измѣнить свой взглядъ на это средство. Ссылаясь на то, что въ римскомъ правѣ пытка была допущена по дѣламъ обѣ оскорблений Величества и что еретики вполнѣ подходятъ подъ соотвѣтственные статьи римского кодекса, какъ оскорбители *Divinae Maiestatis*, папская курия предписала инквизиторамъ не смущаться прежними ея запретами и применять пытку въ борьбѣ съ еретическимъ нечестіемъ вездѣ, гдѣ только отъ нея можно ждать для церкви пользы. Само собою разумѣется, что инквизиція не заставила повторять такое разрушеніе два раза, и въ скоромъ времени допросъ въ застѣнкѣ сталъ душой всего инквизиціоннаго процесса.

Облеченные столь исключительными полномочіями, новые папскіе трибуналы своей единственной задачей должны были имѣть борьбу противъ еретиковъ. Всѣ прочія религіозныя преступленія и проступки попрежнему оставались въ вѣдѣніи нормальныхъ, т.-е. епископскихъ судовъ. Но еретичество какъ въ популярныхъ представленіяхъ конца среднихъ вѣковъ, такъ и въ научныхъ умозрѣніяхъ оказывалось въ столь близкомъ родствѣ съ преступными занятіями волшебствомъ, что инквизиція не находила для себя никакихъ основаній, получивъ въ руки доносы на колдуна, признавать себя здѣсь некомпетентной и отсылать доносчика къ агентамъ мѣстнаго епископа. Это соединеніе въ рукахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ сыска по колдовскимъ и еретическимъ дѣламъ имѣть, впрочемъ, для насъ такую важность, что намъ необходимо болѣе подробнѣ познакомиться съ обстоятельствами, въ которыхъ оно осуществилось.

Извѣстно, съ какою легкостью религіозныя сообщества, вынужденны силой гоненія искать покрова тайны, дѣлаются жертвой самой невѣроятной клеветы. Припомнимъ здѣсь хотя бы тѣ толки, которые въ свое время ходили среди населенія Римской имперіи про собиравшихся потихоньку въ катакомбахъ христіанъ. Одинъ изъ первыхъ христіанскихъ апологетовъ, Минуцій Феликсъ, сводить ихъ въ слѣдующую ужасную картину.

„Лопинные,—такъ говорить въ діалогѣ „Октаій“ язычникъ, нападающій на христіанъ,—изгнали изъ своего города иѣкоего Протагора за то, что онъ разсуждалъ о богахъ слишкомъ по-философски, не такъ, какъ подобаетъ гражданину, и сожгли его произведения. А мы, мы будемъ терпѣть, чтобы какая-то гнусная секта безнравственно нападала на боговъ? Чтобы, собирая изъ подонковъ общества грубыхъ и невѣжественныхъ людей, въ особенности женщинъ, которыхъ свойственная имъ слабость позволяетъ такъ легко соблазнить, она ихъ пропричала пъ концептуальныхъ заговорщиковъ и собирала на ночныхъ собраніяхъ,

гдѣ творятся ужасы? Эти люди, которые ищутъ тьмы и бѣгутъ синта, которымъ ничего не говорять открыто и шепчутся только другъ съ другомъ, на что они способны?.. Развѣтъ составляетъ ихъ религию. Они зовутъ другъ друга братьями и сестрами, придавая этимъ священнымъ именемъ простому блуду вскотъ кровоизмѣшанія—такъ жаждутъ они подобныхъ преступлений. Будь это испанца, обѣ этомъ бы не толковали. Рассказываютъ также, что по какому-то неизвестному сунѣтру они обожаютъ освященную голову осла: истинно достойная ихъ религія... Церемонія, которая совершається при допущеніи нового члена къ ихъ таинствамъ, не можетъ ужасна. Средь новичковъ кладутъ младенца, закатанного въ тѣсто, чтобы скрыть отъ человѣка убийство, которое его заставляютъ сопорить. По командѣ они должны нѣсколько разъ воинить въ такое тѣsto ножъ; кровь льется изъ-подъ каждого удара, они жадно ее сосутъ—и это преступленіе является залогомъ всеобщаго молчанія о тайнѣ... Извѣстно тоже, каковы ихъ совмѣстныя трапезы. Въ праздничный день они вѣсѣ собираются вмѣстѣ—мужчины, женщины, дѣти, братья, сестры, люди всякаго возраста и пола. Наѣвшись и налившись вдоволь, когда отъ мяса и вина въ нихъ разгорится сладострастіе, они бросаютъ кусокъ собакѣ, привязанной къ стѣльнику. Кусокъ этотъ бро-сается такъ, чтобы собака не могла его схватить иначе, какъ перепрыгнувъ че-резъ пламя и опрокинувши его. Освободившись такимъ путемъ отъ единственнаго свидѣтеля своихъ преступлений, они предаются ужаснейшему свальному грѣху".

И эти дикия розсказни повторялись даже среди образованныхъ язычниковъ съ крайнимъ упорствомъ: Аенинагоръ, Юстинъ и Татіанъ должны были точно такъ же защищать христіанъ противъ возводившихся на нихъ обвиненій въ безбожіи, въ кровоизмѣшаніи и въ людоѣдствѣ.

Ту участь, которую своевременно претерпѣвали христіане среди римскихъ язычниковъ, пришлось испытать и еретикамъ въ средѣ римскихъ католиковъ. Главнымъ противникомъ римского католицизма съ XI по XIII столѣтіе являлось еретическое учение катаровъ. Катары были дуалисты, глядѣвшіе на весь материальный міръ, какъ на царство духа тьмы, который хитростью заточилъ туда искры божества—бессмертная человѣческая душа. Въ сознаніи массы правовѣрныхъ католиковъ это преломлялось въ томъ видѣ, что катары истиннымъ своимъ повелителемъ признавали не Бога, а сатану. Считая плоть нечистой, катары отвергали святость брака. Полное человѣческое совершенство для нихъ лежало въ строжайшемъ ю-ломудріи. Отсюда выводъ массы, что катары, презирая бракъ, проповѣдуютъ распутство. Въ несложной обрядности катаровъ на первомъ мѣстѣ стояло духовное крещеніе (*consolamentum*), переводившее человѣка изъ разряда ищущихъ въ разрядъ «совершенныхъ». На голову вновь принимаемаго члена одинъ изъ старшихъ «совершенныхъ» въ молитвенномъ собраніи возлагались руки, затѣмъ надъ нимъ читалась первая глава Евангелія отъ Иоанна, послѣ чего ему давался поцѣлуй мира. Въ воображеніи правовѣрныхъ католиковъ этимъ поцѣлуемъ всякий вступавшій въ sectу катаровъ обмѣнивался съ самимъ сатаной: для нихъ это былъ тотъ самый поцѣлуй, которыи во многихъ мѣстностяхъ Европы принято было скрывать *bonnaginu*—извѣстный уже намъ терминъ для присяги, дѣлавшей

леника «человѣкомъ» новаго господина. Отвергая всѣ католическія таинства, катары удержали однако обрядъ благословенія хлѣбъ. Такой благословенный хлѣбъ они брали съ собой, пускаясь въ дорогу. Имъ они всячески старались снабжать во время гоненія братьевъ, которымъ приходилось бѣжать на далекую чужбину. Существовало даже мнѣніе, что если брату приходится умирать, не сподобившись принять духовнаго крещенія, то этотъ хлѣбъ можетъ считаться замѣною *consolamentum*. Хлѣбъ этотъ въ разсказахъ про катаровъ обращается въ волшебный порошокъ, который катары носятъ при себѣ, употребляя вмѣсто причастія: и кто его попробуетъ, тотъ неизбѣжно впадаетъ въ ересь. О томъ же, какъ готовился подобный порошокъ, лучше всего послушать монаха Павла Шартрскаго, писавшаго въ концѣ XIII вѣка на основаніи свидѣтельствъ «очевидцевъ».

„Ночью съ фонарями въ рукахъ они собирались въ домѣ одного изъ своихъ и наподобіе лitanіи выкликали имена демоновъ, пока вдругъ демонъ не спускался къ нимъ въ видѣ какого-нибудь животнаго. Какъ только появлялось это видѣніе, все свѣточки тушились, и каждый торопливо хваталъ первую подъ руку попавшуюся женщину, чтобы совершить съ ней грѣхъ. Была то мать или сестра, или монахиня—имъ это было не только все равно, но святость и монашество дѣлали даже грѣхъ гораздо слаще. Младенецъ, явившійся на свѣтъ отъ такого непотребства, на восьмой день въ ихъ собраніи по языческому обычая дѣмался жертвой очистительнаго огня: разведя огромное пламя, они на немъ спаливали ребенка. Пепель его собирали и сохраняли имъ съ такими же благоговѣніемъ, съ какимъ у христіанъ сохраняются Св. Дары, назначенные для напутствія отходящимъ изъ этой жизни. И въ этомъ порошокъ была такая сила дьявольскаго обмана, что кто изъ этой секты его хотя бы разъ попробовалъ немножко, тому ужъ невозможно было никогда возвратиться умомъ своимъ на путь истинной вѣры“.

Въ первыхъ разсказахъ про гнусности, которыя творятся на шабашахъ еретиковъ — въ «синагогахъ сатаны», какъ окрестило католическое правовѣріе молитvenныя собранія катаровъ — дьяволъ является еретикамъ еще въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ арапа или даже въ образѣ ангела свѣта. Но позже утвердилось мнѣніе, что чаще всего дьяволъ при этомъ принимаетъ образъ чернаго кота, заставляя лобызать себя не въ губы, а подъ хвостъ. Иначе средневѣковая наука при незнакомствѣ съ греческимъ языками, затруднялась объяснить самое название «катары» (отъ греческаго καθαρος—чистый). *Cathari dicuntur a cato, quia, ut dicitur, osculantur posteriora cati, in cuius specie, ut dicunt, appareat eis Lucifer*¹⁾ — такъ писалъ Doctor Universalis, профессоръ богословія въ парижскомъ университетѣ, сколастикъ Аланъ изъ Лилля. Явленіе сатаны въ видѣ кота—опять-таки со словъ очевидцевъ—не разъ описывалось

¹⁾ Катары зовутся такъ отъ кота: ибо, какъ говорятъ, они цѣлюютъ въ задѣ кота, тѣ видѣ коего, какъ говорятъ, является имъ Люциферъ.

въ литературѣ очень картино. Въ урочный часъ еретики собираются на шабашъ въ синагогу. Къ потолку синагоги прикреплена длинная веревка. Всѣ ждутъ. И вотъ по этой веревкѣ вадомъ съ поднятымъ хвостомъ спускается огромный черный котъ. Это путь божество, это ихъ повелитель. Всѣ бросаются лобызать его самыи позорныи образомъ. Затѣмъ огонь въ синагогѣ потухаетъ, и начинается неслыханная оргія. На ряду съ образомъ кота сатана любить принимать также образъ гигантской жабы. Тогда опять требовать, чтобы его лобызали прямо въ уста — и Вильгельмъ парижский серьезно размышлять о томъ, почему свыше «попускаются» такие поцѣлую.

Выработавшись сначала въ примѣненіи къ катарамъ, эта картина еретического шабаша дѣлается затѣмъ шаблономъ, который прилагался ко всѣмъ сектантамъ, нарушавшимъ спокойствіе римской церкви. Когда же за дѣло взялась инквизиція, то поднялась и степень достовѣрности такого рода фактovъ. Изъ разсказовъ «очевидцевъ и бывшихъ членовъ секты» они теперь превратились въ судебныя показанія, записанныя со словъ виновныхъ слѣдователями, облечеными полнымъ довѣріемъ папскаго престола. Въ Германіи катары никогда не имѣли большой силы. Въ ней преобладали секты рационалистического характера въ родѣ вальденцевъ, мечтавшихъ о возрожденіи на землѣ чистой евангельской нравственности. И тѣмъ не менѣе первый германскій инквизиторъ, Конрадъ изъ Марбурга, всякаго обвиненнаго въ ереси человѣка допрашивалъ насчетъ того, не давалъ ли онъ поцѣлуй мира жабѣ, коту или другимъ страшнющими. Отвѣты, которые удавалось вымучивать Конраду, мы узнаемъ изъ буллы папы Григорія IX отъ 1233-го года, составленной на основаніи донесеній германской инквизиціи въ Римъ. Для куріи являлось доказаннымъ, что нѣмецкіе еретики въ своихъ «школахъ» занимаются тѣми же гнусностями, которыми занимались катары въ «синагогахъ». Булла Григорія IX даетъ намъ вообще одну изъ самыхъ разработанныхъ картинъ еретического шабаша. Приведенный впервые на шабашъ новичокъ прежде всего лобызаетъ дьявола въ образѣ жабы. «Жаба эта всегда бываетъ достаточной величины: иногда съ утку или съ гуся, чаще же съ цѣлую почь». Затѣмъ новичку выходить мертвенно-блѣдный человѣкъ, съ черными, какъ уголья, глазами, худой нещероятно, одна кожа да кости. Съ нимъ тоже новичокъ обмѣнивается поцѣлуемъ. Поцѣлуй этотъ холоденъ, какъ ледь, и послѣ него изъ сердца новичка сразу изглаживается всякая память объ истинной вѣрѣ. Затѣмъ собраніе садится за пирушку. Послѣ пирушки идь статуи, «которая всегда стоитъ и еретическихъ школъ».

лихъ», поднимается черный котъ. Но къ цѣлованію кота допускаются лишь «совершенные». Прочие же еретики только склоняютъ передъ котомъ головы, прося его о милости и обѣщаю ему повиновеніе. За обожаніемъ кота слѣдуетъ неизбѣжная оргія въ кромѣшной тьмѣ. Тьма эта разсѣвается отъ нового явленія дьявола. На этотъ разъ онъ принимаетъ до пояса видъ человѣка, отъ которого исходитъ ослѣпительное сіяніе, ниже же пояса онъ остается однако шершавъ, какъ котъ. Онъ благодарить «мастера», представившаго предъ его очи новичка, за вѣрную службу и такъ далѣ. А въ жизни, прибавлять булла, эти гнусные люди прикidyваются добрыми католиками. Каждый годъ на Пасху они тоже являются къ причастію. Но они не потребляютъ гостію, а принеся ее во рту домой, выплевываютъ въ помойную яму, позора своего Спасителя.

Сходный шаблонъ былъ принять инквизиціей и на процессѣ ордена храмовниковъ. Этимъ еретикамъ тоже пришлось признаться, что они плюютъ на крестъ, покланяются дьяволу въ видѣ идола или въ видѣ кота и предаются разнузданному разврату. Оргіи у храмовниковъ носили, впрочемъ, еще болѣе сатанинскій характеръ, чѣмъ у другихъ еретиковъ. Мѣсто женщинъ у этихъ рыцарей-монаховъ заступали демоны—succubus'ы.

Какимъ же образомъ на свѣтѣ отыскивались люди, способные вступать въ такія отвратительныя сообщества? Для добрыхъ католиковъ казалось несомнѣннымъ, что дѣло не могло тутъ обходиться безъ колдовства. Первое же гоненіе на катаровъ въ началѣ XI вѣка родило легенду о ихъ волшебномъ порошкѣ, заставлявшемъ забывать истинную вѣру. Извѣстные намъ безансонскіе еретики, у которыхъ подъ мышкой былъ зашить договоръ съ сатаной, сорвавши народъ своими знаменіями. Мы видѣли, какъ они пользовались характерной для всѣхъ колдуновъ потерей въ удѣльномъ вѣсѣ. Они кружили добрымъ католикамъ головы, ходя по водѣ какъ по сушѣ и не оставляя слѣдовъ на полу, усыпанномъ мукой. Огонь оказывался безсиленъ противъ еретиковъ не въ одномъ Безансонѣ. Въ другихъ мѣстахъ тоже записаны были случаи, когда еретикъ не горѣлъ на кострѣ, пока къ костру не выносили Св. Даровъ. Приведенный у насъ выше разсказъ монаха Альбериха про подвиги толедскаго чернокнижца въ Мастирихѣ тоже стоять въ прямой связи съ исторіей распространенія ересей. Отъ этихъ восьми клириковъ, развращенныхъ чернокнижцемъ, и пошла, по словамъ Альбериха, секта люциферанъ. Вообще у монаховъ-лѣтописцевъ было что перазсказать про гнусную дружбу демоновъ съ еретиками. Въ 1233 году, заносить въ свою хронику тотъ же Альберихъ, въ

Германиі сожжено было несчетное множество еретиковъ, при чёмъ одна особенно дорогая сердцу Люцифера дружка съ костра была подхвачена демонами и исчезла безъ слѣда. Онь же передаетъ памъ еще болѣе поразительный случай, обнаружившійся на большомъ процессѣ, который инквизиція вела въ 1239 году противъ катаровъ въ окрестностяхъ Шалона на Марнѣ. Нѣкая еретичка показала тамъ суду, какъ она однажды въ страстную пятницу демонами перенесена была въ Миланъ, чтобы прислуживать за трапезой тамошнимъ катарамъ. А чтобы мужъ не замѣтилъ ея отсутствія, одногъ изъ демоновъ скинулся ею и остался дома рядомъ съ мужемъ... Однимъ словомъ, къ тому времени, какъ инквизиція выступила на сцену, популярное мышеніе не знало уже строгаго различія между еретикомъ и колдуномъ: все это были люди, связанные съ нечистой силой.

Нѣсколько иначе подступали къ вопросу тѣ исключительные знатоки вѣры, тѣ бывшіе слушатели богословскихъ факультетовъ, которые наполняли трибуналы инквизиції. Они не зачисляли всѣхъ еретиковъ въ категорію колдуновъ; зато во всякомъ колдовствѣ они видѣли нечто еретическое, что дѣлали такія преступленія подсудными *sancto officio*. Въ самомъ дѣлѣ, наука твердо установила, что колдовать возможно лишь силой демоновъ, что всякое колдовство предполагаетъ договоръ съ сатаной и отреченіе отъ Бога. Каждый колдунъ, слѣдовательно, могъ разсматриваться, какъ отщепенецъ отъ церкви. А вѣренное инквизиціи *negotium fidei* въ томъ и заключалось, чтобы вернуть церкви полное единство. Значитъ, если инквизиторъ того хотѣлъ, онъ могъ въ своихъ проповѣдяхъ обязывать населеніе доносить не только на катаровъ или на валльденцевъ, но и на всѣхъ *invocatores daemoniis*, на всѣхъ, кто «заключаетъ съ демонами открытыe или молчаливые договоры».

Такъ понимали свои полномочія первые дѣятели инквизиції и такъ они учили своихъ преемниковъ. Замѣтимъ, что въ рукахъ высоко-образованныхъ людей, какими были папскіе слѣдователи, *Acta inquirendi haereticos* скоро пришло ученый, систематическій характеръ. Развинутая *Summa de officio inquisitionis*, *Practica inquisitio-*
nis, *Directorium inquisitorum* и такъ далѣе, гдѣ обобщался судебный опытъ ряда инквизиціонныхъ трибуналовъ, къ концу среднихъ вѣковъ представляли изъ себя особый отдѣлъ юридической литературы, и уже самымъ раннімъ изъ нихъ содержать въ себѣ *Interrogatoria ad sortilegos, divinos et invocatores daemoniis*. Въ этомъ отдѣлѣ, посвященномъ колдовству, мы находимъ все содержаніе «черныхъ книгъ», вранцовавшихся въ обществѣ XIII вѣка. Знакомство съ бесчисленными видами гаданья и оперативной магіи входило по-

примечаниемъ составнымъ элементомъ въ образованіе совершенного инквизитора.

Но оказалось, что инквизиторы тутъ потерпелись. Дѣла о колдовствѣ были известны римской церкви какъ нельзя лучше, когда она еще не вѣдала никакихъ еретиковъ. Дѣла эти всегда разбирались епископскимъ судомъ, и некоторые изъ епископовъ, повидимому, совсѣмъ не склонны были допускать вмѣщательства новыхъ папскихъ агентовъ и въ эту область. По крайней мѣрѣ мы находимъ, что въ 1260 году папа Александръ IV счѣль нужнымъ обратиться къ инквизиторамъ съ такимъ предостереженіемъ: «Порученное вамъ дѣло вѣры,—писалъ имъ папа,—настолько важно, что вамъ не слѣдуетъ отвлекаться отъ него преслѣдованіемъ другого рода преступлений. Поэтому дѣла о гаданіѣ и колдовствѣ надобно вести инквизиціоннымъ порядкомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они опредѣленно отзываются ересью; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ ихъ надо оставлять за учрежденными для того ранѣе судами».

Принципъ былъ выставленъ. Но надобно было еще найти конкретныя формулы, соответствующія принципу, надобно было установить признаки колдовскихъ дѣяній, которыя *haeresim sapient manifeste*. У корифеевъ схоластики на это не отыскивалось прямыхъ отвѣтовъ. Въ своемъ абстрактно-философскомъ порядкѣ идей они не имѣли повода касаться этого вопроса, который получилъ теперь такую практическую важность, они не имѣли повода точно анализировать соотношеніе между ересью и колдовствомъ. Такимъ образомъ ученые канонисты здѣсь были предоставлены собственнымъ силамъ.

Одной изъ самыхъ удачныхъ попытокъ решить вопросъ долгое время считалась записка, составленная въ началѣ XIV вѣка знаменитымъ болонскимъ юристомъ Ольдрадо да Понте для папскихъ комиссаровъ, которымъ было поручено заняться дѣломъ нѣкоего Иоанна изъ Партиаха. Этого Иоанна схватила инквизиція за то, что онъ, добиваясь благосклонности одной дамы, далъ выпить ей паговорнаго зелья. Иоаннъ, пользуясь своими связями, подальше въ Римъ жалобу, доказывая свою неподсудность инквизиціонному трибуналу. Папа поручилъ разсмотрѣть основательность претензій двумъ епископамъ, которые съ своей стороны и консультировали Ольдрадо. Ольдрадо вѣль разсужденіе такимъ путемъ. Онъ исходилъ изъ опредѣленія ереси, составленного еще бл. Августиномъ и прилагатаго къ такъ называемый Декретъ: *haeticus est, qui falsas vel novas opiniones gignit vel sequitur*¹⁾). Согласно этому существенными

¹⁾ Еретикъ тотъ, кто создаетъ или усвоиваетъ ложные или новые мнѣнія.

призывами ереси для него являлись, съ одной стороны, ертог *in ratione*¹⁾, съ другой—*pertinacia in voluntate*²⁾. Итакъ, не всяко обращеніе къ демонамъ должно признаваться «пахнущимъ ересью» и подсудимымъ инквизиціи. Тутъ дѣло зависитъ, во-первыхъ, отъ того, о чёмъ человѣкъ демоновъ просить. Такъ, спрашивать демона о будущемъ, конечно, ересь, ибо знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу, и вопрошающій приписывается такимъ образомъ демону божеския свойства. Но обращаться къ демонамъ за тѣмъ, звичайно къ пимъ обратился Иоаннъ, отнюдь не можетъ признаваться еретическимъ дѣяніемъ. Иоаннъ хотѣлъ при помощи дьявола соблазнить добродѣтельную женщину. Конечно, это тяжкій грѣхъ; но заблужденія тутъ нѣтъ, такъ какъ качествомъ искусителя и по церковному учению является однимъ изъ главныхъ качествъ дьявола: «искусителемъ» прямо называетъ сатану Св. Писаніе. Съ другой стороны, продолжалъ Ольдрадо, необходимо различать, въ какой формѣ обращался человѣкъ за содѣйствіемъ къ демонамъ. Если онъ — какъ то было въ случаѣ Иоанна — пытался имъ приказать, то тутъ опять-таки нѣтъ «вкуса ереси». Но трудно не считать ересью, если человѣкъ при этомъ предъ демонами унижался и воздавалъ имъ почести, которыя приличествуютъ лишь Богу или святымъ.

Папскіе комиссары признали доводы Ольдрадо убѣдительными и объявили Иоанна не подлежащимъ инквизиціонному суду. Инквизиція, съ своей стороны, тоже не стала пускаться въ принципіальныя препирательства съ Ольдрадо. Она лишь твердо стояла на одномъ: что она можетъ всѣхъ виноватыхъ въ занятіяхъ волшебствомъ брать къ себѣ на допросы и что ей самой должно быть предоставлено выясненіе того, какія формы принимало въ различныхъ случаяхъ *invocatio daemonicum*, былъ ли тутъ ясно выраженный или молчаливый договоръ, и какъ поступки колдуна относились къ культу «латрій» или «дулій». И въ этомъ ей со стороны римской куріи не было отказа. Мало того: многіе изъ преемниковъ Александра IV сами поощряли инквизицію безъ всякаго стѣсненія высаживать и судить колдуновъ извѣстнымъ намъ упрощеннымъ порядкомъ, ссылаясь на то, что иначе отъ волшебства скоро совсѣмъ не станетъ никому житѣя: такъ быстро умножалось, по ихъ мнѣнію, число людей, которые «заключали союзъ со смертью и съ пренеподобною дѣланіи договоръ».

Adorare daemones, baptizare imagines et talia sunt valde gravia peccata.

1) Заблужденіе разума.

2) Упорство воли.

cata et modernis temporibus multam incipiunt pullulare¹⁾—эти характерные для XIV века жалобы заслуживают нашего полного внимания. Стала ли Западная Европа к этому времени действительно колдовать сильнее, чём она колдовала прежде, на это источники наши не позволяют нам дать ответа. Во всяком случае и в раннее средневековье Европа была съ колдовством достаточно знакома. Но несомненно, что в XIV векѣ она сильнее трепетала перед колдовствомъ, чёмъ трепетала раньше. Съ одной стороны, самое колдовство принимаетъ въ ней гораздо болѣе мрачный, католический характеръ. Научная разработка вопроса о волшебстве въ высшей школѣ успѣла принести свои плоды. Черезъ монаховъ-проповѣдниковъ, служившихъ посредниками между университетами и народной массой, «теорія договора» стала знакома самимъ глухимъ мѣстностямъ Европы и вызвала соответственный прогрессъ въ практикѣ волшебства. «Продажа души чорту» изъ области легенды теперь переходитъ въ очень распространенную операцию. Мы знаемъ, какъ разросся образъ сатаны къ XIV веку—довольно вспомнить Данте или фрески на кладбищѣ въ Пизѣ—и сила эта манила къ себѣ всѣхъ, чье сердце склонилось отчаяніемъ, гибвомъ, любой или страстью. Принесеніе сатанѣ жертвъ—оть черной бабочки до некрещенаго младенца—вызовы сатаны, черная месса, подпись кровью вѣрноподданнической присяги, дикія преступленія съ цѣлью спискать особую благосклонность ада—на все это въ концѣ среднихъ вѣковъ действительно пускались отчаянныя головы. Съ другой стороны, тѣ же успѣхи богословской науки, равно какъ общее накопленіе опыта, сильно ослабили прежнюю спасительную вѣру въ мѣры, которыя своевременно выработала католическая церковь для огражденія своихъ чадъ отъ козней нечистой силы. Уже Фома Аквинскій признаетъ, что церковные заклятія одолѣваютъ демоновъ не при всякой «тѣлесной портѣ». Но онъ высказываетъ еще убѣжденіе, что «экзорцизмъ» не можетъ оставаться безсильнымъ, если онъ примѣняется именно къ тому случаю, для которого онъ былъ съ самого начала предназначенъ. Позднѣе же схоластика дѣлаетъ и дальнѣйшія уступки очевидности. «Опять показываетъ,— говорятъ доктора богословія въ XIV векѣ,— что съ попущеніемъ Божія демоны иногда не отступаютъ ни передъ какими заклятіями и экзорцизмами. Въ подобныхъ случаяхъ снять порчу можетъ соб-

1) Возвращать божеския почести демонамъ, крестить восковыя фигуры и тому подобное—все это тяжкие грѣхи, весьма умножающиеся въ новое время. (По средневѣковому взгляду дѣйствия надъ восковой фигурой человѣка только въ томъ случаѣ могли отынаться на человѣкѣ, если такая фигура была предварительно окрещена спящимъ, какъ живой младенецъ.)

ствопио лишь тотъ колдунъ, который ее напустилъ, или связавшися съ тѣми же демонами его товарищъ. Но обращаться къ колдуну за чѣмъ бы то ни было, хотя бы за избавленіемъ отъ ого же чарь, значить впадать въ смертельный грѣхъ».

При такихъ обстоятельствахъ обществу оставался одинъ путь. Оно должно было усиленно бороться противъ колдуновъ земными средствами, оно должно было рукою правосудія нещадно вырывать подобныхъ «лиходѣевъ» изъ своей среды. А рука правосудія въ концѣ среднихъ вѣковъ ложилась на всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ столкновеніе, съ иною тяжестью, чѣмъ въ раниe средневѣковые.

Exempla trahunt. Слѣдственный процессъ съ судебнай пыткою недолго оставался исключительной принадлежностью главной носительницы средневѣковой культуры, римской церкви. «Легисты», наполнившіе въ эпоху процвѣтанія университетовъ совѣты государей, скоро вывели на ту же дорогу и свѣтскій судъ. Съ конца XIII вѣка одно европейское государство за другимъ переходитъ отъ стараго обвинительнаго процесса къ смыслу, дѣлая изъ застѣнка необходимую принадлежность слѣдственной камеры, и вмѣстѣ съ этимъ въ исторіи Европы открывается періодъ, «когда суды являлись худшой угрозой для свободы, чести и счастья гражданъ, не жели всякой деспотической произволъ» (Вѣхтеръ).

Наука именемъ религіи осуждаетъ малѣшее сомнѣніе въ существованіи колдовства. Папскій престоль мечеть противъ колдуновъ буды, объявляя отлученными отъ церкви *ipso facto* «всѣхъ, кто приноситъ демонамъ жертвы и покланяется имъ, кто замыкаетъ демоновъ въ кольца, зеркала и пузырки, кто вопрошаетъ демоновъ о будущемъ, просить у нихъ содѣйствія и за столь гнусныя вещи платить имъ гнуснымъ холопствомъ». Общество въ страхѣ всюду видитъ колдуновъ и усердно на нихъ доноситъ. Суды съ помощью пытки почти у всякаго оговоренного вырываютъ признаніе въ винѣ. Количество процессовъ все растетъ. Каждый процессъ является новымъ подтвержденіемъ правоты науки и папскаго престола. Каждый процессъ все больше раскрываетъ глаза людямъ на тѣ опасности, которыми постоянно грозить имъ нечистая сила. Какъ же могли бы они въ такую пору не толковать о томъ, что «новое время кипитъ колдунами» и какъ бы они стали отказываться въ борбѣ противъ колдовства отъ услугъ такого учрежденія, какъ инквизиція, блестящѣ доказавшша совершенство своей организаціи на побѣдоносной борбѣ съ еретиками? *Valde rationabiliter posset ecclesia statuere, quod talia facientes, etsi non haberent errorum fidei in intellectu, si facerent hoc precise propter aliquod pactum cum demone habitum, velut heretici punirentur, et forsitan expediret, ut propter gravitatem pene homines a*

такія пожеланія раздавались изъ среды самого общества, и въ этомъ духѣ составленъ былъ цѣлый рядъ папскихъ булль на протяженіи XIV и XV вѣка.

Къ чему же однако намъ останавливаться съ исключительнымъ вниманиемъ на папской инквизиції? Развѣ же инквизиціонный процессъ съ пыткой не сталъ теперь преобладающей формой уголовнаго правосудія въ Европѣ? И развѣ одной этой перемѣны въ европейскомъ судоустройствѣ не достаточно, чтобы объяснить, какъ могли въ концѣ среднихъ вѣковъ увидѣть свѣтъ истинные процессы вѣдьмъ? Почему намъ не присоединиться просто къ давно выказанному положенію, по которому «процессы вѣдьмъ являются законнымъ чадомъ юриспруденції»? Можетъ быть правы католические историки, говоря, что міръ обязанъ быть появленіемъ вѣры въ вѣдьмъ не богословамъ, а юристамъ? Всѣ элементы бреда вѣдьмами, всѣ эти безчисленные рассказы про оборотней и стригъ и т. п., вопреки просвѣтительнымъ стараніямъ церкви, упорно жили въ невѣжественной народной массѣ. Извѣстныя печальные события XIV вѣка съ черною смертью во главѣ придали работѣ народной фантазіи особенно болѣзненную, мрачную окраску. А тутъ явилась пытка—способъ дознанія, который часто даже самаго добросовѣстнаго судью лишалъ возможности отличить болѣзненный бредъ отъ истины. Зачѣмъ же трогать здѣсь схоластику? Зачѣмъ искать нужнаго объясненія въ какихъ-то дебряхъ, когда оно у всѣхъ передъ глазами?

«Рациональная юриспруденція» конца среднихъ вѣковъ, родная сестра «рациональной теологии», конечно, дѣлить съ ней ответственность за появление процессовъ вѣдьмъ. Культура умиравшей Римской имперіи заразила юность европейской науки не только спиритизмомъ. Оттуда же заимствована была наукой идея государства, обладающаго правомъ во имя общаго блага творить любое насилие надъ отдельной личностью. И спора нѣтъ, что если бы пытка къ началу новой исторіи не стала обычной принадлежностью ученаго суда, то европейская цивилизациѣ осталось бы чиста отъ смраднаго пятна гоненія на вѣдьмъ. Но факты неоспоримо свидѣтельствуютъ и о томъ, что одна ссылка на пытку еще ничего не объясняетъ намъ въ происхожденіи процессовъ о вѣдовствѣ. Только въ рукахъ судьи-схемастика, пріученнаго школой чураться эмпиризма и материализма, пытка оказалась способной переработать всѣ относящіяся

¹⁾ Церковь могла бы съ полной цѣлесообразностью постановить, чтобы тѣ, кто занимается подобными вещами, даже въ томъ случаѣ, если при этомъ не оказывается заблужденіемъ разума, карались бы какъ еретики, разъ тутъ имѣеть мѣсто договоръ съ дьяволомъ. И следовало бы тажестью такой кары отпугивать отъ этого людей.

сюда беззвязанныя народные представления въ одну цѣлую, потрясающую картину.

Дѣйствительно, развѣ въ самой Римской имперіи всѣ элементы позднѣйшаго бреда вѣдьмами не находились ужъ налицо? И разгѣ имперія, особенно изъ христіанскую свою пору, стѣснялась при до просьѣ колдуною прибѣгать къ жесточайшимъ формамъ пытки? Драконовскимъ духомъ дышать указы императора Констанція о мѣрахъ для конечнаго искорененія волшебства въ христіанскомъ мірѣ. Библія говоритъ: «Чародѣевъ не оставляй въ живыхъ», твердили Констанцію окружавшіе его ариане — и императоръ поступалъ по соотвѣтствію. Всякій видъ волшебства, хотя бы самый невинный, какъ амулеты противъ какой-нибудь болѣзни, теперь карался смертью. Что жъ касается вредоносныхъ маговъ, «которые преступно распоряжаются стихіями и губятъ своихъ близкихъ», то въ борьбѣ съ ними Констанцій не останавливался ни передъ какими жестокостями. Онъ повелѣвалъ судамъ хватать заподозрѣнныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ лицъ по первому доносу, пытать ихъ пакрѣнко и въ случаѣ скораго признанія кидать звѣрямъ или распинать на крестѣ, а въ случаѣ упорного запирательства рвать у нихъ желѣзными крючьями мясо съ костей. И тѣмъ не менѣе до самаго конца Римской имперіи колдуны все же оставались простыми колдунами. Они не стали «сектой», не стали распутничать съ нечестивымъ, не полетѣли никуда на шабашъ. По временамъ, какъ при самомъ Констанціи или при Валенсѣ, имъ приходилось очень плохо. Но то были отдельныя вспышки деспотическихъ жестокостей, и въ общемъ Римская имперія не можетъ указать ничего подобнаго позднѣйшему двухвѣковому преслѣдованию вѣдьмъ. Тѣ же условія находимъ мы и въ средневѣковой Византіи. И тамъ душа народной массы кипѣла сусѣвріемъ; и тамъ колдунъ, попавъ на судъ, не избѣгая рука заплечныхъ мастеровъ; и все это не привело однако Византію къ знакомству съ «вѣдовствомъ». Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ здѣсь представляются, конечно, непосредственныя наблюденія надъ ходомъ различныхъ колдовскихъ процессовъ на томъ же западѣ Европы въ XIV вѣкѣ.

Дѣла о колдовствѣ въ разныхъ мѣстахъ шли тогда очень различными порядкомъ. Въ отсталыхъ странахъ и свѣтскій и епископальныій судъ сице придерживались старого «обвинительнаго» процесса. На руку съ этимъ другія страны и въ свѣтскихъ и въ епископальныхъ трибуналахъ усвоили уже слѣдствіенный процессъ съ пыткой. Наконецъ, колдунами занимался также судъ инквизиціи, особенности котораго памъ извѣстны. Ходъ дѣлъ, которыя велись старымъ обвинительннымъ порядкомъ, пачь возвращаешь къ раниему средино-

шкою: процессы рѣдки, кары мягки, донось является рискованною вещью. Много жесточе дѣйствуютъ свѣтскіе и епископальные суды, которые успѣли уже обзавестись застѣнкомъ. Число процессовъ возрастаетъ, исходъ ихъ обыкновенно бываетъ неблагопріятенъ для обвиняемыхъ, общество замѣтно привыкаетъ пользоваться обвиненiemъ въ колдовствѣ, какъ средствомъ мести. Но тѣмъ не менѣе и въ свѣтскихъ и въ большинствѣ епископальныхъ судовъ ходячія представленія о колдовствѣ за это время не обогащаются никакими новыми чертами. Предь нами тутъ однообразной вереницей проходять люди, обвинявшіеся въ томъ, что подъ вліяніемъ страсти, ревности или злобы они готовили все тѣ же наговорныя зелья, восковыя куклы, амулеты и т. д. Нигдѣ въ указанныхъ судахъ процессы эти не проявляютъ также наклонности принимать массовый характеръ. На скамье подсудимыхъ являются отдельные лица или небольшія группы соумышленниковъ, оправданіемъ или обвиненіемъ которыхъ все и кончается. Зато процессы, которые велись епископами изъ иищенствующихъ монаховъ и еще болѣе процессы папской инквизиціи въ томъ же XIV вѣкѣ—даже до черной смерти—явственно начинаютъ менять свою окраску, заставляя настѣчувствовать близость настоящихъ процессовъ вѣдьмъ.

Дѣйствительно, чѣмъ чаще дѣла о колдовствѣ попадаютъ въ руки судей-демонологовъ, знакомыхъ со всѣми установленными наукой возможностями въ этой сферѣ, тѣмъ смерзительнѣе становятся фигуры колдуновъ. Если бы колдуны занимались лишь тѣмъ, за что ихъ прежде обвиняли! А то схваченная въ Новарѣ инквизиціей чертовка, которая тамъ извела столько дѣтей, призналась, что, заключая съ адомъ договоръ, она топтала крестъ ногами и на колѣньяхъ молилась сатанѣ. Или взять «дьявольское гнѣздо», накрытое въ Ирландіи францисканцемъ Рихардомъ Ледредомъ, епископомъ оссорійскимъ, въ 1324 году. Ихъ было тамъ 12 душъ—семь женщинъ и пять мужчинъ, изъ нихъ одинъ духовный, и всѣ они оказались на судѣ ужасными *haeretici sortilegæ, diversis intentes sortilegiis, quae sapienter diversas haereses*¹⁾). Душой компаніи была знатная дама Алиса Кителеръ, «волшебница, по силѣ равнявшаяся самимъ могучимъ волшебникамъ Англіи и даже всего міра». Весь этотъ скопъ отрекся отъ Христа и церкви, ругался надъ таинствами, по ночамъ на перекресткахъ приносилъ дьяволу жертвы, и дьяволъ самъ являлся къ нимъ то какъ арапъ, то какъ черная собака, то какъ котъ. Но какъ бы онъ ни являлся, они безбожно съ нимъ распутничали.

¹⁾ Еретическими колдунами, занимавшимися разными видами колдовства, которые отличались различными ересями.

Звались ихъ главный дьяволъ *Robinus filius artis*. Онъ частенько жалованъ и на домъ къ своей возлюбленной, госпожѣ Алисѣ, когда однинъ, когда съ пріятелями. Что они тамъ творили—это перо отказываются передавать. Въ черепѣ обезглавленного преступника изъ мозга покрещенаго младенца съ прибавкой травъ и всякой несанкционированной мерзости варили эти колдуны свои зелья, отъ которыхъ плохо приходилось добрымъ христіанамъ. Сама Алиса всѣхъ четырехъ своихъ мужей отправила съ помощью ада на тотъ свѣтъ. Алиса, правда, ускользнула отъ руки епископа, убѣжавъ въ Англію. Но кому изъ гнусныхъ ея сообщниковъ пришлось отправиться по вѣслугамъ на костеръ. Прежде всего была брошена въ огонь горничная Алисы, Петронилла: *et haec est prima sortilega haeretica inter tot et tantas, quae unquam combusta fuit in Hibernia*¹⁾), такъ кончаетъ свой разсказъ о ней хроника XIV вѣка. Итакъ, оказалось, что «еретические колдуны», эта вновь установленная колдовская разновидность, по мѣстамъ собирались на такие же шабаши, какъ и настоящіе сектанты. Чаще всего съ этимъ приходилось встречаться южно-французской инквизиціи, работавшей въ странѣ особенно зараженной ересями, и въ инквизиціонные архивы для справокъ грядущимъ инквизиторамъ были занесены на этотъ счетъ дѣйствительно поразительные факты. Такъ, въ 1335 году на большомъ процессѣ въ Тулузѣ, гдѣ колдуны судились вмѣстѣ съ еретиками, инквизитору Пьеру Гюи пришлось выслушать отъ двухъ «еретическихъ колдуній» признаніе такого рода. Ужъ 20 лѣтъ тому назадъ, говорили онѣ, былъ ими заключенъ страшный договоръ съ адомъ. Было то ночью, на перекресткѣ, и сатана явился тутъ въ видѣ пламени. Послѣ этого каждую субботу онѣ стали впадать въ волшебный сонъ и улетать на шабашъ. На шабашѣ, гдѣ сатана принималъ поклоненіе въ видѣ гигантскаго козла, конечно шла обычная оргія—распутство участниковъ между собой и съ сатаной. Изъ угощенья же особымъ лакомствомъ являлось мясо младенцевъ, стащеніиныхъ ночью. Но этотъ шабашъ былъ въ то же время и своего рода «школой». Сатана тутъ преподавалъ всѣ тайны колдовского искусства: какъ поднимать бури, какъ напускать болѣзни и т. д. Все это взятыя инквизиторомъ колдуніи показали изъ-подъ пытки. Добромъ же онѣ не захотѣли этихъ показаній подтвердить. Одна изъ нихъ прямо стала объяснять, что она женщина большая и что подобныя видѣнія мучили ее ночью, какъ комары, и даже иногда днемъ, какъ галлюцинаціи. Въ виду необыкновенности дѣла инкви-

¹⁾ То было первая еретическая колдунія изъ всѣхъ, кои когда-либо были оговорены имъ Прѣподобніемъ.

зиторъ пригласилъ на совѣтъ нѣсколькихъ «мудрыхъ и ученыхъ мужей». Въ результатѣ совѣщанія отговорки колдуній были признаны дьявольской хитростью, и подсудимыя были отданы въ руки свѣтской власти, которая и озабочилась ихъ сожжениемъ.

Надъ этимъ показаніемъ «мудрымъ и ученымъ мужамъ» дѣйствительно приходилось задуматься. Разсказъ тулусскихъ колдуній объ ихъ полетахъ на шабашъ, гдѣ онъ пожирали младенцевъ, очень напоминалъ народное повѣрье о стригахъ-людоѣдахъ, а эти бредни были давно уже осуждены церковью, и предписаніе сажать за нихъ на хлѣбъ и на воду съ тѣхъ порь неоднократно церковью подтверждалось. Такъ относились къ дѣлу Руководства по церковной дисциплинѣ, такъ относились и люди науки.

„Иные утверждаютъ, что нѣкая царица ночи или Иродіада устраиваетъ ночные сборища для пира и для службы, гдѣ по заслугамъ она однихъ наказываетъ, другимъ же расточаетъ похвалы. Туда же, говорятъ они, ламіями приносятся младенцы, и однихъ сборище немедленно рвѣтъ на куски и пожираеть, другихъ же предсѣдательница милуетъ и возвращаетъ въ колыбели. Кто можетъ быть однако такъ слѣпъ, чтобы не видѣть, что это злостное издѣвателство демоновъ наль человѣческими чувствами? Не даромъ это случается лишь съ бѣдными женщинами да съ глупыми, слабыми въ вѣрѣ мужчинами. Если же съ человѣкомъ, страдающимъ подобнымъ оскѣщеніемъ, потолковать покрѣпче и раскрыть ему глаза, то злой духъ съ легкостью побѣждается и отгоняется. Лучшее лѣкарство противъ подобной болѣзни — имѣть твердую вѣру, не слушать такой лжи и не обращать никакого вниманія на всѣ эти прискорбныя глупости“.

Противъ такого разсужденія, представленного въ свое время Иоанномъ Салисберійскимъ, никто изъ образованныхъ людей съ тѣхъ порь не считалъ возможнымъ спорить, и сама инквизиція неукоснительно предлагала нетвердымъ въ вѣрѣ людямъ вопросъ, не прегрѣщали ли они также и противъ Canon Episcopi. Но, съ другой стороны, колдуны не поминали никакой царицы ночи. То, что они описывали, почти во всемъ сходилось съ обыкновенной картиной шабаша еретиковъ. А еретические шабаши самой же инквизиціей были доказаны документально. Пьеръ Гюи и его консультанты рѣшили вопросъ въ томъ смыслѣ, что показаніямъ колдуній надо дать вѣру. Но дѣло по существу во всякомъ случаѣ оставалось темнымъ. Народное воображеніе сильно занято было теперь картиной шабаша, и инквизиторы имѣли въ рукахъ факты, что нѣкоторые негодли готовы были отречься отъ Христа только за тѣмъ, чтобы попасть на сатанинскія вакханалии. Такъ, въ Каркассонѣ въ 1352 году семь человѣкъ признались инквизитору, что они въ духѣ обожали Козла, надѣясь быть взятыми на шабашъ, но по маловѣрью не могли этого достигнуть. Но кого бралъ дѣйствительно сатана на шабashi, какъ туда можно было попадать и, въ частности, насколько усердно шабashi посѣщались «еретическими колдунами», — насчетъ всего этого

інквізіція не дѣлала єще никакихъ заключеній, не обладая тѣмъ до-
статочномъ количествомъ пужнимъ судебнымъ матеріаломъ.

Та медленность, съ которой разъяснялись эти вопросы, та мед-
ленность, съ которой інквізіція доходила до представлений о вѣду-
махъ и вѣдьмахъ, какъ особой «сектѣ», въ значительной мѣрѣ
обусловливалась тѣмъ, что інквізіціоннимъ трибуналамъ долго
время приходилось работать въ крайне неблагопріятныхъ уловіяхъ.
Намъ теперъ ясно, какъ выросли позднѣйшія сказанія о вѣдьмахъ.
Мы видимъ, что тутъ слились три различныхъ элемента—вѣра въ
колдовство, вѣра въ ужасные еретические шабаши и вѣра въ ле-
тающіхъ по ночамъ то кровожадныхъ, то распутныхъ, то просто
подкидыхъ до угощенія женщинъ. Вѣра въ летающихъ по воздуху
людей играла при этомъ первостепенно важную роль. Стоило вы-
дернуть изъ ткани эту нить, и отъ ученія о «сектѣ вѣдьмъ» ни-
чего не оставалось. Разбросанныхъ по свѣту «еретическихъ колду-
новъ» возможно было слить въ одно сообщество наподобіе катаро-
въ и вальденцевъ лишь при одномъ условіи, что для нихъ от-
крыты не только земные, но и воздушные пути. Иначе всѣ оговоры
со стороны сообщниковъ—главный источникъ питанія для процессовъ
вѣдьмъ—неизмѣнно бы разбивались о доказательства матеріальной
невозможности для указанныхъ лицъ находиться въ данное время
на данномъ мѣстѣ. Но если въ Европѣ XIV и XV вѣка было
не мало мѣстностей, гдѣ «стриги» занимали народную фантазію съ
такой же силой, какъ при Буркардѣ Вормскомъ или при Іоаннѣ
Салисберійскомъ, то въ общемъ мѣстности эти совсѣмъ не совпа-
дали съ тѣми, гдѣ приходилось вести свою работу інквізиції. Тѣ
области Европы, гдѣ живо было первобытное міросозерцаніе, не
имѣвали у себя и язвы ересей и не нуждались въ заботахъ інкви-
зиціонныхъ трибуналовъ. Ереси были порождениемъ передовыхъ
странъ съ сильно развитой городской культурой, какъ южная Фран-
ція и сѣверная Италія. Изъ горожанъ главнымъ образомъ со-
столи ряды катаровъ, которыхъ современники нерѣдко обозначали
просто наименіемъ ткачи. Города составляли точно такъ же и глав-
ную арену дѣятельности вальденцевъ и ломбардскихъ бѣдныхъ. Но,
разрушая наивность вѣры, толкая людей на путь раціонализма, го-
родская атмосфера естественно разрушала вмѣсть съ тѣмъ и па-
нивость суевѣрій. Какъ это было въ Римской имперіи, такъ это
было и въ средній вѣкѣ. Стригамъ и оборотнямъ въ городскихъ
стенахъ не находилось пужшаго простора.

Въ Европѣ XIV-XV вѣка были однако двѣ страны, ко-
торыя сомнѣвались въ себѣ не совмѣщавшіяся въ другихъ мѣстахъ
условія—крайнюю умственную отсталость населенія и изобиліе из-

ого средѣ еретиковъ. Странами этими являлись Альпы и Пириней. Центрально расположеннымъ Альпамъ и принадлежитъ печальная честь считаться истинной колыбелью «процессовъ вѣдьмъ».

Разбросанные по недоступнымъ горнымъ высамъ и долинамъ, почти оторванные отъ прочаго міра, среди грозной природы, могуче дѣйствовавшей на фантазію, альпійские охотники и пастухи являлись въ ту эпоху, быти, можетъ, самыми вѣрными хранителями запаса первобытныхъ общеевропейскихъ повѣрій. «Альпы кишать суевѣріемъ», писалъ въ началѣ XV вѣка доминиканецъ Нидеръ, и современникъ его тирольскій судья Винтлеръ въ своей поэмѣ «Цѣлты Добродѣтели» при описаніи альпійскихъ суевѣрій нашелъ материала почти на тысячу стиховъ. Съ особеною силой держалась въ Альпахъ вѣра въ домовыхъ, которые по ночамъ вступаютъ въ любовныя сношенія съ людьми, и въ ночные полеты, при чемъ для этого нетрудно указать и физіологическія причины. Такъ называемое *Alpdrücken* и яркій до галлюцинаціи бредъ летаньемъ до сихъ поръ остаются, наравнѣ съ кретинизмомъ, особенно характерными для Альпъ болѣзнями. Къ вѣрѣ въ полеты Винтлеръ возвращается неоднократно. «Многіе мажутъ саломъ кадушки, чтобы летать по воздуху». «Многіе такъ проворны, что въ одну минуту пролетаютъ сотни миль». «Иныеѣздятъ по воздуху на телятахъ и на козлахъ, на камняхъ и на палкахъ». Для правильнаго освѣщенія вопроса замѣтимъ здѣсь, что образованный судья-поэтъ самъ все это относилъ въ область болѣзненнаго бреда. Онъ былъ не важный богословъ: онъ, напримѣръ, не вѣрилъ, чтобы колдуны были способны накликать бури. Но тутъ онъ толковалъ строго согласно съ *Canon Episcopi*. «Ни одинъ человѣкъ не летаетъ, но инымъ грезится, будто они летаютъ. Это мы знаемъ по злымъ, нечистымъ людямъ: они летаютъ, а сами остаются дома, какъ это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Ихъ тѣло не трогается съ мѣста, они уносятся только душой, грезя, будто они и въ самомъ дѣлѣ улетѣли. Такъ ихъ опутываетъ сатана, чтобы они ему тѣмъ крѣпче вѣрили. Ибо кто предается сатанѣ, тому грезится, будто онъ все время летаетъ».

Но эти Альпы, столь густо населенные всякими призраками, ложили въ непосредственному сосѣдству съ Ломбардіей и Провансомъ, главными центрами ранней средневѣковой культуры, главными очагами ересей, главнымъ театромъ подвиговъ инквизиціи. Черезъ Альпы перекочевывали еретики изъ Южной Франціи въ сѣверную Италию, и та же недоступность, которая такъ пагубно отзывалась на умственности коренного населения, дѣлала изъ альпійскихъ долинъ естественное убѣжище для катаровъ и валденцевъ, когда на ро-

динъ гоненіе вспыхивало съ особой силой. Сюда они спасались, чтобы переждать, пока церковные громы стихнутъ, здесь они оставались нерѣдко и на прочное жительство. Въ Альпахъ до сихъ порь еще существуютъ общини валденцевъ. Само собою разумѣется, однако, что инквизиція неспособна была глядѣть на это, сложа руки. Еы французскіе и итальянскіе дѣятели вслѣдъ за еретиками тоже узнали дороги въ Швейцарію и Савойю. Въ XV вѣкѣ съ одной стороны Альпъ Туринъ и Комо, съ другой Женева и Лозанна спабжаются постоянными инквизиціонными трибуналами, которые по твердо установленншемуся къ тому времени порядку за сыскомъ о еретикахъ не забываютъ освѣдомляться у населенія и про людей, замѣченныхъ въ преступныхъ занятіяхъ волнебствомъ. Тѣ и другіе представлены были на этомъ новомъ поприщѣ инквизиціонной дѣятельности очень богато и разнообразно, и здесь наконецъ инквизиції удалось довести до полной ясности то, что только чуялось ей въ самой Италии и Франціи. Здѣсь для нея впервые стало несомнѣннымъ, что нѣкоторые изъ «еретическихъ колдуновъ» подобно настоящимъ еретикамъ, образовали особое сообщество, держащее свои шабаши и занимающееся преступной пропагандой.

Haeretici fascinarii, stregones, strigae haereticae, strigimagaes, или же Gazarii (простонародное швейцарское искаженіе имени катары) и *Waudenses* (*pays de Vaud*)—такими пестрыми названіями, дававшимися по различнымъ примѣтамъ, обозначаетъ инквизиція этихъ новыхъ еретиковъ, которыхъ она принялась усиленно жечь съ первыхъ десятилѣтій XV вѣка. При этомъ новые *Waudenses* сначала строго различаются отъ старыхъ *Valdenses* или ліонскихъ бѣдныхъ, близко знакомыхъ инквизиціи съ XIII вѣка. Съ теченіемъ времени однако различіе между ними мало-по-малу исчезаетъ. Факты показываютъ инквизиціи, что въ колдовской странѣ валденцы сами превратились въ завзятыхъ колдуновъ, и такимъ образомъ латинское название *Valdensis* на ряду съ французскимъ *Vandois* становится господствующимъ обозначеніемъ для членовъ вновь открытой секты. О точности названія здѣсь инквизиція не приходилось, впрочемъ, особенно заботиться, такъ какъ этихъ еретиковъ никакъ нельзя было смѣнить съ другими. Ихъ главною особенностью служила способность летать по воздуху, которой они пользовались, чтобы собираться на свои шабаши изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстъ. *Errores Gazariorum seu illorum, qui scobant vel laevitatem equitare probantur*¹⁾ — таково заглавіе одного изъ первыхъ трактатовъ,

1) Заблужденія газаріевъ или тѣхъ, что юздали, какъ доказано, на метлахъ или на пальцахъ.

гдѣ сохранилось описание новой ереси. Что же касается гнусностей, которые продѣльвались этими валльденцами или летучими колдунами на своихъ шабашахъ, то онѣ затмевали все извѣстное про ранѣе бывавшихъ еретиковъ.

Сама инквизиція сразу обезпокоилась сдѣланнымъ въ Швейцарії открытиемъ и принялась искать слѣдовъ новой секты по другимъ мѣстамъ,—конечно, съ отличавшимъ всегда подобные поиски успѣхомъ. Но Ронъ вверхъ поднялась инквизиція изъ Франціи въ Швейцарію; по Ронѣ внизъ стали спускаться процессы противъ Valdenses ydolatrae изъ Швейцаріи во Францію. Въ 1433 году мы встрѣчаемъ уже большой процессъ такого рода въ Ліонѣ, и скоро слово Vauderie или Vandoisie стало знакомо всей Франціи, сначала ея югу, а затѣмъ и сѣверу. *Avoir été en Vauderie* на языкѣ французскихъ памятниковъ XV вѣка значитъ «летать на шабашъ». Однако инквизиція нѣсколько запоздала съ своимъ открытиемъ. Въ глухихъ альпійскихъ мѣстностяхъ она, положимъ, могла жечь летучихъ колдуновъ десятками. Ей удалось тамъ скоро поставить и свѣтскую власть на свою точку зренія. Автономныя крестьянскія общины въ Валлісѣ подъ руководствомъ сюнскаго епископа уже въ 30-хъ годахъ XV вѣка жгли своихъ вѣдьмъ съ примѣрнымъ усердіемъ. Но когда инквизиція объявила свою новость такимъ странамъ, какъ коренная Франція и Германія, она столкнулась тамъ съ враждебнымъ недовѣріемъ. То была середина XV вѣка, когда старый престижъ римскаго престола и его главныхъ агентовъ, нынѣствующихъ монаховъ, успѣлъ уже померкнуть. Европа видѣла *Magnum Scandalum Ecclesiae*, Европа пережила соборное движение, и чтобы не выпустить окончательно национальныя церкви изъ-подъ своего вліянія, Риму приходилось идти на всякия сдѣлки съ свѣтскимъ государствомъ, которое теперь высоко подняло голову и взяло инквизицію подъ строгій свой надзоръ. Вмѣстѣ съ этимъ давно таившійся въ обществѣ духъ критики сталъ заявлять о себѣ съ неслыханною дерзостью. Монахи-проповѣдники привыкли запугивать народъ чертами. Насмѣшивая буржуазія теперь на это замѣчала, что адъ и черти похожи на сказки, сочиненные духовенствомъ, чтобы съ удобствомъ переводить въ свой карманъ чужія деньги. Но и среди самого духовенства новые инквизиціонные процессы паткнулись на протесты. Приходское католическое духовенство изъ своей массы до самаго конца среднихъ вѣковъ не пользовалось благами высшаго богословскаго образованія и само, повидимому, усилено отчасти заразиться разѣдавшимъ свѣтское мышеніе эдомъ эмпіризма. А тутъ еще присоединилась та испависть, которую оно издревле питало къ шиценнствующимъ орденамъ, вырывавшимъ

у него изъ рука и вліяніе и доходы. Такимъ образомъ инквизиції приходилось являться свидѣтельницей, какъ «пагубные, неученые проповѣдники» осмѣливались говорить своей паствѣ: «Ты по долженъ вѣрить, будто въ самомъ дѣлѣ есть такія колдуны, что изъ просторѣчія зовутся вѣдьмами, и будто отъ нихъ бываетъ вредъ людямъ, скотинѣ и плодамъ земныхъ чрезъ бури. Все это бываетъ отъ другихъ причинъ, намъ непонятныхъ, или съ попущенія Божія черезъ демоновъ, но никоимъ образомъ не черезъ колдуній». Но, что для инквизиції было особенно прискорбно, подобныя же рѣчи можно было слышать и отъ иныхъ людей, стоявшихъ на очень высокой ступени образованности. «Я знаю, — такъ писалъ объ этомъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ гонителей вѣдовства, — что многое есть людей, обладающихъ великой репутацией, ученостью и познаніями, которые считаютъ этихъ несчастныхъ заслуживающими не столько кары, сколько состраданія, и полагаютъ, что такъ называемая ими меланхолія и галлюцинації подобныхъ жепиціи требуютъ успокоительного питья и молитвъ, а вовсе не пламени костра». Подобныхъ скептиковъ надобно было переубѣдить. Надобно было раскрыть самому обществу глаза на весь объемъ грозившей ему опасности. Для этого же надо было предъявить ему материалы, скопившіеся въ архивахъ инквизиції. Иначе, какъ признавали сами инквизиторы, общество было, конечно, въ правѣ относиться подозрительно къ законности новыхъ процессовъ. Дѣло это, говорили они, безспорно совсѣмъ особаго рода (*haec materia valde singularis est*). Для профановъ все тутъ представляется совершенно невѣроятнымъ. А для того, кто пріобрѣлъ тутъ опытъ, напротивъ, всякое сомнѣніе кажется безумiemъ, и всякая попытка остановить карающую руку правосудія тяжкимъ грѣхомъ противъ рода человѣческаго.

При такихъ обстоятельствахъ въ срединѣ XV столѣтія возникаетъ особый отдѣль богословской литературы, посвященный задачѣ исцѣлить общество отъ недовѣрія, съ которымъ оно отнеслось къ тому, что говорила инквизиція *de possibilitate et etiam de realitate et veritate* своего новаго открытія. Самые ранніе изъ дошедшихъ до насъ си образчиковъ относятся къ 1450 году. Ими являются именитый уже алонимный трактатъ *Erores Gazariotum* и *Hologram qui seobam vel basilium equitare probantur* и сочиненіе каркассонскаго инквизитора профессора Іоанна Винети *Tractatus contra faensiones inuocatores*. Лучшій знатокъ этой литературы Гансенъ указываетъ далѣе добрый десятокъ различныхъ авторовъ — французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и пѣмцевъ — издавшихъ болѣе или менѣе обширными труды по этому предмету еще до возникненія въ 1487 году знаменитаго *Malleus Maleficarum*, успѣвшаго затмить всѣ сходныя

работы настолько, что съ него долгое время пришлюто было начинать всю исторію преслѣдованія вѣдьмъ. Однако, несмотря на быстро приобрѣтенный великий вѣсъ, Молотъ Вѣдьмъ не разбилъ окончательно предъявлявшихся скептиками возраженій, и доминиканскіе богословы употребили еще около пятидесяти лѣтъ, чтобы распутать всѣ софизмы, на которые пускались противники инквизиціонныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ въ общемъ на выработку строго научнаго представленія о вѣдьмахъ понадобилось почти что цѣлое столѣтіе экспериментовъ въ застѣнкѣ и размышлѣнія надъ ними по монашескимъ кельямъ.

Въ главныхъ своихъ чертахъ однако картина новой опасности, которую неистощимый въ своихъ козняхъ адъ угрожалъ «успѣвшему состариться миру», была уже твердой рукой начертана въ самыхъ раннихъ изъ упомянутыхъ нами трактатовъ. Почти на нашихъ глазахъ,—такъ повѣствовали всему католическому миру ихъ авторы—съ Бож്�яго попущенія возникло неслыханное по своей гнусности и разрастающееся съ страшной быстротой новое еретическое сообщество (*insolita quaedam haeretica pravitas*). Основано оно не такъ, какъ всѣ другія секты, преступными людьми, но непосредственно сатаною, которому Богъ даль на это власть въ виду того, что свѣтъ никогда еще не утопалъ до такой степени въ грѣхахъ и беззаконій. Секта эта губить людей не только ядомъ превратнаго ученія. Нѣтъ, она изводить добрыхъ христіанъ всѣми тѣми бѣдствіями, какія способна накликать на людей и на людское добро черная магія. Члены ея злѣйши изъ когда-либо виданныхъ колдуновъ, въ распоряженіе которыхъ адъ предоставляетъ все свое искусство и силу. Что касается подходящаго имени для этой новой секты, то инквизиція, какъ мы упомянули, долго его искала, пока наконецъ не рѣшила, что этихъ опаснѣйшихъ изъ всѣхъ «лиходѣевъ» удобнѣе всего просто обозначать именемъ *malefici* и *maleficae*, ибо сравнительно съ ними всѣ прочіе «лиходѣи и лиходѣйки» теряли всякое значеніе. Во Франціи они долго звались *Vaudois*, пока и тамъ это не вытѣснено было старымъ, общимъ названіемъ колдуновъ—*sorciers*. Въ Италии народъ сталъ обозначать новыхъ еретиковъ словомъ *stregones* и *stregulac*. Германія ихъ окрестила именемъ *Hexen* и *Hexenmeister*. Мы съ своей стороны будемъ ихъ обозначать словами «вѣдуны» и «вѣдьмы».

Эти еретики, какъ и всѣ прочіе, периодически собираются на шабаши. Кому близко, тотъ приходитъ туда пѣшкомъ; а дальние силуою домоновъ приносятся по воздуху. Зачѣмъ это? Отвѣтъ здѣсь простъ. Сатана остался сатаной. Сердце его попрежнему гложеть неиссякнія гордыни, и онъ не можетъ утѣшиться, что кончились

языческія времена, когда ому по всей землѣ открыто приносилось поклоненіе на алтаряхъ и въ храмахъ. Открытое служенію сатанѣ при бдительности и строгости властей въ христіанскомъ мірѣ стало невозможно. И вотъ онъ пустился на такую новую хитрость, устраивая съ помощью ея многолюднейшія собранія своихъ поклонниковъ. Самое путешествіе на шабашъ описывается у инквизиторовъ съ необычайной живостью и наглядностью. Заманиваютъ людей въ секту, рассказываютъ они, иногда сами демоны; по чансѣ человѣкъ же разворачиваетъ человѣка. Воспользовавшись подходящимъ настроениемъ, соблазнитель разсказываетъ своей жертвѣ, что у него можно выучиться, какъ жить, не зная отказа ни въ какомъ желаніи. Для этого надо только посѣтить одно потайное собраніе, где встрѣтишь отличное общество и где къ тому же насмотришься всякихъ диковинокъ. Получивши согласіе, соблазнитель даетъ своему новому ученику небольшую палочку, которую удобно взять между ногъ, и мазь, завернутую въ тряпочку или же кусокъ бумаги. Въ такой-то день и часъ, говорить онъ, я за тобой зайду и тебя кликну; если же меня самого что-нибудь задержитъ, я пошлю за тобой одного своего пріятеля. Пріятелемъ этимъ, поясняютъ наши трактаты, всегда оказывается демонъ. У каждого такого еретика имѣется *daemon familiaris*, заступающій мѣсто ангела-хранителя. Въ урочный часъ наставникъ съ демономъ являются къ неофиту. Берутся палочки, намазываются мазью, и воздушные путешественники, согнувшись, выскальзываютъ черезъ оконшко или черезъ почную трубу въ поднебесную высь. Въ трубу, конечно, взрослому человѣку не пролѣтѣть. Но путешественники не даромъ при этомъ приговариваются что-нибудь въ родѣ *Va de par le dyable, va ou Sathan, n'oublie pas ta taniere*. Дьяволъ съ непостижимой, неуловимой для глаза быстротой раздвигаетъ и снова сдвигаетъ кирпичи въ трубѣ — *quoniam daemon est mirabilis artifex*¹). Летящіе взвиваются высоко. Чуть ихъ пролегаетъ «черезъ нижніе слои средней атмосферы». Тамъ уже очень холодно, и отъ ужасной скорости движенія больно былинуть и сердцу, и груди и глазамъ, хотя дьяволъ и устраиваетъ разные приспособленія, чтобы прикрыть и заслонить несущихся на шабашъ. Сами они лишь смутно различаютъ тѣ мѣстности, надъ которыми имъ приходится пролетать. Новичку строго-настрого наказывается, чтобы онъ не поминалъ Бога и святыхъ и не осѣпалъ себя знаменіемъ креста: иначе паденіе неминуемо. «Достигши мѣста, они тамъ занимаются тѣмъ, что изложено въ слѣдующей главѣ; по окончаніи же всего они снова берутъ намазанные па-

¹: *Нбо демонъ дивный искусствникъ.*

лочки и ворочаются куда хотятъ или куда хотятъ демонъ. И на всемъ пути туда и назадъ они держать палочки между ногъ. И замѣтъ, читатель, что при первомъ полетѣ нерѣдко демонъ всю дорогу несетъ ихъ, оставаясь видимъ; въ другихъ же случаяхъ обыкновенно онъ носить ихъ, не принимая видимаго образа; бываетъ также, что одной палочки оказывается довольно для двоихъ, и чаще всего наставникъ и ученикъ вмѣстѣ летаютъ на собраніе и съ собраніемъ».

Самая картина шабаша въ основѣ ничѣмъ не отличается отъ той, которую удалось установить Пьеру Гюи еще въ началѣ XIV вѣка. Мы тутъ находимъ тѣ же составные части: обожаніе сатаны и подругательство надъ христіанской вѣрой, оргію съ обязательнымъ пожираниемъ младенцевъ и «школу» съ проповѣдью сатаны о томъ, какъ члены секты должны себя вести въ жизни, и съ наставлениемъ въ колдовскомъ искусствѣ. Но полтора вѣка прошли для инквизиціи не даромъ. То, что прежде только неясно намѣчалось, теперь ей стало извѣстно съ мельчайшими подробностями и, главное, теперь все это было тонко продумано съ богословской точки зренія. Вотъ старая вѣдьма представляеть только что соблазненную ею юницу предъ очи предсѣдателя собранія. Если та изъ бѣдныхъ, изъ низшаго сословія, то этотъ «отецъ гордыни» почти не хочетъ съ ней и говорить. Глухимъ, отрывистымъ голосомъ, похожимъ на собачій лай, онъ заявляетъ, что отъ такой дряни нельзя ждать никакого толку для секты: никогда не сумѣеть она совершить великаго злодѣйства, не будетъ отъ нея достаточно бѣствий для христіанскаго міра. Наставница ходатайствуетъ за неофитку, и сатана приказываетъ, наконецъ, вновь приведенной отречься отъ Христовой церкви. Та отрекается отъ Бога и Христа, отъ Пресвятой Дѣвы и всѣхъ святыхъ, отъ Таинствъ и отъ вѣры. Она даетъ клятвенное обѣщаніе ходить въ церковь только для виду, только для виду позволять себя кропить святой водой, прибавляя каждый разъ: *sire, ne te desplaise,* только для виду принимать причастіе. За глазами же христіанъ она обязывается всячески осквернять и гостю и святую воду. Затѣмъ на землѣ дѣлается крестъ и принимаемая въ секту топчетъ его ногами. Затѣмъ приносится освященная гости, и принимаемая ее оскверняетъ. *Et in contemptum praecepsisse magni magistri mundi, ut loquitur praesidens, denudat recepta nisi posteriora et denudata coelo ostendit.* Послѣ того такая неофитка молитвенно опускается на колѣни передъ сатаной и приносить ему лѣроноданническую присягу (*homagium*): въ знакъ крѣпостной зависимости она лобызаетъ ему руку или ногу, вручая при этомъ какой-либо даръ—зажженную свѣчу изъ чернаго воска или монету.

Тогда «президентъ» поднимается, поворачиваясь къ ной задомъ; и съ непристойнымъ поцѣлуемъ она навѣки отдаетъ ему душу, клянясь при этомъ никогда не признаваться въ своемъ дѣяніи на судѣ. «Вотъ почему члены этой секты такъ рѣдко и то по страшному принужденію въ этомъ сознаются. Демонъ же, какъ было и раньше помануто, никогда не заключаетъ договора, особенно pactum exhortissim, иначе, какъ съ отдачей ему души, въ залогъ чего онъ получаетъ какую-нибудь частицу тѣла: палецъ, волосы, ногти или же чаще всего немнога крови, ибо (какъ говорить Августинъ) демонъ любить пролитую человѣческую кровь». Съ своей стороны демонъ даетъ вновь принятой или обѣщаніе исполнить какое-нибудь ея завѣтное желаніе или даръ совершать что-либо особенное. Ничего дѣйствительно особенного, т.-е. чудесного, спѣшать прибавить излагаемые трактаты, демонъ, конечно, ни для кого сдѣлать не можетъ. Но, пользуясь людскимъ невѣжествомъ, онъ выдаетъ за чудеса тѣ совершенно понятныя вещи, которыя онъ способенъ съ Божьяго попущенія совершать по своему естественному уму и силѣ. Такъ демонъ иногда даетъ своимъ поклонникамъ богатства. Но чѣ же тутъ удивительного? Во-первыхъ, онъ знаетъ массу кладовъ; затѣмъ же онъ ужасный воръ. Чего онъ только не продѣливаетъ съ Божьяго попущенія надъ бѣднымъ людомъ своими разбоями, ростовщичествомъ и всякимъ утонченнымъ вымогательствомъ! Жалуемыя имъ милости демонъ тоже скрѣпляетъ какимъ-нибудь вещественнымъ знакомъ—колечкомъ или грамоткой, писанной на цевѣдомъ языкѣ. Съ этимъ колечкомъ или грамоткой связана та особая сила, которой обладаетъ та или другая вѣдьма. Далѣе демонъ говорить неофиткѣ «почти что проповѣдь» о томъ, что нѣть безсмертія души, нѣть и загробныхъ мукъ, и, спустившись съ своего высокаго сѣдалища, уводить ее съ собой въ кусты, чтобы она отдалась тамъ ему и тѣломъ. Онъ съ ней продѣливаетъ самое омерзительное непотребство—и новая вѣдьма наконецъ вполнѣ готова. Въ некоторыхъ разсказахъ сюда еще прибавляется, какъ дѣяволъ кладетъ новой сектанткѣ особую мѣтину на кожѣ: stigma diaboli или *vigilium diabolicum*.

Съ такой же педантической обстоятельностью излагаются наши трактаты весь ходъ шабаша, осмысливая каждую его подробность. На шабашѣ проливается кровь младенцевъ и пѣкоторые родители отдаютъ на растерзаніе собственныхъ своихъ дѣтей. Словѣмъ, какъ писано въ псалмѣ 105-омъ: «Приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ, которыхъ приносили въ жертву идоламъ ханаанскимъ». Какая же жертва, дѣйствительно, можетъ

быть прятанье демонамъ, нежели человѣческая кровь? Вѣдьмы особенно усердно губили младенцевъ, не успѣвшихъ получить крещенія. Прежде всего, поясняютъ наши авторы, вѣдьмамъ такихъ младенцевъ губить и всего легче, ибо только крещеніе ставить человѣка подъ особую охрану божественной силы. А затѣмъ нетрудно видѣть, въ чемъ заключается при этомъ для вѣдьмъ особый интересъ. Всякая неомытая крещеніемъ отъ первородного грѣха душа становится достояніемъ ада. Между тѣмъ свѣтопреставленіе можетъ наступить только тогда, когда число спасенныхъ достигнетъ извѣстнаго, предустановленного предѣла. И такимъ образомъ гибель некрещеныхъ младенцевъ отодвигаетъ для всѣхъ злодѣевъ срокъ, когда имъ придется предстать за свои преступленія на страшный судъ. Самая сильная волшебная средства готовились вѣдьмами по наущенію сатаны такимъ путемъ. Вѣдьма, явившись на Пасхѣ къ причастію, не проглатывала гостію, а, потихоньку выплюнувъ ее въ руку, приносila домой и этой гостіей кормила посаженную въ горшочекъ жабу. Изъ жабы этой потомъ выпускалась кровь, сама же жаба обращалась въ пепель. И эта жабья кровь и жабий пепель являлись могучимъ волшебнымъ средствомъ. Но какъ же? Развѣ раціональная теология не доказала, что въ волшебствѣ сами предметы не имѣютъ никакого значенія, что волшебство совершается исключительно силою демоновъ? Конечно такъ, отвѣчали инквизиторы: только невѣжды способны думать иначе. Но дьяволъ постоянно морочитъ колдуновъ, внушая имъ убѣжденіе, будто они колдуютъ сами, силою волшебныхъ предметовъ, и въ данномъ случаѣ смыслъ такого обмана совершенно ясенъ. Дьяволъ толкаетъ этимъ людей на величайшее, на преступнѣйшее кощунство: гиуснѣйшему животному отдается высочайшая христіанская святыня... Но я не буду повторять всѣхъ мерзостей, любовно передававшихся инквизиторами про вѣдьмъ и шабашъ: *quaes hic rapyrus ad longum sapere non potest, sed neque opus est aperire*¹⁾.

На ряду съ описательнымъ элементомъ, съ разсказомъ о вещахъ, *quaes ex experientia pendent et practica*, главнѣйшіе изъ упомянутыхъ трактатовъ всѣ заключаютъ въ себѣ и теоретическую сторону—разборъ вещей, *quaes cernunt rationem et scientiam*. Иначе это не могло и быть. Для людей, получившихъ ученую степень на теологическомъ факультетѣ, какими являлись инквизиторы, ничто не считалось доказаннымъ, пока не было установлено, что тутъ нѣть ни-

1) Самое полное, самое цѣнное изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ описаний шабаша даетъ акты процесса, который испанская инквизиція вела въ началѣ XVII вѣка въ Логроніо. Пространное извлеченіе изъ этихъ актовъ интересующіе могутъ найти въ книгѣ Вальсас, *Los Grandes Jours de la sorcellerie*, chap. VI.

какого противоречия съ схоластической «разумной иерой». Такимъ образомъ въ Молотѣ Вѣдьмъ, напримѣръ, разборъ вопросовъ *An nis catholicum credere въ каждый изъ ужасовъ, рассказывающихъ про вѣдьмъ, занимаетъ, пожалуй, больше мѣста, нежели «практическая» сторона дѣла.* Въ общемъ, конечно, задача эта не представляла для инквизиторовъ никакихъ трудностей. Они являлись тутъ только популяризаторами давнишнихъ приобрѣтеній схоластической науки. Реальная возможность всѣхъ видовъ колдовства, приписывавшихся вѣдьмамъ, явленія демоновъ во плоти, договоръ съ дьяволомъ, распутство съ дьяволомъ — все это, какъ мы видѣли, уже въ XIII столѣтіи стало *communis opinio theologorum*. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ столѣтій все это догматически излагалось въ университетахъ. Все это, съ другой стороны, давно успѣло проникнуть и въ дѣйствующее право римской церкви: обѣ этомъ, какъ о вещахъ, не подлежащихъ спору, упоминали папы въ цѣломъ рядѣ буллъ, и облеченнное исключительнымъ довѣріемъ папскаго престола *Sanctissimum Officium* къ концу XV вѣка успѣло уже препроводить на костеръ многія тысячи людей за колдовство и за распутство съ дьяволомъ. Спорить противъ такихъ возможностей значило, несомнѣнно, *errare in intellectu*, т.-е. при легкости, съ которой производило въ еретики XV столѣтіе, это значило впадать въ ересь. Такъ это и попимали инквизиторы. Основный тезисъ Молота Вѣдьмъ гласилъ: *Haeresis maxima est opera maleficarum non credere*¹⁾). Но въ новомъ инквизиціонномъ ученіи о вѣдьмахъ былъ съ точки зрѣнія ортодоксальности одинъ чрезвычайно щекотливый пунктъ — настолько щекотливый, что некоторые ученые-монахи изъ соперничавшихъ съ доминиканцами орденовъ на этомъ основаніи пробовали самихъ же инквизиторовъ зачислить въ разрядъ еретиковъ. Пунктъ этотъ представлялъ собой полеты вѣдьмъ на шабашъ. Рассказы подсудимыхъ о полетахъ инквизиторы признавали за реальность. Противники же ихъ доказывали, что, разсуждая такимъ образомъ, инквизиторы впадаютъ въ противорѣчіе съ освященнымъ вѣкамъ авторитетомъ *Canon Episcopi* и, следовательно, являются пособниками дьявола въ алѣйшемъ его обмагѣ. При этомъ они ссылались и на то, что самъ Онома Аквинскій не допускалъ, будто бы по своей естественной силѣ бѣсы способны вообще носить по воздуху «не предназначенными для лета» тяжелыя человѣческія тѣла». Такого рода вещь переходила для него скорѣе въ разрядъ чудесъ: а небо никогда не поручаетъ творить чудеса бѣсамъ.

Къ указаннымъ возраженіямъ инквизиторы относились необы-

¹⁾ Но вѣритъ въ дѣянія вѣдьмъ — величайшая ересь.

чайно раздражительно, чувствуя, что они затрагивают жизненный первъ предпринятаго ими дѣла. Сколько вреда, говорили они, натворило неправильное толкованіе поминаемаго канона! Какую смѣлость придало оно еретикамъ, какую нерѣшительность впесло въ суды, какъ подготовило оно пути для распространенія нечестивой идолопоклоннической секты! Люди простые, не проходившіе ни философіи, ни богословія и не познавшіе изъ словесъ святыхъ отцовъ и докторовъ силу духовныхъ субстанцій надъ тѣлами, пусть никогда не позволяютъ себѣ ссылаться на этотъ канонъ, если они не хотятъ погубить свою душу. Пусть они только помнятъ, что всякому, кто ставитъ инквизиціи какія-нибудь помѣхи, церковь грозить за это отлученіемъ. А свѣдущіе въ богословіи люди пусть, сверхъ того, потрудятся понять, что Canon Episcopi представляетъ собой по отношенію къ полетамъ вѣдьмъ *casum diversum et non adversum*.

Въ самомъ дѣлѣ, эта статья церковнаго законодательства запрещаетъ вѣрить, будто есть женщины, которыхъ поначалу на различныхъ животныхъ носятся въ воздухѣ съ богинею Діаной или, какъ говорятъ другіе, съ Иродіадой—и вѣра эта, конечно, представляеть сплошную ткань нелѣпостей. Діаны, какъ богини, вовсе нѣтъ. Что же касается Иродіады, то съ какой стати эта проклятая злодѣйка могла бы получить попущеніе на вылеты изъ ада, гдѣ она предана вѣчнымъ мукамъ? Даѣте, что это за звѣри, которые могутъноситься по воздуху съ необыкновенной быстротой? И какъ себѣ надобно представлять—въ какомъ мѣстѣ вселенной находятся тѣ стойла, гдѣ эти легучія животныя проводятъ день? Однимъ словомъ, все это, несомнѣнно, бредни, все это дьявольское наважденіе, какъ то и говорить Canon Episcopi. Но столь же несомнѣнно, что къ вѣдьмамъ все это не имѣть никакого отношенія. Помянутый канонъ не можетъ разматриваться, какъ запрещеніе вѣрить въ вѣдьмъ, по той простой причинѣ, что въ ту пору, когда онъ увидѣлъ свѣтъ, свѣтъ самъ еще не видѣлъ ничего похожаго на вѣдьмъ. Канонъ былъ изданъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а вѣдовскoe сообщество какъ это можно предполагать съ достаточными основаніями, возникло не раньше 1400 года. И вѣдьмы нисколько не похожи на тѣхъ женщинъ, о которыхъ говорить канонъ. Вѣдьмы не знаютъ никакой Діаны или Иродіады; съ другой же стороны, о мнимыхъ спутницахъ Діаны никто никогда не говорилъ, чтобы онъ отрекались отъ Христа, покланялись дьяволу и творили съ нимъ непотребство. Про нихъ никто не говорилъ также, чтобы они занимались колдовствомъ. И наконецъ, канонъ говорить лишь о женщинахъ, а не вѣдовскомъ сообществѣ наряду съ женщинами

оказываются и мужчины: на шабашъ слетаются по однѣ шѣдмы, туда демоны приносятъ и вѣдуновъ. Ясно отсюда, что можно признавать реальными полеты вѣдмъ, нисколько не нарушилъ авторитетъ Декрета. Что же касается сомнительного отношенія иѣкоторыхъ великихъ докторовъ къ способности демоновъ носить по воздуху человѣческія тѣла, то высказано оно было ими съ оговорками. Они нисколько не отвергали, что восхищеніе Христа сатаной можно tolkovatъ и буквально. И долгій опытъ церковнаго суда не позволяетъ сомнѣваться, что за демонами необходимо признавать такую силу. «Объ этомъ, — говорятъ авторы Молота Вѣдмъ, — имѣются безчисленныя свидѣтельства людей, которымъ или самимъ приходилось летать такимъ путемъ, или случалось своими глазами видѣть, какъ демоны подхватывали человѣка. Мы сами между Страсбургомъ и Кельномъ собрали довольно подобныхъ случаевъ. И наконецъ разъ даже у простого народа подобные рассказы можно слышать каждый день, то что же тутъ тратить время на прибаучные аргументы? (Et quia publica fama de huiusmodi transvectionibus etiam apud vulgares continue volat, non expedit plura ad hoc probandum de his insistere)». — Мы видимъ здѣсь, что доминиканскіе богословы твердо усвоили себѣ оба принципа, знакомые намъ изъ приводившейся выше рѣчи Герсона. Гордо глядя съ высоты схоластической науки на презрѣній здравый смыслъ, не смѣющій ни въ чёмъ отрѣшиться отъ непосредственнаго свидѣтельства чувствъ, они не забывали въ то же время и положенія, что всякий, кто отказывается вѣрить тому, чему всѣ вѣрятъ, является врагомъ человѣческаго общежитія, quam mutua fides et credulitas unius ad alterum consonat, coniungit agglutinatque¹⁾). Инквизиторы не спорили, впрочемъ, что иногда путешествія на шабашъ происходить только

1) Легковѣріе средневѣковыхъ теологовъ — прямой результатъ той обработки, которую умъ ихъ получалъ въ высшей школѣ — не знало себѣ рѣшительно никакихъ предловъ. Авторы Молота Вѣдмъ, Ширенгеръ и Иаститоръ, оба были профессорами университета, что не мѣшало имъ нисколько заносить въ свой трактатъ такого рода разсказы. Одинъ изъ инквизиторовъ приѣхалъ въ иѣкій городъ, почти опустошенный жестокой моровой язвой. Въ народѣ говорили, что одна педавно позѣбренная женщина заглатываетъ свой саванъ и что морь не кончится, пока она его совсѣмъ не проглотитъ. По совѣту инквизитора бургомистръ велѣлъ разрыть могилу, и оказалось, что действительно покойница заглотала почти половину савана. При видѣ этого бургомистръ выхватилъ мечъ, снесъ трупу голову и вышибнувъ ее далеко изъ могильной ямы. Морь послѣ этого сразу прекратился. Инквизиторъ же, произведя дознаніе, уѣздилъ, что покойница послѣдніе годы жизни занималась стрѣльнымъ колдовствомъ. — Надо замѣтить, впрочемъ, что изъ внимательной письмъ инквизиціонной литературы трудно указать границу между легковѣріемъ алгорюмъ и сошательной „благочестивой ложью“.

въ воображеніи. Но даже въ такихъ случаяхъ, когда окружающіе показывали, что они не спускали глазъ съ женщиной, уѣрявшей, будто она летала на шабашъ, и могутъ засвидѣтельствовать, что она въ действительности все время оставалась на постели, инквизиціонные трибуналы вовсе не склонны были оправдывать подсудимую. Развѣ же не сказалъ бл. Августинъ: *delectari falso criminis crimen est?*¹⁾. Авторамъ Молота было притомъ же известно, что вовсе не слѣдуетъ противополагать другъ другу женщинъ, участвующихъ въ шабашъ только воображеніемъ, и женщинъ, переносящихся туда тѣлесно. «Вѣдьмы бывають на своихъ собраніяхъ то такъ, то сякъ — иногда только въ воображеніи во время сна, иногда же реально. Если по какому-нибудь случаю онѣ не желаютъ перенестись туда тѣлесно и тѣмъ не менѣе хотятъ знать, что дѣлали ихъ соучастницы, то онѣ дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: призывъ имъ всѣхъ дьяволовъ, онѣ ложатся на лѣвый бокъ и тогда у нихъ изо рта поднимается зеленоватый паръ, въ которомъ онѣ и видятъ во всѣхъ подробностяхъ все, что тамъ происходит. Если же онѣ хотятъ перенестись тѣлесно...» но этаѣтъ рецентъ намъ уже достаточно известенъ.

Съ Canon Episcopi нашимъ трактатамъ приходилось считаться и по другому поводу. Кромѣ полетовъ женщинъ, этотъ канонъ строжайше осуждалъ и вѣру въ оборотней, а между тѣмъ какъ собственные признанія подсудимыхъ, такъ и свидѣтельскія показанія, повидимому, устанавливали неопровержимо, что множество своихъ злодѣйствъ вѣдьмы совершили, скинувшись кошкой или другими звѣрями. По ранамъ, нанесеннымъ такому звѣрю, потомъ нерѣдко удавалось открыть и настоящую виновницу смерти ребенка или другого преступленія: тема известнаго Петроніева разсказа постоянно повторяется въ инквизиціонныхъ актахъ. Изъ этого затрудненія инквизиторы выходили при помощи такихъ догадокъ. Они прибегали къ знакомой намъ августиновской теоріи о путешествіяхъ человѣческаго *phantasticum* и предлагали смотрѣть на дѣло такимъ образомъ. Въ видѣ адской кошки бродить собственно только *phantasticum* вѣдьмы; сама же она въ это время остается погруженной въ особенно глубокій сонъ, грезя, что бродить кошкой. Всѣ злодѣянія, которыя она потомъ на себя взводить, въ сущности совершаются сопровождающей невидимо такую кошку дьяволъ: онѣ душить младенцевъ въ колыбели и т. п. Если же рана, нанесенная подобной призрачной кошкѣ, потомъ оказывается на тѣлѣ колдуны, то адѣтъ надобно видѣть опять продѣлку того же дьявола. Въ ту са-

¹⁾ Насаждаться воображаемымъ преступлениемъ — преступление.

мую минуту, какъ вѣдьмѣ грезится, будто она получаетъ рапу, дьяволъ дѣйствительно паносить ея тѣлу ударъ въ соотвѣтственное мѣсто. Во всякомъ случаѣ рана на тѣлѣ такой колдуны служить судебнымъ доказательствомъ, и преступленія, которыя совершили оборотень, должны караться, какъ будто бы они были совершены самой колдуньей. Отвѣтственной за дѣйствія является, конечно, по тѣло, а душа. Впослѣдствіи, однако, въ эпоху полнаго расцѣпта вѣдовскихъ процессовъ теологи изъ лагеря инквизиціи рѣшились взглянуть на дѣло проще. Ссылаясь на то, что неудобный для нихъ канонъ въ концѣ-канцовъ не обладаетъ догматическимъ значеніемъ, они позволили себѣ прямо заявить, что тѣ, кто хочетъ вѣрить въ способность самихъ вѣдьмъ скидываться различными звѣрями, тогдѣ можетъ держаться такого мнѣнія, не рискуя погубить свою душу. Такимъ образомъ мало-по-малу почти что всѣ народныя суевѣрія взяты были подъ свою защиту богословами изъ доминиканцевъ, доказавшими ихъ полное согласіе съ католическою вѣрой. Кое-что, впрочемъ, и они все-таки отвергали за несообразность. Такъ, разбираемые нами трактаты учатъ, что «ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ вѣрить современнымъ идолопоклонникамъ, хотя бы они добровольно это заявляли, будто бы дьявольская сила позволяетъ имъ черезъ запертые двери проникать въ дома, чтобы умерщвлять дѣтей, или въ погреба для угощенія себя виномъ. Ибо не во власти демона сдѣлать, чтобы два тѣла оказывались въ одно и то же время на одномъ и томъ же мѣстѣ». А дѣло тутъ просто въ томъ, что дьяволъ морочить самихъ вѣдьмъ: онъ имъ отводитъ глаза и незамѣтно отираетъ предъ ними двери. И отрицательный и положительный тезисъ доказываются очень пространно съ обычными ссылками на Св. Писаніе, а также на Ономъ Аквинскаго и Альберта Великаго.—эту красу доминиканскихъ богослововъ.

Доказывая неприменимость старого церковнаго запрещенія вѣрить въ летучихъ женщинъ къ вопросу о существованіи вѣдовской секты, авторы наши, какъ мы видѣли, ссылались между прочимъ на то, что въ сектѣ этой участвуютъ не однѣ женщины, но и мужчины. Съ другой стороны, они однако сами признавали, что въ противоположность прочимъ еретическимъ сообществамъ тѣ «вѣдовской ереси» мужчины оказывались въ ничтожномъ меншинствѣ. Такимъ образомъ Шпренгеръ и Инститоръ прямо даютъ своему классическому труду название *Malleus Maleficarum: Consequenter haecesis dicenda est non maleficorum, sed maleficarum, ut a potiori fiat determinatio.*

Откуда вообще идетъ такое преобладаніе женщинъ среди людей, которымъ народное суевѣріе приписывало связь съ неадѣшими

силами? Почему у всѣхъ европейскихъ народовъ, пока они вѣрили въ колдовство, рѣчь чаще шла о захаркахъ и колдунахъ, нежели о захаряхъ и колдунахъ? «Причины этого, — говорить Яковъ Гrimmъ въ своей Германской Миѳологии, — мнѣ кажется, надобно искать въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Женщины, а не мужчины занимались собираніемъ медицинскихъ травъ и варкой ихъ, какъ вообще опѣ варили пищу. Ихъ тонкія, мягкая руки лучше годились на то, чтобы готовить мази, ткать бинты, перевязывать раны. Имъ средніе вѣка приписывали особый даръ чертить и читать буквы. Безпокойная жизнь мужчины была занята войной, охотой, землемѣлемъ и ремесломъ: у женщинъ больше было досуга и нужнаго опыта, чтобы вникать въ приемы волшебства. У женщинъ сильнѣе и впечатлительнѣе воображеніе: издревле въ нихъ чтился внутренній священный даръ провидѣть будущее. Женщины являлись жрицами и прорицательницами, и сѣверная преданія сохранили до нашихъ дней иныя славныя имена. Точно такъ же сомнамбулизмъ и въ наше время встрѣчается по большей части среди женщинъ. Можно понять и то, почему волшебное искусство являлось преимущественно удѣломъ старыхъ женщинъ: умерши для любви и для труда, онѣ могли всепрѣдѣлѣ погружаться въ тайны чародѣйства». Въ эпоху господства грубой силы, прибавимъ мы, у женщинъ было больше и поводовъ пробовать дѣйствительность наговорныхъ средствъ. На этотъ путь толкала ихъ сама физическая ихъ слабость. Замѣтимъ, что по даннымъ уголовной статистики ядъ и сейчасъ является преимущественно женскимъ орудіемъ сведенія жителейскихъ счетовъ. Что же касается въ частности бреда пожираемыми на шабашахъ младенцами, то онъ естественно долженъ быть производить особыя опустошенія среди тѣхъ «бабокъ», которыхъ служили повитухами.

Но инквизиція по - своему смотрѣла на то, почему сѣти ея улавливали больше вѣдьмъ, нежели вѣдуновъ, и обстоятельное изложеніе ея взглядовъ въ Молотѣ Вѣдьмъ явилось добавочной причиной того, что въ полный расцвѣтъ процессовъ о вѣдовствѣ жертвами ихъ оказывались почти исключительно женщины. Судь, — такъ говорила устами Шпренгера и Инститора средневѣковая монашеская премудрость, — конечно, по такимъ дѣламъ скорѣе долженъ давать ходъ доносу на женщину, чѣмъ на мужчину, ибо склонность къ подобнымъ преступленіямъ глубоко коренится въ женской природѣ. Въ подтвержденіе этого Шпренгеръ съ Инститоромъ пишутъ настоящій обвинительный актъ противъ дочерей Евы, которая всегда смущала душу людей, занятыхъ умерщвленіемъ плоти. «Изъ сокровищницы свойей начитанности составители Молота трудолюбиво

сносять на множествѣ страницъ все, что только можно сказать противъ женщинъ. Помимо особенно богатаго такимъ матеріаломъ Ветхаго завѣта, они заимствуютъ свое оружіе у главныхъ представителей аскетизма въ древне-христіанской литературѣ—у Іеронима, у Лактанція, у Златоуста—привлекая, впрочемъ, сюда же и Катона, и Цицерона, и Сенеку, и, наконецъ, Сократа и Теофраста. Даже гомеровская Елена и Сирены являются у нихъ обвинительницами своего пола. «Если мы станемъ изучать исторію, то увидимъ, что почти всѣ царства на свѣтѣ погибали изъ-за женщинъ». Въ доказательство этому приводятся Елена, Иезавель и Клеопатра. «Если бы не женская извращенность, міръ быль бы свободенъ отъ множества опасностей». «Женщина горьче смерти», цитируютъ наши авторы изъ книги Иисуса Сираха... Женщины, по учению Молота, далеко превосходить мужчинъ въ суевѣріи, въ мстительности, въ тицеславіи, въ лживости, въ страсти и въ пепасытной чувственности. Но обладая физическою силою, онѣ въ дьяволѣ ищутъ себѣ помощника и вступаютъ въ секту вѣдѣмъ, чтобы удовлетворить своей жаждѣ мщенія; будучи тѣломъ и душой слабѣе мужчинъ, онѣ стремятся изъ зависти братъ надъ мужчинами верхъ при помощи чародѣйства. Такъ какъ женщина по внутреннему своему пичтожесту всегда слабѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчина, то она гораздо легче отъ нея и отрекается, на чемъ и строится вся секта вѣдѣмъ. Главнѣйшая причина умноженія вѣдѣмъ это вѣчныя ссоры между замужними и незамужними женщинами изъ-за мужчинъ. Но пепасытное ихъ сладострастіе приводить и къ тому, что ради удовлетворенія своей похотливости онѣ отдаются самимъ демонамъ». Правда,—говоритъ Молотъ,— встречаются и мужчины, которые творять грѣхъ съ «дьяволихами». Но между ними это сравнительная рѣдкость—по особой Божіей милости, ради того, чтобы не осквернять слишкомъ глубоко поль, къ которому принадлежало вочеколовѣчивающее Божество.

Жалобы пострадавшихъ, признанія самихъ виновныхъ, собраны опытнейшими дѣятелями столь опытного трибунала, какъ инквизиція, поразительное совпаденіе въ отвѣтахъ различныхъ вѣдѣмъ на общѣ повсюду допросные пункты, доказанная несостоитѣльность всѣхъ апріорныхъ, псевдо-научныхъ возраженій — кто-жъ будеть послѣ этого такъ дерзокъ, чтобы упорно сомнѣваться въ реальномъ существованіи вѣдѣмъ? «Сомнѣнія, — писали инквизиторы, — туть носить характеръ ереси. Они идутъ вразрѣзъ съ смысломъ Св. Писанія и причиняютъ церкви неисчислимый вредъ. Это тлетворное недобріе, лишающее свѣтскую руку способности разить, позволило вѣдѣмамъ безнаказанно просуществовать столѣ долгіе годы, отчего

онѣ и расплодились настолько, что теперь нѣтъ уже возможности ихъ до конца искоренить». Итакъ, вмѣсто того, чтобы чинить помѣхи инквизиції, пусть общество само поднимется съ пей заодно на безпощадную борьбу съ самыми заклятыми врагами Христова имени, какихъ когда-либо видѣлъ міръ. Властямъ, которая проявить тутъ преступное бездѣйствіе, тяжко придется на Страшномъ Судѣ, когда имъ надо будетъ держать отвѣтъ передъ Всевышнимъ: кровь всѣхъ несчастныхъ жертвъ, погубленныхъ адомъ по ихъ нерадѣнію, будетъ громко вопіть противъ нихъ къ небу. Вѣнцы пебесные, напротивъ, уготованы для тѣхъ, кто въ мѣру своихъ силъ поможетъ, церкви очистить міръ отъ новой страшной язвы.

Но свѣтскій судъ, привыкшій судить только обыкновенныхъ колдуновъ, конечно, окажется неискусенъ въ дѣлахъ такого рода. Поэтому инквизиторы считаютъ необходимымъ подѣлиться съ ожидаемыми свѣтскими сотрудниками сокровищами своей опыта и преподать имъ подробныя наставленія насчетъ того, какъ надобно вести вѣдовскіе процессы, чтобы дьявольски лукавые преступники не ускользали отъ рукъ правосудія. Въ основу при этомъ полагается такое разсужденіе. Конечно, вѣдуны и вѣдьмы суть еретики, т.-е. подлежать ближайшимъ образомъ компетенціи духовнаго суда. Однако, такъ какъ они являются съ тѣмъ вмѣстѣ опаснейшими колдунами, то свѣтскій судъ съ своей стороны тоже долженъ налагать на нихъ руку. Но только процессы о нихъ онъ долженъ вести не въ обычной свѣтской формѣ, а въ формѣ еретического процесса, усвоивъ себѣ принципъ *haereticus haereticum accusat*¹⁾. *Casus particularis* новой секты, говорять они, *occultus est multum et latens atque secretissimus, neque potest attungi de communis cursu, nisi per propriam confessionem aut per complices, qui soli et accusatores et testes in eo casu esse possunt et debent*²⁾). Инквизиція свидѣтельствовала далѣе всѣмъ своимъ долговременнымъ опытомъ, что признанія и имена сообщниковъ тутъ можетъ вырывать лишь сила жесточайшей пытки: *singularitas istius casus exposcit tormenta singularia*³⁾. Отказаться здѣсь отъ такой пытки, — говорила она, — значило бы *extinguere et sepelire matoriam istam*⁴⁾, значило бы сдѣлать невозможнымъ раскрытие злодѣяній секты. Люди, которые возстаютъ противъ подобной пытки, открыто помогаютъ дьяволу, презирая завѣты

¹⁾ Отъ еретиковъ можно принимать обвиненія противъ сообщниковъ.

²⁾ При полной необыкновенности и глубокой таинственности этихъ совершиенно исключительныхъ дѣлъ обычная судебная процедура здѣсь ни къ чему не можетъ примени. Узниками являются здѣсь или собственное признаніе или показанія соучастниковъ, которые здѣсь могутъ и должны являться и обвинителями и свидѣтелями.

³⁾ Исключительность этихъ дѣлъ требуетъ и исключительныхъ вытокъ.

⁴⁾ Погнушить и похоронить все дѣло.

Бога Живаго, и сами навлекают на себя великое подозрение въ принадлежности къ той же сектѣ. Заступничества ихъ пельза объяснять себѣ иначе, какъ тѣмъ, что, боясь сами попасть на судъ, они заранѣе противъ него протестуютъ. Добромъ тутъ никакой судъ никогда не дойдетъ до истины, ибо — по признанію самихъ вѣдьмъ — они на шабашѣ связываютъ себя самою страшной клятвой не созинаться въ принадлежности къ сектѣ, въ особенности же не выдавать сообщниковъ. Не мало можно привести примѣровъ, когда «вальденцы» самихъ себя еще соглашались обличить безъ пытки, по на вопросы о сообщникахъ отвѣчали такимъ упорнымъ отнѣживаньемъ, котораго не могла одолѣть никакая пытка. Такъ вѣрны остаются они на собственную свою погибель той клятвѣ, которую приносить демону и единомышленникамъ. «Особенность этого рода судебныхъ дѣлъ требуетъ и особыхъ пытокъ также по той причинѣ, что здѣсь ведется особенное состязаніе не столько противъ человѣка, сколько противъ демона, который имѣеть величайшую власть надъ этими еретиками, справедливо покинутыми Богомъ за то, что они несправедливо покинули Бога, своего Творца. Демонъ влагаетъ въ ихъ уста и подсказываетъ отвѣты; демонъ говорить чрезъ нихъ — какъ Духъ Святой послѣ своего сошествія въ видѣ огненныхъ языковъ глаголать черезъ апостоловъ, когда тѣ говорили передъ царями и владыками земными». Но мы здѣсь можемъ остановиться. Какъ эти принципы, такъ и техника допроса вѣдьмъ, которую въ назиданіе свѣтскимъ судьямъ подробно излагаетъ Молотъ, намъ ужъ достаточно извѣстны по описанію процессовъ вѣдьмъ въ эпоху ихъ полнаго разгара, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Старанія, положенные папской инквизиціей на выработку особыхъ формъ для совершению «особыхъ» вѣдовскихъ процессовъ, не пропали даромъ, и даже тѣ страны, которые съ XVI вѣка стали жестоко клясть и пытать и инквизицію, въ преслѣдованіи вѣдьмъ строго остались вѣрны принципамъ доминиканского Молота, ибо всѣмъ было ясно, что отступить отъ нихъ значило бы дѣйствительно *extinguere et expellere materialm istam...* А вѣра въ вѣдьмъ, разъ появившись на свѣтѣ, не такъ легко давала себя похоронить.

Въ своей извѣстной «Исторіи нѣмецкой общественной жизни на исходѣ среднихъ вѣковъ» Бухвальдъ находилъ возможнымъ дать Молоту Вѣдьмъ такое толкованіе. Замѣтивъ, что многострадальный XV вѣкъ вообще отличался наклонностью къ психическому заболяваніямъ, онъ предлагаетъ и въ авторахъ Молота видѣть прежде всего психонатовъ. «Если мы хотимъ — пишетъ онъ, — правильно понять доминиканцевъ, составившихъ эту ужасную книгу, то мы

не должны упускать изъ виду, что бредъ вѣдьмами является одной изъ формъ маниі преслѣдованія. Между тѣмъ безчисленное количество случаевъ, собранныхъ врачебной практикой, свидѣтельствуетъ, что именно подобныя заболѣванія могутъ очень долгое время протекать почти незамѣтно: только тогда, когда болѣзнь окончательно обострится, становится ясно и то, что она вліяла на поступки пациента еще въ то время, когда онъ находился въ обладаніи всѣми своими правами и должностями. Но средніе вѣка проявляли исключительную беспомощность относительно случаевъ психического заболѣванія, передъ которыми они становились совершенно втупикъ. Ужасно видѣть, какъ они обращались съ умалишеными. Гамбургъ, который уже въ 1375 году завелъ у себя такъ называемую Thogenkiste, т.-е. особую тюрьму для сумасшедшихъ, далеко обогналъ въ этомъ случаѣ культуру остальной Германіи. Въ другихъ городахъ на умалишенныхъ смотрѣли, какъ на обыкновенныхъ преступниковъ, и только въ XV столѣтіи при госпиталяхъ стали тоже заводить карцеры для «непослушныхъ больныхъ». Спокойнымъ сумасшедшими предоставлялось бродить на волѣ. Когда въ какую-нибудь общину заходилъ такого рода душевно-больной изъ чужой округи, то его выводили за окопицу и тамъ заставляли поклясться, что онъ больше не вернется, угрожая въ случаѣ нарушенія присяги вторично выгнать уже побоями и розгой. Въ 1451 году городъ Франкфуртъ одного сумасшедшаго, который въ своей болѣзни ругался на причастіе, приказалъ высыпть, а въ 1490 году онъ даже пыталъ въ тюрьмѣ сумасшедшаго Конца Фогеля, страдавшаго вдобавокъ проказой. Между вмѣняемостью и невмѣняемостью эта эпоха не умѣла провести сколько-нибудь точной границы. Поэтому нельзя считать особенно удивительнымъ, что помянутые доминиканцы, которые страдали только одной навязчивой идеей, въ другихъ же отношеніяхъ вполнѣ обладали разсудкомъ, не были признаны невмѣняемыми и что ихъ трудъ, результатъ тяжелой душевной болѣзни, могъ повліять на законодательство».

Строки эти очень характерны для впечатлѣнія, которое испытываетъ всякий, кто начинаетъ знакомиться съ специальной «вѣдовской» литературой. Вся она неизбѣжно представляется современному читателю продуктомъ болѣзненнаго бреда. Въ соображеніяхъ Бухвалида есть также и положительная цѣнность: они намъ помогаютъ понять, откуда инквизиторы получали свои добровольныя и «добросовѣстныя» свидѣтельства о фактахъ совершенно чудовищной нонпроятности¹⁾. Но по существу дѣла догадку Бухвалида, конечно,

¹⁾ Потъ небольшой образчикъ тѣхъ добровольныхъ показаній, которыхъ особенно

приходится признать совершенно несостоятельной. Довольно принять въ расчетъ тотъ фактъ, который не былъ известенъ Буххальду, что Молотъ Вѣдьмъ для своего времени не былъ никакъ оригиналенъ. Онъ лишь подвелъ итоги тому, что рабѣ него уже изучалось обществу въ теченіе почти сорока лѣтъ. «Отъ своего разумѣнія мы въ трудъ нашъ внесли очень мало—почти что ничего», такъ скромно заявляютъ сами творцы этого знаменитаго произведенія. Въ подобныхъ же условіяхъ было бы совершенныи производомъ допускать, будто всѣ эти немцы и французы, итальянцы и испанцы, которые независимо другъ отъ друга съ такимъ упорствомъ рисовали въ своихъ трудахъ однѣ и тѣ же ужасныи картины, всѣ были одинаково повреждены въ своемъ умѣ тяжелою душевною болѣзнью. Конечно, этихъ упорныхъ тружениковъ оккультизма, которые сумѣли внести систему въ безсвязный простонародный бредъ давними пугалами человѣческой фантазіи, никто не согласится признать за здравомыслящихъ людей. Но если они являются для насъ «скорбными главой», то этотъ видъ разстройства все же иходитъ не въ вѣдѣніе медицины, а въ область исторіи образованія. Если міръ Божій могъ такъ уродливо отражаться въ ихъ сознаніи, то виноваты тутъ были ихъ же собственные труды, приложенные къ тому, чтобы усвоить книжную премудрость, необходимую для совершенныхъ инквизиторовъ. *Dialogus Miraculorum*, *Boethii universale de aribus* и *Legenda Augs* за время монастырскаго новиціата; схоластика съ ея извѣстными нѣмъ методами и выводами за время университетскаго ученья; *Directoria* Эймерика и другихъ искоренителей всякаго вольномыслія и въ то же время всякаго колдовства—вотъ умственная пища, которую годы и годы насыщали себя эти «собаки Господа» (*Domini canes*), оттачивая зубы на враговъ церкви. *Rabies theologica*—вотъ и старинное название того недуга, къ которому предрасполагала такая пища. Этой-то специфической болѣзни и обязана была Западная Европа своимъ знакомствомъ съ прохладной сектой вѣдьмъ. Этой-то *rabies theologica* и продиктованъ былъ *Malleus Maleficarum*—книга, где отъ каждого листа, отъ каждого коряваго силлогизма пахнетъ кровью и жаренымъ человѣческимъ мясомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Слеранскій.

abbatis, ut publica omnium fratrum fama in illo monasterio etiam in hodiernum dies ressort, non solum in his (дѣло идетъ объ inordinatus amor) malofiebusse, sed et infamisso, quartum iam simili modo dementasse. Quod et Ipsi publica voce factior nec veretur dicere: feci et facio, nec desistere a meo amore poterunt, quia tantum de meis foreribus oderunt (quantitatem per extensum brachium demonstrando). Quin nobis non aderat ulciscendi et inquirendi super eam facultas, Idoo adhuc supererat.

Русско-Японская война.

(*Окончание*¹⁾.

VI.

Долго накоплявшаяся въ Китаѣ ненависть противъ иностранцевъ вспыхнула лѣтомъ 1900 г. въ восстаніи боксеровъ. Нѣмецкій посланникъ бар. Беттлеръ былъ убитъ чернью на улицахъ Пекина; европейскія посольства подверглись въ теченіе двухъ мѣсяцевъ муничительной осадѣ; безъ объявленія войны китайцы вторглись въ наши владѣнія на Амурѣ и разрушили не мало русскихъ поселеній и самую восточно-сибирскую желѣзную дорогу. Все это требовало примѣрной, суровой кары, но поведеніе дипломатіи оказалось столь же полнымъ лицемѣрія и нерѣшительности, какъ сама политика пекинского правительства. Послѣднее одною рукою и втайне возбуждало народное восстаніе, а другою его удерживало, но слабо и неумѣло, только для приличія. Самъ дворъ, какъ известно,ѣжалъ тогда изъ столицы. Европейскія державы, С. Штаты и Японія послали свои войска подъ видомъ «международной экзекуціи», но воевать никто не думалъ, а «союзники» болѣе всего боялись перессориться между собою. Россія заняла Манчжурію. Державы въ противорѣчіе съ своими поступками провозгласили независимость и нераздѣльность Китая. Одновременно они добивались политики открытыхъ дверей на Дальнемъ Востокѣ, и тутъ соперничество между ними стало такъ обостряться, что грозило перейти даже въ войну.

Англія заключила 30 января 1902 г. союзъ съ Японіей. Если, говорить конвенція обѣ этомъ союзѣ, для защиты своихъ интересовъ одна изъ сторонъ вступить въ войну съ какою-либо державою, другая остается строго нейтральною и приложить всѣ свои старанія къ тому, чтобы помѣшать третьямъ державамъ присоединиться къ приложеннымъ дѣйствіямъ противъ съ союзницами (ст. 2). Но если бы

1) См. „Научное Слово“ 1905, VI.

одна или нѣсколько державъ приняли участіе въ такихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, другая сторона обязана оказать союзницѣ помошь, вести войну вмѣстѣ съ нею и заключить миръ лишь съ совмѣстного согласія (ст. 3). Эта статья, хотя въ условной формѣ, содержитъ въ себѣ опасность для общаго мира, ибо достаточно Россіи изъ войны съ Японіей найти союзницу, чтобы возажечь на Дальнемъ Востокѣ міровой пожаръ.

Россія и Франція отвѣтили на это декларацію 3 (16) марта того же года, въ которой они подтвердили согласіе ихъ политики съ началами, выраженными въ англо-японской конвенціи и имѣющими въ виду «охраненіе независимости Китая и Кореи, которые должны оставаться открытыми для торговли и промышленности всѣхъ націй. Оба правительства полагаютъ, что поддержаніе этихъ началъ является вмѣстѣ съ тѣмъ обеспеченіемъ ихъ собственныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. Но въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій другихъ державъ или повторенія беспорядковъ въ Китаѣ, могущихъ нарушить его цѣлость и свободное развитіе въ ущербъ ихъ взаимнымъ интересамъ, оба союзныхъ правительства предоставятъ себѣ въ такомъ случаѣ принять соотвѣтствующія мѣры къ охраненію этихъ интересовъ».

Нѣсколько позднѣе, 26 марта 1903 г., состоялось и соглашеніе между Россіей и Китаемъ относительно Манчжуріи. Россія, признавая эту область составною частью Китайской имперіи, согласилась возвратить китайскому правительству право осуществлять въ ней правительственную и административную власть, какъ это было до занятія ея русскими войсками (ст. 1). Китай съ своей стороны принимаетъ на себя обязательство строго исполнять постановленія контракта съ русско-китайскимъ банкомъ 27 августа 1896 г. и всѣми мѣрами охранять желѣзную дорогу и находящихся на ея службѣ лицъ, а равно обязуется оградить безопасность въ Манчжуріи всѣхъ вообще находящихся тамъ русскихъ подданныхъ и учреждаемыхъ ими предпріятій. Россія далѣе обѣщаетъ вывести изъ предѣловъ Манчжуріи всѣ свои войска, буде не возникнетъ смутъ и образъ дѣйствій другихъ державъ тому не воспрепятствуетъ, постепенно въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ шестимѣсячныхъ сроковъ (ст. 2). До полной эвакуаціи русскими войсками Манчжуріи и передачи желѣзныхъ дорогъ Китаю оба правительства условливаются относительно численности и мѣстъ расположениія въ ней китайскихъ войскъ. Особая полицейская, конная и иная стражка допускается при мѣстныхъ губернаторахъ исключительно изъ подданныхъ боярхала (ст. 3). Русское правительство соглашается возвратить собственникамъ занятыхъ и охраниемыхъ съ конца сентября 1900 г.

русскими войсками железнодорожный липі Шанхайгуйчжоу-Инкоун-Синминтингъ. Обязанность охраны ихъ возлагается на китайское правительство, при чмъ оно не должно приглашать другія державы участвовать въ этомъ, ни дозволять имъ занимать возвращенную русскими территорію (ст. 4). Россия обѣщаеть передать гражданское управление въ Ньючуанѣ въ руки китайской администраціи, но лишь послѣ того, какъ состоится удаленіе изъ названаго порта иностранныхъ отрядовъ и послѣ возвращенія китайцамъ Тяньцзиня, находящагося въ международномъ управлениі. Подтверждаются постановленія всѣхъ прежнихъ договоровъ между обѣими имперіями и въ особенности договоръ 1896 г., который долженъ служить основаніемъ ихъ взаимныхъ дружественныхъ отношеній. Этимъ оборонительнымъ соглашеніемъ уже въ 1896 г. Россия обязалась поддерживать начало независимости и неприкосновенности Китая, который, въ свою очередь, предоставилъ ей право постройки магистрали чрезъ Манчжурию и пользованіе существенными преимуществами, находящимися въ прямой связи съ означеннымъ предпріятіемъ. Настоящее соглашеніе пишется на русскомъ, французскомъ и китайскомъ языкахъ. При толкованіи руководящимъ текстомъ считается французскій¹⁾.

VII.

Мы не имѣемъ еще возможности судить съ полнотью о фактахъ и переговорахъ, которые непосредственно предшествовали русско-японской войнѣ. Однако уже теперь можно констатировать слѣдующее: съ осени 1903 г. отношения между Японіей и Россіей стали быстро ухудшаться и обостряться. Завязались переговоры, которые тянулись долго (несколько мѣсяцевъ — съ июля по январь), сопровождались нѣкоторыми уступками, но не повлекли за собою ослабленія усилившагося раздраженія одной изъ сторонъ. Надо было, очевидно, или вовсе не дѣлать уступокъ, сразу поставить весь вопросъ на твердую и ясную почву международного права, или дѣлать уступки, способныя успокоить противника и отнять тѣмъ у него юридическую почву изъ-подъ ногъ. Къ сожалѣнію, дипломатія любить нерѣшительность, полумѣры и, окружая свои поступки тайной, лишаетъ себя часто драгоценной поддержки со стороны общественного мнѣнія не только нейтральныхъ странъ, но и собственныхъ гражданъ. Россия не хотѣла войны. Въ этомъ духѣ она вела переговоры, и сообразно съ этимъ она не была готова къ войнѣ съ противникомъ, котораго однако она должна была лучше знать.

¹⁾ Листъ. Межд. право. Приложение.

Японія не хотѣла ей простить ея вмѣшательства въ 1895 г. Всѣ свои усилія она съ тѣхъ порь устремила къ созданию сильныхъ арміи и флота. Россія, по договорамъ занявъ на срокъ союзникъ съ нею земли Китая, стала распоряжаться въ нихъ фактически на прівахъ полнаго хозяина, превратила Артуръ въ грозный военный портъ, а съ другой стороны, не готовилась достаточно къ борьбѣ съ противникомъ, который смотрѣлъ на всѣ эти вооруженія и сооруженія, какъ отчасти направленныя противъ него, и, будучи слабѣшимъ, изъ инстинкта самосохраненія болѣе довѣрялъ фактамъ, нежели дипломатическимъ чотамъ, какъ бы гладко и благопамѣренno ни писались послѣднія. Проведеніе желѣзной дороги по Манчжуріи со-здало для Россіи цѣлый рядъ величайшихъ, почти непреодолимыхъ препятствій и замѣшательствъ. Оно было вызвано экономическими соображеніями и расчетами на дружбу съ Китаемъ. Послѣдующіе факты показали однако всю шаткость этихъ оснований. Занятіе чужой терраторіи само по себѣ составляеть скрытый, но постоянный *casus belli* для государства, терпящаго подобное умаленіе своихъ верховныхъ надъ нею правъ. Занятіе на арендномъ основаніи есть длащійся, маскированный, но запутанный поводъ ко всяkimъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ условіяхъ и рамкахъ, какъ составлялись досель эти злосчастные договоры. Владѣть Манчжуріей для Россіи—ужаснѣйшая обуза при ея отдаленности, громадности и враждебности къ намъ совершение чуждаго для насъ населенія, за которымъ стоитъ 400-милліонная аліатская держава, глубоко уязвленная нашимъ хозяйствичанемъ въ одной изъ ея коренныхъ областей, союзникъ съ ея столицею, и изъ которой вышла нынѣ царствующая въ Китаѣ династія.

8 октября 1903 г. истекъ срокъ по договору для занятія русскими Манчжуріи. Россія ея не очистила. Она заявила, что, не имѣя намѣренія ее присоединить, она не можетъ, съ другой стороны, упустить изъ виду, что затратила въ этой области громадную сумму въ $1\frac{1}{2}$ миллиарда франковъ и имѣть въ ней столь крупные интересы, что должна позаботиться объ охранѣ ихъ прежде очищенія страны, которое отдается ея восточной границу въ руки всякаго, кто захочетъ на нее напасть. Россія настаивала на полномъ подвореніи въ Манчжуріи порядка и спокойствія и на обезвреженіи нормальной эксплуатациіи восточно-китайской линіи. Но еще въ августѣ она выговорила себѣ отъ Кореи лѣсныя концессіи на Корейскомъ берегу рѣки Ялу, важный участокъ земли въ Іонампо (названный уже портомъ св. Николая), городѣ, ложащемъ въ устьѣ этой рѣки и закрытомъ для иностранцевъ. Японія усмотрѣла въ этомъ замаскированное намѣреніе Россіи утвердиться въ послѣдствіи

къ Кореѣ и превратить ее въ операционную базу противъ Японіи. Токійскій кабинетъ вначалѣ не былъ противъ того, чтобы русскіе распоряжались тремя провинціями Манчжуріи и договаривались на счетъ ихъ съ Китаемъ и съ прочими заинтересованными державами, но требовалъ, въ возмѣщеніе за это, признанія отъ Россіи его полнаго протектората подъ Корею для установленія политического равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ. Россія въ послѣднемъ пунктѣ не отказывала Японіи, но желала удержать въ Кореѣ известныя торговыя преимущества и получить военные точки опоры въ двухъ ея портахъ Мазанпо и Мокло. Объ этомъ не хотѣла слышать Японія, а свободу торговли она предлагала Россіи такую же, какъ и всѣмъ остальнымъ народамъ. Подъ конецъ петербургскій кабинетъ требовалъ для себя полной и абсолютной свободы торговли въ Кореѣ и права занятія хотя Мазанпо, какъ опорного пункта на линіи морскихъ сношеній между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ¹⁾.

Такъ было въ декабрѣ. Русская публика оставалась, и досегъ остается, въ невѣдѣніи относительно колебаний и подробностей этихъ переговоровъ. Не удивительно, что она недоумѣвала по вопросамъ: «какія цѣли нужно преслѣдоватъ въ Манчжуріи и Кореѣ? Почему эти страны такъ сильно вдругъ взволновали японскую націю и ея правителей? Какое значеніе имѣютъ для насъ лѣсныя концессіи на Ялу? Никакія историческая традиціи и никакіе національные интересы не толкали насъ на путь усиленной предпріимчивости въ дѣлахъ Дальнаго Востока. Мы ничего не имѣли противъ Японіи, и наше правительство до послѣдней минуты искренно стремилось сохранить съ нею мирныя отношенія».

Такъ выражается «Вѣстникъ Европы» въ майской книжкѣ²⁾. Факты впослѣдствіи однако нѣсколько существенныхъ поправокъ въ эту оценку. Какъ бы то ни было, но переговоры не были закончены и въ январѣ. Русское правительство продолжало настаивать: 1) на взаимномъ и безусловномъ обезпечениіи независимости и территориальной неприкосновенности Кореи; 2) на обязательствѣ не пользоваться никакою частью корейской территории для стратегическихъ цѣлей, и 3) на охранѣ полной свободы плаванія черезъ Корейскій проливъ. Россія въ переговорахъ дѣлала уступки и не сказала еще своего послѣдняго слова. Японское правительство не только уклонилось отъ принятія сейчасъ указанныхъ условій, но потребовало исключенія въ обсуждавшійся проектъ соглашенія постановленій о

¹⁾ Mémoire sur le différend russo-japonais, relatif à la Mandchourie et à la Corée, présenté aux Puissances en décembre 1903 par le Bureau international permanent de la Paix. (La Justice internationale. 1904; Janvier-Mars.)

²⁾ Иностранные обозрѣнія (1904 г.).

Манчжурии. Этимъ оно осложнило и безъ того запутанный вопросъ, тѣмъ болѣе что Россія была противъ такого включенія и полагала, что вопросъ о положеніи Россіи въ Манчжурии касается прежде всего самого Китая, а затѣмъ и всѣхъ державъ, имѣющихъ торговые интересы въ поднебесной имперіи, почему она по видамъ рѣшительно основаній включать въ отдельный договоръ съ Японіей по корейскимъ дѣламъ какія-либо постановленія, относящіяся къ занятой русскими войсками области¹⁾.

Произошло замедленіе въ отвѣтѣ изъ Петербурга на послѣднюю ноту изъ Токіо, не носявшую характера ультиматума. Японское правительство заподозрѣло въ этомъ со стороны противника скрытое желаніе затянуть переговоры, чтобы перевести большую часть войска къ Манчжурии, и, не объявляя войны, открыло враждебныя дѣйствія ночнымъ нападеніемъ на Портъ-Артуръ (съ 26 на 27 января) въ то самое время, когда отвѣтъ Россіи въ миролюбивомъ тонѣ былъ отправленъ въ Токіо²⁾.

Такъ поступила Японія подъ давленіемъ воинственной у себя партии, давно уже толкавшей правительство къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Россіи, увлекаемая печатью и общественнымъ мнѣніемъ Англіи и Америки и разсчитывая, благодаря нашей неподготовленности къ войнѣ, на легкую и быструю победу³⁾.

VIII.

Настоящая русско-японская война имѣть, по замѣчанію одного писателя, глубокіе корни въ прошедшемъ, и ее нельзя приписать всыпкѣ гнѣва или гордости одного изъ воюющихъ. Въ ней столкнулись два противоположные интересы, равно важные: «интересъ

¹⁾ Правит. сообщеніе отъ 27 января 1904 г.

²⁾ Послѣдній отвѣтъ Россіи Японіи былъ посыпанъ 21 и 22 января 24-го японскій посланникъ извѣстіяхъ петербургскій кабінетъ о прекращеніи дальнѣйшихъ переговоровъ подъ предлогомъ, будто Россія уклоняется отъ отвѣта на японскія предложенія, и о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между обоими государствами. Указъ японскаго императора объ объявлении войны Россіи состоялся лишь 29 января. Объ этихъ переговорахъ, непосредственно предшествовавшихъ войнѣ, и некоторыхъ русскихъ о нихъ официальныхъ сообщеніяхъ см. Иностранное обозрѣніе въ „Вѣсти Европы“, мартъ 1904 г.

³⁾ Много новыхъ данныхъ о ходѣ и характерѣ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, сообщаетъ Гурьевъ: Възникновеніе русско-японской войны („Русскій Вѣд.“, 1906. №№ 131, 133, 138 и 140). Авторъ особенно излагаетъ и оправдываетъ вождѣніе г. Витте, въ бытность ого нашимъ министромъ финансовъ. Но его словамъ, учрежденіе памѣтничества на Дальнемъ Востокѣ изъяло водило переговоры изъ юрисдикціи дипломатіи и содействовало разрыву между Россіей и Японіею.

самосохраненія для одной стороны и интересъ расширепія для другой, являющейся народомъ молодымъ, обладающимъ силою юной цивилизациі и воспринявшимъ въ себя разнообразныя племена»¹⁾. Это война исключительно политическая, хотя и на экономической подкладкѣ по преимуществу. Не война расовая и не борьба религіозная. Конечно, раздаются голоса о наступившой будто бы для мира вселеній столъ грозной борьбы желтой расы съ бѣлой. Но эта борьба, когда наступить, рѣшился менѣе всего материальными оружіемъ. Еще болѣе слѣдуетъ тоже сказать про борьбу язычества съ христіанствомъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, по свидѣтельству миссионеровъ какъ православныхъ²⁾, такъ и католическихъ³⁾, японское правительство проявляло широкую терпимость⁴⁾ и населеніе держало себя по отношенію къ христіанамъ вполнѣ корректно. Не посредственными поводами къ настоящей войнѣ послужили, какъ мы видѣли, Корея и Манчжурія, или, точнѣе, споры о преобладаніи надъ ними.

Корея представляетъ для Японіи громадный жизненный интересъ въ двоякомъ отношеніи: въ экономическомъ и военно-политическомъ. Корея ей нужна для избытка ея населенія, которому уже становится тѣсно на его островахъ⁵⁾; она ей нужна какъ рынокъ для получения отъ нея сырья и въ особенности риса, первого продукта питания для японцевъ. Слабость корейского правительства, вѣчные смуты въ его странѣ дѣлаютъ невозможными правильныя и широкія торговыя съ нею сношения. Во-вторыхъ, политический интересъ самосохраненія заставляетъ Японію бояться превращенія

¹⁾ Налот. Назв. ст.

²⁾ Православная миссія наша въ Японіи существуетъ около 40 лѣтъ съ главнымъ управлениемъ (въ лице епископа ревельского Николая) въ Токіо. Всѣхъ православныхъ японцевъ было въ 1903 г. 28.230 чл.

³⁾ Въ юнѣ 1904 г. католический епископъ въ Токіо, монсеньоръ Монгабура, представлялся патѣ и сообщилъ ему, что съ 1891 г., т.-е. съ того времени, какъ въ Японіи было утверждено епископство, католичество очень распространялось. Въ странѣ насчитывается 90 тыс. католиковъ. Епископъ очень хвалилъ японское правительство за то, что оно предоставляетъ полную свободу религіозной пропагандѣ, разрѣшивъ учрежденіе въ Нагасаки семинаріи для туземцевъ. Высшіе классы и высокопоставленныя лица въ Японіи очень ярко проявляютъ склонность къ тому, чтобы Японская имперія сдѣгалась христіанской.

⁴⁾ Въ 1873 г. введенъ европейскій григоріанскій календарь и отмѣнено запрещеніе японцамъ исповѣдывать христіанство, посль того какъ у буддизма отняты преимущества, присвоенные государственной религії.

⁵⁾ Въ 1898 г. ихъ населеніе состояло изъ $43\frac{1}{2}$ миллионовъ жителей, а размѣщались они на 382.416 кв. км., что показываетъ плотность населенія ихъ въ 113 чл. на кв. км. (изъ Европейской Россіи приходится 19 чл. на кв. километръ).

Кореи въ сильное государство или подпаденія ея вліянію такового. Китай—дражльющій и слабый—ей не опасень въ этомъ отношеніи, особенно послѣ войны 1895 г. Иное дѣло Россія, ужо вступившая одною ногою въ Манчжурию и надвигающаяся подъ видомъ концессій, дружественнаго вліянія и т. п. и на Корею. Ей нужень, какъ мы сказали, незамерзающій портъ на Тихомъ океанѣ, где она его только и можетъ теперь найти при закрытіи проливовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное и при недоступности ей Персидскаго залива. На Дальнемъ Востокѣ, въ противоположность намъ, боятся «бѣлой» опасности для желтыхъ, при чмъ въ глазахъ населеній Китая и Японіи всѣ западные народы составляютъ одно слитное цѣлое, наподобіе и нашимъ на нихъ воззрѣній, какъ на единую расу, вопреки ея раздѣленіямъ на многіе народы и племена. Японія не вѣрила миролюбію Россіи; она поставила себѣ цѣлью отодвинуть ее въ глубь азіатскаго материка отъ береговъ Тихаго океана. Наше миролюбіе горячія головы въ Токіо понимали, какъ временное и условное, пока Россія не закончитъ своихъ грозныхъ вооруженій на сушѣ и на морѣ по сосѣдству съ ними. Относительно Кореи еще можно было ожидать мирнаго размежеванія между кабинетами Токіо и Петербурга. Но Японія обострила, какъ сказано, переговоры включеніемъ въ нихъ спора о Манчжурии. По словамъ одного изъ ея государственныхъ дѣятелей, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, барона Суематсу, Японія хотѣла добиться отъ Россіи исполненія обязательствъ, которыя она пришла не только передъ нею, но и передъ всѣми державами¹⁾.

Вѣрѣ же однако будетъ сказать, что въ этомъ пунктѣ Японія захотѣла выступить какъ великая и сосѣдня къ Манчжурии держава. Она хотѣла и искала войны. Никто не уполномочивалъ ея говорить отъ лица «всѣхъ державъ». Если кому приходилось защищать Манчжурию, то—Китаю, въ составѣ котораго она входить. Это было признано, какъ мы видѣли, еще въ 1902 г. (русско-китайское соглашеніе), но нынѣ, въ началѣ войны, когда, по предложению Америки, зашла рѣчь о признаніи нейтралитета Китая, область эта уже не была отнесена къ его территоріи и даже прорвратилась въ главный театръ войны. Значить ли это, что она стала русскою или перестала быть китайскою? Вопросы, решенію которыхъ уже будетъ зависѣть отъ войны.

¹⁾ Кромѣ этой причины, Японія, по словамъ барона, начала войну, чтобы сохранить для себя въ Кореѣ преобладающее вліяніе, которому угрожали усики русскихъ изъ Манчжурии и ихъ японская предпріятія, боясь воинства, чѣмъ промышлявшимъ, на страницахъ «Истории Японии». 1904 г., июль. Письмо обнаружено.

IX.

Мы подошли къ интереснейшему вопросу переживаемаго нами кризиса: можно ли было и какимъ путемъ предупредить русско-японскую войну?

Въ печати приходилось встрѣтить мнѣніе, что сдѣлать это было невозможно. Россія и безъ того проявила крайнее и для нея самой опасное миролюбіе. Она вѣрила въ такое же настроеніе противника и была застигнута его нападеніемъ врасплохъ. Само же столкновеніе между ними было неизбѣжно: оно было создано условіями всего предшествующаго развитія обоихъ соперниковъ, и лишь взрывъ борьбы между ними былъ вопросомъ времени. Мы такого фатализма въ исторіи не признаемъ. Онъ не допустимъ съ нравственной точки зренія и особенно со стороны международного права. Логическимъ его послѣдствіемъ является признаніе неустранимости войны. Болѣе серьезное изученіе исторіи однако приводить насъ къ противоположному выводу: войны возникаютъ не только изъ извѣстныхъ общественныхъ условій, получаемыхъ нами отъ предковъ, но—и главнымъ образомъ—благодаря ошибкамъ и страстямъ людей, за которыхъ они несутъ отвѣтственность передъ Богомъ и отечествомъ. Воюющімъ, конечно, свойственно признавать только себя однихъ правыми и взваливать всю вину войны на врага, но въ большинствѣ случаевъ эта точка зренія оказывается по существу и слишкомъ узкою, и несправедливою.

Существующіе въ международномъ правѣ способы предупрежденія войны, конечно, очень несовершенны, но и они не были испроверены, о чёмъ и слѣдуетъ серьезно поразмыслить въ интересахъ будущаго.

Способы этихъ два: одинъ—юридический, третий—судъ, другой — политический, посредничество. Они приложимы въ случаѣ неудачи непосредственныхъ переговоровъ между спорящими и, по идѣю, должны предшествовать войнѣ. Оба способа, какъ извѣстно, подверглись на Гаагской конференціи 1899 г. тщательному обсужденію со стороны делегатовъ 26 государствъ (въ томъ числѣ и Японіи), результатомъ которого явилась конвенція о мирномъ разрешеніи международныхъ столкновеній. Нельзя сказать, чтобы правительства, ее подписавшия, серьезно позаботились затѣмъ объ ея примѣненіи на практикѣ, какъ въ англо-бурской войнѣ, такъ и передъ началомъ настоящей русско-японской войны. Отчасти, конечно, это объясняется неполнотою самой конвенціи. Но все-таки, думаютъ, даже на почвѣ этой конвенціи многое можно и должно было сдѣлать. Главный, коренний недостатокъ конвенціи—факуль-

тативное, а не обязательное обращение для государств до войны къ мирнымъ рѣшеніямъ ихъ споровъ, которыя однако державы всѣ чески рекомендуютъ и стремятся возвести въ правило.

Третейскій судъ вполнѣ доброволенъ. По очень распространенному на него воззрѣнію, которое нашло себѣ выраженіе и въ третейскихъ договорахъ Англіи и Франціи 1903 года,—опъ призванъ решать споры лишь юридические, второстепенные, не затрагивающіе независимости и чести государствъ, значитъ—такіе споры, изъ-за которыхъ въ сущности они не ведутъ войны. Но такое ограниченіе его компетенціи не лежитъ по идеѣ въ его природѣ и ослабляется самою жизнью, по мѣрѣ улучшения его организаціи. Гаагская конвенція установила постоянный третейскій судъ, къ которому государства могутъ обращаться въ случаѣ международныхъ споровъ, которые не могли быть улажены дипломатическимъ путемъ, и, при отсутствіи другого обѣ этомъ соглашенія, имъ предлагается и опредѣленный порядокъ производства (ст. 20; слѣд.). Каждая изъ подписавшихъ эту конвенцію держава назначаетъ въ составъ этого суда на шестилѣтній срокъ не болѣе четырехъ лицъ, которыя были бы известны своими познаніями въ вопросахъ международнаго права, пользовались бы полнѣйшимъ личнымъ уваженіемъ и выражали бы готовность принять на себя обязанности третейскаго судьи (ст. 23). Державы признали въ вопросахъ юридического свойства и преимущественно въ вопросахъ толкованій или примѣненія международныхъ договоровъ *третейскій судъ самыи дѣйствительныи и вмѣсть съ тѣмъ самыи справедливыи средствомъ рѣшенія споровъ*, не улаженныхъ дипломатическими путемъ (ст. 16). А нѣсколько далѣе: вѣдомство постояннай палаты третейскаго суда распространяется на *всѧ случаи* третейскаго разбирательства, если только сторонами не будетъ заключено соглашеніе обѣ установлениіи особаго суда (ст. 21). Изъ сопоставленія этихъ двухъ статей вытекаютъ два слѣдующіе вывода: стороны вольны въ своихъ спорахъ обращаться попрежнему къ особымъ, ими специально для каждого случая избираемымъ третейскимъ судьямъ, но обращеніе къ постояннай палатѣ признаю державами за норму и крайне желательнымъ: *всѧ случаи* третейскаго разбирательства ей могутъ быть подсудны. Неужели изъ среды такой коллегіи, составленной почти изъ 100 лицъ, известныхъ государственныхъ дѣятелей и знатоковъ права, Россія и Японія не могли подыскать лицъ, которыя разсмотрѣли бы ихъ споръ не хуже ихъ дипломатовъ? Они сдѣлали бы это гораздо лучше, ибо они могли бы отнести къ спору съ бѣльшимъ спокойствіемъ, съ большею независимостью и разносторонностью сужденія, осо-

бенно если бы они составили совѣтъ не отъ однихъ споряющихъ государствъ, а и отъ нейтральныхъ. Правительствамъ при этомъ слѣдовало бы рѣшить: какъ дѣйствовать этому совѣту — въ качествѣ ли третейского суда (рѣшенія котораго обязательны), или простого посредника (безъ обязательности его мнѣнія). Это уже должно опредѣляться характеромъ спора. Посредничество же, говоритъ конвенція 1899 г., приложимо ко всякаго рода спорамъ, даже во время военныхъ дѣйствій и отнюдь не должно быть почитаемо тою или другою изъ споряющихъ сторонъ за дѣйствие ненружелюбное (ст. 3).

Задача посредника — въ согласованіи противоположныхъ притязаній и въ успокоеніи чувства непріязни, если бы оно возникло между споряющими государствами (ст. 4). Посредничество имѣть исключительно значеніе совѣта и отнюдь не можетъ почитаться обязательнымъ (ст. 6). Оно даже не задерживаетъ приготовительныхъ къ войнѣ мѣръ, не простоянавливаетъ текущихъ военныхъ операций (ст. 7). Но это, само собою разумѣется, не лишаетъ посредничество громаднаго нравственнаго и политическаго значенія, особенно если оно будетъ поддержано общественнымъ мнѣніемъ и широкими, вліятельными кругами населенія. Особенно важна ст. 27 конвенціи: державы считаютъ своимъ долгомъ, въ случаѣ если бы между двумя или иѣсколькими изъ нихъ грозило вспыхнуть острое столкновеніе, напомнить имъ, что постоянная палата третейского суда для нихъ открыта. Этотъ совѣтъ, даваемый въ высшихъ интересахъ мира, долженъ быть почитаемъ только какъ актъ добрыхъ услугъ¹⁾.

Опираясь на эту конвенцію, постоянное бюро мира въ Бернѣ обратилось 15 декабря 1903 г. къ державамъ съ мемуаромъ, въ которомъ, по краткомъ изложеніи элементовъ спора между Японіею и Россіею, оно просить ихъ предложить этимъ государствамъ свои добрыя услуги, съ цѣлью предупрежденія вооруженного между ними столкновенія. Война между ними, говорится въ заключеніе мемуара, будетъ по необходимости продолжительна и убийственна, ибо ни одинъ изъ противниковъ не захочеть уступить послѣ первого же пораженія, имѣя въ виду будущее преобладаніе свое въ политическихъ и торговыхъ дѣлахъ Дальн资料的 Vостока. Но въ сущности войны тамъ ничего не кончить, а, какъ всѣ войны, проло-

¹⁾ Конвенція эта напечатана цѣлкомъ въ приложенияхъ къ соч. *Листа: Международное право*. Слѣдуетъ въ особенности пожалѣть, что къ спору между Россіею и Японіею не была приложена ст. 8 этого договора объ особымъ способѣ посредничества, предусматривающая именно *важныя несогласія* между государствами, предсказанными опасность для мира.

житъ путь для новыхъ войнъ въ будущемъ. Въ результате она неизбѣжно ослабить обоихъ воюющихъ съ точки зренія ихъ просвѣтительныхъ задачъ на берегахъ Желтаго моря. Между тѣмъ какъ ихъ соглашеніе, основанное на взаимныхъ уступкахъ по союзу великихъ державъ, предоставить каждому изъ соперниковъ доста точно мѣста для ихъ дѣятельности въ этихъ обширныхъ странахъ, только-что открываемыхъ для всемирной торговли¹⁾.

Итакъ, къ настоящей расправѣ третейскій судъ былъ не примѣненъ, потому что онъ вѣдаетъ небольшіе лишь юридические споры, его нельзя навязать сторонамъ; решения его обязательны. Посредничество, напротивъ, допустимо во всякомъ рода спорахъ; оно не только испрашивается, но и предлагается. Зато, не будучи организованнымъ, оно, по существующей практикѣ, рѣдко и робко предлагается и еще рѣже достигаетъ благотворныхъ результатовъ. Иначе и быть не можетъ, пока оно будетъ оставаться исключительнымъ достояніемъ дипломатіи. Дѣло въ томъ, что посредничество можетъ быть успешнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предлагается вѣ-время—до большаго возбужденія сторонъ своимъ споромъ,— когда оно исходить отъ авторитетныхъ и безпристрастныхъ органовъ и когда оно опирается на болѣе или менѣе сильное и единодушное общественное мнѣніе остального цивилизованнаго міра. Что же мы видимъ въ дѣятельности? Государства второстепенные и слабыя не рискуютъ подавать свой голосъ за право и миръ въ столкновеніяхъ «великихъ» державъ. Эти же послѣднія настолько всегда заинтересованы въ каждомъ крупномъ спорѣ, возникающемъ въ ихъ средѣ, что голосъ ихъ съ самаго начала заподозривается спорящими какъ пристрастный, лицемѣрный, своеокрыстный и категорически ими отвергается не безъ некотораго подобія основательности въ глазахъ большой публики, которую дипломатія предумышленно держитъ либо въ совершиенномъ невѣдѣніи возникшаго острого конфликта, либо сообщающей ей лишь частичныя, отрывочные и обыкновенно запоздалыя о немъ свѣданія. А между тѣмъ какъ приходится объ этомъ жалѣть въ высшихъ интересахъ общаго блага и мира! Много споровъ не довели бы до войны, если бы они были разсмотрѣны своевременно и умѣло безпристрастными органами нейтральныхъ! Вотъ почему необходимы такие постоянные органы для международнаго права, которые неслись бы съ органами вѣщней политики отдѣльныхъ государствъ, но стояли бы на стражѣ для нихъ всѣхъ равнозначнаго общаго мира и права и вѣдали бы также и посредни-

¹⁾ La Justice internationale. 1904. Janvier—Mars. p. 40—48.

чество, какъ мѣру предупредительную и даже проскаивающую по отношенію къ войнѣ.

Высказанныя нами соображенія подтверждаются какъ пельзя лучшими фактами, предшествовавшими русско-японской войнѣ. Японцы сами по себѣ, безъ друзей и союзниковъ, никогда не позволили бы себѣ такъ решительно выступить противъ Россіи и, по всей вѣроятности, они искали бы съ нею скорѣе соглашенія, чѣмъ конфликта. Противъ насъ была не одна Японія, а цѣлая группа державъ, для которыхъ она служила лишь удобнымъ и активнымъ орудіемъ. Особенно противъ Россіи были возстановлены въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ по разнымъ и сложнымъ причинамъ. Англичане намъ враждебны вслѣдствіе антагонизма и соперничества во всѣхъ дѣлахъ внѣшней политики; американцы соперничаютъ съ нами въ завоеваніи восточно-азіатскихъ рынковъ, и занятіе нами части китайской территоріи составляетъ для нихъ прямой убытокъ, стѣсняя ихъ въ пользованіи торговыми преимуществами, которые предоставлены договорами иностранцамъ въ Китаѣ. Кроме того, и тѣмъ и другимъ частью непонятны, частью несимпатичны внутренніе порядки и условия русской жизни. Ихъ газеты выставляютъ Россію какъ оплотъ варварства и беззаконій и стараются возбудить къ ней въ читателяхъ такую же антипатію, какая существуетъ противъ Турціи. Эта агитация, особенно сильная въ печати, сдѣлала возможнымъ сближеніе вashingtonского кабинета съ лондонскимъ для совмѣстного противодѣйствія Россіи на Дальнемъ Востокѣ¹⁾. При этомъ англо-японскій союзъ сыгралъ роль важнаго подготовительнаго фактора къ настоящей войнѣ²⁾.

Гр. Л. Камаровский.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“. Иностранные обозрѣнія. Февраль 1904 г.

²⁾ Nagarka. La guerre russo-japonaise et le droit international (Revue de droit Intern., 1904, № 5).—Специально о причинахъ и возникновеніи этой войны: Francis Rey. Japon et Russie. Guerre, origines du conflit, causes de la guerre (Revue g  n  rale de droit intern., 1905, № 2 et 3), съ указаниемъ офиціальныхъ документовъ и многочисленныхъ монографій и статей.

Децентрализація и федерализмъ.

Изъ всѣхъ вопросовъ публичнаго права не многіе дали столько хлопотъ юристамъ, какъ вопросъ о федеративномъ государствѣ. Много остроумія и аналитической вытузности было истрачено, чтобы примирить встрѣчаемое здѣсь раздѣленіе государственной власти съ обычной теоріей суверенитета. Легко понять эти колебанія юридической мысли: общія очертанія системы были созданы путемъ отвлеченія отъ материала, предоставляемаго государствомъ унитарнымъ; и то, что считалось установленнымъ въ качествѣ рационально-необходимаго, какъ это обычно бываетъ въ области науки объ обществѣ и государствѣ, являлось лишь отраженіемъ безсознательного исторического опыта. Между тѣмъ этотъ опытъ расширялся: рядомъ съ конфедерациями государствъ появилось федеративное, въ тѣисомъ смыслѣ этого слова, государство, где центральная власть имѣла дѣло не только съ правительствомъ отдѣльныхъ входящихъ въ федерацію частей, но и непосредственно съ жителями страны. Конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ давала новый образецъ такого государства, объясненіе котораго вовсе не укладывалось въ рамки общераспространенной схемы. Естественно, многіи главы первогодчальной системы подверглись пересмотру: создалось ученіе о федеративномъ государствѣ и двойномъ въ его предѣлахъ суверенитетѣ, въ значительной степени основанное на политическомъ опыте Америки,—ученіе, нашедшее себѣ талантливыхъ истолковителей въ лицѣ Токвилля во Франціи и Вайца въ Германіи. Но и эта теорія не покрывала разнообразій политической дѣятельности: если швейцарская конституція 1848 г. была создана на принципахъ, подобныхъ американской, то совершенно оригиналными съ точки зрѣнія государственного права оказались австро-венгерская дуалистическая монархія и сѣверо-германскій союзъ, изъ котораго образовалась современная германскія имперія. Именно основаніе этой послѣдней дало исходную точку для работы измѣнющихъ юри-

сторъ по интерпретаціи новыхъ формъ федеративнаго государства и вообще по выясненію зависимости отдельныхъ государствъ, входящихъ въ тотъ или другой союзъ, отъ центральной власти. Подобную задачу ставили себѣ и выполняли труды Лабанда, Іеллинека, Зейделя, Генеля, Цорна.

Это истолкованіе посило строго-юридический характеръ: въ федеральному государствѣ видѣли совершенно опредѣленный типъ, который качественно отличается отъ унитарного. Правда, отъ взгляда изслѣдователей не могло укрыться, что широкое развитіе мѣстныхъ автономій, широкая децентрализація могутъ сообщать и унитарному государству какъ бы видимость федеративнаго, но юридическая точка зрѣнія отнюдь не допускаетъ, чтобы эти переходные формы позволяли стирать основная различія двухъ типовъ государствъ. Чрезвычайно типичны въ этомъ отношеніи слова Іеллинека: «до сихъ поръ слышатся утвержденія, что границы между союзомъ государствъ (*Staatenbund*) и союзнымъ государствомъ (*Bundesaat*) текучи, что есть разнообразные переходы отъ простого союза къ унитарному государству. Но и это утвержденіе есть слѣдствіе смѣщенія политической и юридической точки зрѣнія. Понятія права строго опредѣленны, раствореніе одного въ другомъ было бы смертью знанія, смертью правовой жизни. Какія создались бы невѣроятныя опасности для жизни, семьи, собственности, если можно было бы утверждать, что сливается граница между покупкой и наймомъ, между бракомъ и конкубинатомъ, между умышленнымъ убийствомъ и простымъ лишеніемъ жизни! Въ этомъ и состоить существо права, что оно проводить границы между текущими жизненными отношеніями путемъ строго очерченныхъ понятій»¹⁾). Однако самъ Іеллинекъ, создавшій впослѣдствіи теорію такъ называемыхъ «государственныхъ фрагментовъ», показалъ, какъ трудно уместить даже съ точки зрѣнія чисто-юридической въ рамкахъ общепринятой схемы все разнообразіе государственной жизни.

Очевидно, однако, юридическая точка зрѣнія не есть единственная. Мы противопоставляемъ ей точку зрѣнія политико-эмпирическую, которая и береть явленія государственной жизни, какъ они есть, какъ они протекаютъ въ «гераклитовомъ потокѣ вещей», погружение въ который Іеллинекъ считаетъ «смертью юридического познанія». Отправляясь отсюда, наблюдатель уже не будетъ задумываться надъ опредѣленіемъ суверенитета въ данномъ сложномъ государствѣ; все его вниманіе устремлено на то, чтобы уяснить, какъ здесь распредѣляется власть и какія фактическія отношенія

¹⁾ Іеллинекъ. *Die Lobre von den Staatenverbindungen*. Wien, 1882. 15 S.

скрываются за текстами конституционныхъ актовъ: очень скоро оно убѣдится, насколько на дѣлѣ важны различія методовъ мысли юриста и политика.

Въ данномъ случаѣ—въ вопросѣ о грани унитарного и федерального государства—мы видимъ именно безконечное разнообразіе неукладывающихся въ обычныя рубрики переходовъ. Въ унитарномъ государствѣ власть можетъ ревниво охранять свое всемогущество и предоставлять органамъ мѣстного самоуправленія лишь строго опредѣленную и весьма ограниченную область, гдѣ они дѣйствуютъ подъ постояннымъ бдительнымъ надзоромъ центрального правительства. Можетъ быть, напротивъ, общее направленіе и государственного строя и государственной политики въ пользу широкой компетенціи и широкой самостоятельности мѣстного самоуправленія. Юристъ признаетъ оба государства въ равной степени унитарными¹⁾; но дѣйствительное распределеніе власти, отражающееся на ежедневной жизни страны, будетъ совершенно различно. Достаточно въ этомъ отнoшenіи сопоставить двѣ сосѣднія, родственныя по языку и культурѣ страны—Францію и Бельгію. Во Франціи эпоха старого порядка подготовила, революція и Наполеонъ завершили полную централизацію. Самостоятельность мѣстныхъ органовъ сведена до минимума; бюджетъ ихъ зависитъ отъ центрального правительства, администрація свободно простирается рѣшенія генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, безъ большого труда кассируетъ мѣстные выборы. Префектъ, этотъ истинный наслѣдникъ интенданта старого порядка, вооруженъ всѣми средствами, чтобы не допустить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ духа, непріятнаго данному правительству.

Совершенно иную картину представляетъ Бельгія. Въ ея современной политической жизни мы чувствуемъ неугасшую и не оборвавшуюся традицію провинціальныхъ и коммунальныхъ вольностей, которая она унаследовала отъ среднихъ вѣковъ и сохранила подъ испанскимъ и австрійскимъ владычествомъ, на защиту кото-

1) Хотя и съ точки зренія чисто юридической различіе несувороппаго государства и мѣстного союза едва ли можетъ считаться окончательно опредѣленнымъ. Прейсл видѣтъ это различіе въ правѣ распоражаться своей территоріей или отсутствіи его; Лабандъ—въ наличности извѣстныхъ державныхъ правъ (Herrschaftsrechte); Іеллинекъ къ послѣднему прибавляетъ требование, чтобы эти права были первоначальными, не дегенерированными свыше. Для Розина и Майера различіе опредѣляется различными цѣлями государственного и мѣстного союзовъ. Ремпъ склоненъ видѣть различіе въ томъ, что отношенія между отдѣльными государствами всегда регулируются международнымъ правомъ, отношенія мѣстныхъ союзовъ, провинцій, коммунъ и т. п.—государственнымъ правомъ.

рыхъ она объявила войну просвѣщенному деспотизму Іосифа II. Это отразилось и на самомъ текстѣ ея конституціи, которая наряду съ властью законодательной, исполнительной и судебной устанавливаетъ какъ бы особую мѣстную, вѣдающую коммунальные и провинциальные интересы (Titre, III, § 31), и на протяженіи семидесятипятилѣтней исторіи политически-свободной Бельгіи мы видимъ, какъ мѣстные интересы понимаются все шире и шире и какъ развиваются мѣстные органы. Мэръ бельгійскаго города, окруженный своими «эшевелами», есть истинный его хозяинъ: онъ совершенно заслоняетъ правительственаго губернатора. Муниципальная и провинциальная жизнь въ Бельгіи бѣть ключомъ, давая глубоко-популярительные примѣры того, какой вкладъ могутъ сдѣлать мѣстныя учрежденія въ решеніе соціальныхъ вопросовъ.

Перейдемъ къ странамъ, которыя юридически надо признать федеративными: и здѣсь глубокія колебанія въ распределеніи власти. Оставимъ въ сторонѣ то различие между союзнымъ государствомъ и союзомъ государствъ, которое такъ тщательно анализировалось юристами; возьмемъ Соединенные Штаты въ той организаціи, которую они получили по конституціи 1787 г. Достаточно сравнить ту картину отношеній между федеральнымъ правительствомъ и штатами, которую мы найдемъ у Токвилля, и положеніе вещей послѣ войны съ южными штатами¹⁾). Токвилль предвидѣлъ, что будущее развитіе Америки совершится въ направлѣніи все большей самостоятельности штатовъ, что центральная власть съ расширениемъ территоріи, съ осложненіемъ задачъ неизбѣжно ослабѣть. Онъ былъ свидѣтелемъ растущихъ центробѣжныхъ тенденцій, и самыи яркими ихъ выраженіемъ явилась теорія Кальгуна, которая даже утверждала за штатами въ случаѣ коренного разногласія право выхода изъ Союза. Такое истолкованіе конституціи было опровергнуто побѣдами южанъ; потоки пролитой крови скрѣпили центральную власть, поставили въ вопроса ея верховенство. И въ Швейцаріи, которая съ 1848 г. стала несомнѣннымъ федеративнымъ государствомъ, мы встрѣчаемъ глубокія колебанія въ фактическомъ распределеніи власти: нынѣднему, и здѣсь должна развиваться болѣе широкая компетенція союзного собрания и союзного совѣта. Перевѣсь центральной власти, который мы можемъ наблюдать въ новѣйшей политической эволюціи Соединенныхъ Штатовъ, однако несомнѣнно менѣе зна-

1) Популярно въ этомъ отношеніи сравнить главу въ I томѣ „De la Démocratie en Amérique“ Токвилля: „Quelles sont les chances de durée de l'union américaine, que les dangers la menacent“ и главу въ I томѣ „The American Commonwealth“ Токвилля: „The results of constitutional development“.

чителенъ здѣсь, чѣмъ въ новой австралійской федераціи и особенно въ Канадѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, причисленіе даннаго государства къ унитарному или федеральному типу еще далеко не опредѣляетъ дѣйствительного въ немъ распределенія власти. Какъ обманчиво было бы, напримѣръ, по этому признаку судить о дѣйствительной силѣ центральной власти въ федеральной Германіи или унитарной Австріи. Для Іеллинека Англія съ ея колоніями Канадой, Канадіей, Австралией представлялась унитарнымъ государствомъ: для наблюдателя политической реальности центральная власть здѣсь, напротивъ, свѣдена къ минимуму. Всюду приходится дѣлать слѣдующій выводъ: съ точки зреінія политической, децентрализациіи и федераціи отличаются, такъ сказать, лишь количественно и являются двумя моментами единой линіи развитія, по которой движутся отдельныя государства.

Какіе факторы опредѣляютъ то или другое распределеніе власти между центромъ и периферіей? Они, очевидно, болѣе глубоки, чѣмъ воля законодателя, декретирующаго въ данный день ту или другую организацію государства. Если бы территорія Франціи не представляла географическаго единства, если бы ея расы вѣковымъ процессомъ не смѣшались воедино, если бы королевская власть, окруженнага вліятельной и опытной бюрократіей, не подавила духа провинціальной самостоятельности, то, очевидно, и Национальное собраніе не могло бы такъ легко стереть старыя провинціи и на мѣсто ихъ создать новое искусственное, геометрически простое раздѣленіе на департаменты, оказавшееся однако столь прочнымъ,—не могъ бы и Наполеонъ завершить ея дѣла, связавъ всѣ нити общественной департаментской и коммунальной жизни съ правительстvenнымъ центромъ, откуда мановенiemъ руки можно управлять всей периферіей. Съ другой стороны, всѣ программы и попытки ввести такую строгую централизацію въ Австрію разбивались о силу вещей: слишкомъ глубоки были культурные и этнографические различія, слишкомъ несходки историческая воспоминанія,—быть можетъ, слишкомъ неблагопріятны были этому дѣленію и физико-географическія качества страны.

Но если законодатель здѣсь не всемогущъ, то по моему описанию заранѣе признать его безсильнымъ. Не отъ него зависитъ остановить дѣйствіе вѣковыхъ силъ, но онъ можетъ или, угадавъ

1) См. сопоставленіе въ статьѣ „The Australian Commonwealth“ Брайса изъ его „Studies in history and jurisprudence“, т. I, р. 527.

направляющія оси исторического процесса, приспособить къ нимъ свою политику, или идти наперекоръ, сдѣлать неизбѣжное му-
чительнымъ или облегчить естественное развитіе. Много пред-
разсудковъ и страсти, много мегаломаніи и партікуляризмовъ,
недовѣрія и зависти лежитъ на пути, который предуказываетъ по-
литическая мудрость; но съ побѣдою надъ этими препятствіями свя-
заны высшія блага народной жизни.

Политический опытъ давно установилъ, что во всякомъ государствѣ должна быть извѣстная степень единства и извѣстная степень самостоятельности частей. Не надо смотрѣть на единство лишь съ точки зреіння элементарной потребности политического самосохраненія и вѣнчайшей защиты. Не эта одна потребность заставила германскій народъ перейти отъ конфедерациіи отдѣльныхъ государствъ, установленной вѣнскимъ конгрессомъ, къ современному политическому объединенію подъ гегемоніей Пруссіи. Объединеніе въ крупное государственное цѣлое создаетъ сложную и яркую общественно-политическую жизнь, сообщаетъ широкую постановку всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ странѣ, дѣлаетъ ее причастной соціальнымъ интересамъ, волнующимъ человѣчество. Не отъ Бельгіи, а отъ Франціи, не отъ Швейцаріи, а отъ Германіи, не отъ Скандинавіи, а отъ Англіи ожидаемъ мы рѣшеній этихъ великихъ вопросовъ, и едва ли обманываетъ насъ инстинктъ, заставляющій интересоваться именно круинными политическими тѣлами, хотя степень довольства и благосостоянія мелкихъ можетъ быть даже выше. Съ другой стороны, тотъ же опытъ показываетъ, какъ необходимо уравновѣсить это единство большею самостоятельностью частей. Брайсъ въ одномъ изъ своихъ этюдовъ указываетъ, что здоровое развитіе унитарного государства обыкновенно требуетъ введенія въ него извѣстныхъ принциповъ и учрежденій, присущихъ государствамъ федеральными: своевременное примѣненіе этого правила сохранило бы, можетъ быть, за Даніей—Шлезвигъ—Голштинію, за Голландіей—Бельгію, за Англіей—Сѣверо-Американскіе Штаты¹⁾). Примѣръ современной Австріи показываетъ, какъ гибельно отражается на внутреннемъ мірѣ недостаточная приспособленность государственного устройства къ потребностямъ и стремленіямъ отдѣльныхъ частей имперіи. И то, извѣстномъ смыслѣ опасность крайней централизаціи сильнѣе, чѣмъ опасность партікуляризма, раздробленности, ибо послѣдній подъ пленіемъ напора извѣй, подъ давленіемъ вѣнчайшей опасности приходитъ легче; централизація же напротивъ, къ великому ущербу для государства, нарушая естественные и законные инте-

ресы его частей, можетъ долго поддерживаться постояннымъ примѣненіемъ насилия.

Едва ли возможно, съ точки зрења политической, ирониѣи даже приблизительную демаркационную грань, показывающую, где государство перестаетъ уже быть унитарнымъ и где оно становится федеральнымъ. Самое понятіе о самостоятельности частей государства можетъ быть наполнено крайне разнообразнымъ содержаніемъ. Практика русскихъ общественныхъ учрежденій ясно указываетъ, какъ измѣнчивы предѣлы «мѣстныхъ пользы и нужды» и какъ неудачны попытки очертить ихъ разъ навсегда. Венгрию, очевидно, нельзя назвать иначе, чѣмъ государствомъ унитарнымъ; но та степень обособленности, которая въ ней предоставлена Кроаціи, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ элементъ федерализма¹⁾. Именно политикъ-практикъ, который бы довѣрялся юридическимъ мѣркѣямъ, примѣнная ихъ въ буквальной точности, не замѣчая ихъ отвлеченаго, по необходимости искусственнаго характера, легко могъ бы оказаться на ложномъ пути.

Для Россіи, въ моментъ ея государственного переустройства, весьма важно выяснить эту постепенность перехода отъ унитарного къ федеральному типу. Ея государственное единство находится виѣ опасности: оно опирается на слишкомъ глубокое историческое преемство, на слишкомъ повелительную необходимость, вызываемую ея положеніемъ во внѣшнемъ мірѣ: и это единство не ослабиеть, а окрѣпнетъ въ общей свободѣ ея согражданъ, безъ различія ихъ национальностей и вѣроисповѣданій, обезпеченнѣемъ всепароднымъ представительствомъ. И для нашего отечества это единство можетъ быть залогомъ не только внѣшней моцї, по и национально-культурного подъема, который доступенъ въ своеемъ высшемъ напряженіи лишь для великихъ человѣческихъ массъ, объединенныхъ солидарностью. Но эта сторона дѣла всецѣло зависитъ отъ того, будеть ли это единство требовать для своего сохраненія постоянного и при томъ все большаго и большаго примѣненія государственной силы, или оно созиждется на согласованіи интересовъ и чувствъ отдѣльныхъ частей. Римская имперія никогда бы не сдѣлалась «римскимъ миромъ» (rath romana), если бы она сдерживала свои части однимъ принужденіемъ. Этотъ символъ культурного объединенія болѣе живо чувствовался, болѣе цѣнился въ провинціяхъ, чѣмъ въ Римѣ. Близорукая, часто своекорыстная мысль вскрывается въ обычныхъ голосахъ, подымающихъ вопль о распадѣи Россіи, какъ только

¹⁾ См. сопоставленіе характеристикъ государственного строя Венгрии и въ книгѣ Lo Fürl und Paul Posener: Bundesstaat und Staatenbund, 303 S.

выставляется программа широкаго бытового и культурнаго самоопределения отдельныхъ ея частей. Закрываютъ глаза на то, къ чему привела бюрократическая централизация Россіи, подавление народностей подъ предлогомъ подавленія «сепаратизмовъ»; стараются подмѣнить великую идею общегосударственнаго патріотизма низкимъ, эгоистическимъ национализмомъ господствующей великорусской народности... Не таковъ голосъ окружающей жизни, къ которому долженъ быть чутокъ политический дѣятель; не тому учить и западно-европейскій, и нашъ собственный опытъ. Россіи придется пройти много шаговъ по пути децентрализациі, принять въ себя много элементовъ федерализма, прежде чѣмъ установится столь жизненно-необходимое равновѣсіе и интересовъ ея государственного единства, и интересовъ обще-культурнаго многообразія ея частей.

С. Котляревскій.

Очерки флорентийской культуры.

I.

Происхождение свободной Флоренции.

(Условия ее возникновения и процветания).

ГЛАВА ВТОРАЯ¹⁾.

Флоренция въ лонгобардскую и феодальную эпохи.

(Разрывъ или преемственность).

Генетическая связь между античностью и ново-европейской культурой.

1. Сохранение римского начала городского быта въ эпоху борьбы между древнею цивилизациею и новымъ варварствомъ.—2. Флоренция подъ властью лонгобардовъ. Карлъ Великий и остановка варваризации.—Феодализмъ и борение. Империя и папство.—4. Поворотъ къ благосостоянию и свободѣ.

„La première chose qui nous frappe dans l'étude de l'histoire, c'est la continuité des faits et des usages...“

Fustel de Coulanges.

„Wir erkennen das universalhistorische Prinzip als notwendiges Postulat der historischen Wissenschaft“.

Rob. Poehlmann.

Процессъ исторіи западно-европейскихъ государствъ и народовъ въ первые вѣка послѣ распаденія Римской имперіи опредѣляется и окрашивается столкновеніемъ между двумя противуположными началами. На античную цивилизацию, будто потерявшую

1) См. первую въ книжѣ I „Научнаго Слова“ за текущій годъ. — Изображеніе переходитъ здѣсь къ судьбамъ Флоренции въ „районѣ средневѣковья“. Авторъ стремится разыскать факторы и представить формы ея развитія на фонѣ общихъ процессовъ, движавшихъ жизнь Италии въ темную пору, о которой идеть рѣчь. Онъ хотѣлъ бы, съ другой стороны, понемногу такъ освѣтить избранный объекѣтъ, яркій носитель творческихъ началъ исторіи, чтобы пропратить его самого въ лучь сънта, открывающій, чѣмъ создается и держится, какъ цвѣтеть и растетъ въ человѣческій культурный прогрессъ. Ограниченностъ мѣста заставляетъ быть сжато.

упругость, давить германское варварство. Оно какъ бы насилиствен-
но прорываетъ оболочку первой, проникаеть въ толщу ея тѣла,
стремится собственными силами двигать дальнѣйшую историческую
жизнь.—«Варварскія государства на римской почвѣ», племенные
германскія королевства, образовавшіяся въ предѣлахъ провинцій
имперіи—таковъ новый типъ территоріально-политического объединенія,
установившійся на западѣ въ глубинѣ V вѣка на мѣстѣ
расколовшійся единой державы Цезарей. Соприосновеніе «рома-
низма» и «германизма» воплотилось въ вооруженной борьбѣ двухъ
расовыхъ стихій при извѣстномъ умѣряющемъ воздействиіи «христіан-
ства», подъ направляющею рукою «церкви», культурнаго организ-
ма, выросшаго еще въ нѣдрахъ римскаго общества.—Что произой-
детъ отъ такого конфликта? Вымрутъ ли старыя формы соціаль-
наго и духовнаго быта? Совершится ли подъ вліяніемъ кроваваго кри-
зиса рѣзкій и глубокій разрывъ въ наслѣдственной передачѣ вновь
выступающимъ поколѣніямъ результатовъ коллективной работы
длиннаго и блестательнаго ряда прежнихъ? Принесутъ ли новые
дѣятели исторіи—варвары—зиждительныя дарованія, дѣйствительно
заряженныя активною энергіею «юности»? Удастся ли имъ возвести
усиліями своего «племенного духа» новое зданіе на развалинахъ
«греко-римскихъ» порядковъ, подорванныхъ внутреннимъ разложе-
ніемъ и сокрушеніемъ напоромъ «свѣжихъ народовъ».

Все это—вопросы естественные и важные для историка, на-
блюдающаго смынку двухъ міровъ, которая будто въ самомъ дѣлѣ
осуществлялась на грани такъ называемыхъ «древности» и «средне-
вѣковья».—Цѣлая школа выдающихся ученыхъ, сильныхъ талан-
томъ и знаніями, вліятельныхъ авторитетомъ, отвѣчаетъ на нихъ
утвердительно. Она выводить изъ германскихъ корней главныя ос-
новы общественнаго строя новой Европы, признавая греко-рим-
скую старину въ IV и V вѣкахъ по Р. Хр. безнадежно дряхлою,
потерявшею способность къ дальнѣйшему руководству эволюціею
человѣчества¹⁾). Однако внимательное изученіе подлинныхъ слѣ-
тьмъ. Но въ примѣчаніяхъ указываются пути для углубленія рисунковъ, которые за-
чертываются въ текстѣ общими линіями.—Читателю не навязываются эти по-
дробности... Но тѣ, для кого станеть дорогъ предметъ, не найдутъ ихъ излишними.
Во всякомъ случаѣ автору непріятно давать одно свое изложеніе, не показывая
параллективъ вдаль, не открывая способовъ для критика его утвержденій. Какъ и
раньше, имѣтъ съ развитиемъ учрежденій и образованности во Флоренціи будеть на-
значаться топографическая и монументальная история замѣчательнаго города.

1) Наиболѣй современный сподокт германскаго права Гейнрихъ Бруннеръ
прямо пишетъ (см. его „Deutsche Rechtsgeschichte“, т. II, см. введение), что при
встрѣчи римлянъ съ германцами, напримѣръ, въ моменѣ образованія франкскаго
государства, первою могли дать вторымъ лишь разлагающіе ферменты.

довъ далекаго прошлаго, когда зарождались пынѣшніе европейскіе народы, не могло не обнаружить односторонности и близорукости только что указанаго взгляда, теоріи германистовъ. Точному анализу исторического преданія удалось вскрыть въ теченію всего ранняго средневѣковья множество долговѣчныхъ пережитковъ классической общественности и образованности. Рядомъ съ этимъ типичное разслѣдованіе условій, при которыхъ совершалось переселеніе германцевъ въ области Римской имперіи, показало, что варварскій элементъ выступилъ на историческое поприще вовсе не какъ могущественный факторъ развитія ни съ количественной, ни съ качественной стороны. Германцы вошли въ имперію не какъ буря, способная все сразу разрушить, а просачивались въ римское общество, какъ ингредіентъ, медленно подтачивающій жизненную крѣпость политического единства. Кроме того, ихъ число оказывалось всегда недостаточнымъ, чтобы произвести рѣшительный катаклизмъ и покрыть старую, еще плодородную историческую почву новымъ сплошнымъ и плотнымъ слоемъ съ высокими производительными средствами. Да и вообще они приносили съ собою — въ своей если не первобытной дикости, то варварской расплывленности — чрезвычайно мало оригинальныхъ задатковъ культурной работы. Имъ по-силу было произвести лишь, такъ сказать, пониженіе температуры въ окружавшей соціальной и духовной атмосфѣрѣ, обусловить вѣроятность извѣстнаго одичанія, возврата къ большему варварству.

Отправляясь отъ подобнаго рода наблюдений, противорѣчащихъ гипотезѣ о полномъ разрушеніи римской цивилизациіи варварами и о торжествѣ германскихъ началъ въ процессѣ возникновенія древнѣйшаго строя народовъ новой Европы, другая школа историковъ выдвинула обратную теорію. Она представила средневѣковье прямымъ дѣтищемъ римского міра; она утверждала, что поколеблено было лишь установившееся сочетаніе формъ древней цивилизациіи, но не умерли ея великія основы, не изсякли ея источники; она доказывала, что германцы съ ихъ неустойчивымъ бытомъ и слабымъ сознаніемъ должны были раствориться въ гораздо болѣе крѣпкой и сильной культурѣ, уготованной человѣчеству античностью. Такъ сложилось ученіе романистовъ. Обѣ школы — германисты и романисты — столкнулись въ жаркой полемикѣ, страсти которой не ослаблялась съ теченіемъ лѣтъ. Развернулась крушаща научная конторверза; она вызвала собою много политическихъ и национальныхъ пристрастій, но породила также богатую дѣятельность превосходнаго исторического изслѣдованія; послѣдняя же открыла обильную сумму цѣнныхъ фактовъ, формулировала циклъ первостепен-

шихъ руководящихъ идей, выработала серію глубокихъ и тонкихъ методическихъ приемовъ.

Трудно сказать съ полною справедливостью, на чью сторону клонится теперь побѣда. «Романисты» также не остались чужды прямолинейности и преувеличений; количественно число историковъ, разрѣшающихъ проблему о «началахъ» ново-европейского общественного строя въ духѣ хотя бы смягченного «германизма», до сихъ поръ, кажется, преобладаетъ въ ученыхъ рядахъ. Но никто нынче не рѣшился уже отрицать, что грубая крайности упрощенного и искусственного толкованія всей культуры нового времени, какъ эманаціи германского національного генія, въ основѣ подорваны романистами. Построеніе послѣднихъ само очистилось на огнь научной мысли отъ предвзятой привязанности къ опредѣленному «расовому» принципу, какъ исходной движущей причинѣ исторіи; оно эмансицировалось отъ подчиненія школьному догматизму и свободно расцвѣло заслугою своихъ крупныхъ адептовъ въ широко захватывающую, солидно обоснованную и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненно-гибкую общесторическую доктрину; оно вылилось въ форму неопровергимой и свѣтлой идеи о неразрывной связи между коренными фазами въ исторіи человѣчества. Никакой серьезный историкъ не будетъ теперь выводить того или другого учрежденія, того или иного направлениія образованности изъ свойствъ, присущихъ данной народности; но всякий, чуткій къ пониманію эволюціи человѣчества, признаетъ вѣрнымъ, что не могутъ пропасть великие результаты исторического развитія какого-нибудь могучаго общественного союза. Даже когда послѣдній разсыплется, останется живымъ его дѣло: его неумирающіе элементы будутъ повторно и дальше вліять на измѣнившуюся среду и новыхъ носителей движения; они будутъ дальше расти въ новой обстановкѣ, плодя новые продукты «очеловѣченія» природы и жизни. Что касается случаевъ столкновенія высокой культуры съ варварствомъ, то, какъ бы ни было значительно давленіе послѣдняго, активность первой въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ косностью второго, переработаетъ его, и сознаніе ея позднихъ сыновъ найдетъ новыя формы для ея дальнѣйшаго воплощенія¹⁾.

Завѣты минувшаго становятся залогами грядущаго: такова со-

1) Самымъ замѣчательнымъ ученымъ, превратившимъ старый романизмъ изъ односторонней, узко-«расовой» теоріи происхожденія европейскаго общественного строя въ твердый методическій принципъ генетического исследованія всемирно-исторической эволюціи, былъ французский историкъ Фюстель де-Кулакъ. См. о немъ статью автора настоящаго строся изъ 72-мъ подугомъ «Энциклопедического Словаря Брокгауз-Ефронъ».

лидарность между слѣдующими другъ за другомъ эпохами изъ постепенно развертывающейся цѣли такъ называемой «всемірной» истории. Въ этомъ — единство развитія народовъ, соприкасающихся между собою въ пространствѣ и времени; здѣсь вскрывается общий генезисъ цивилизаций. На такомъ представлении о ходѣ исторіи тѣль членовъ человѣческаго рода, которые оставили памятники о своей старинѣ, покоятся правильное и вполнѣ научное пониманіе «всемирно-исторической» точки зрѣнія. Она не выставляетъ схемы прямого, неуклоннаго прогресса, фиктивной въ ея стройномъ симплізмѣ, провозглашающей ее закономъ исторіи. Картина всегда отъ начала временъ побѣдоноснаго шествія общества и личности къ совершенству можетъ налагаться на реальное содержаніе нашего прошлаго лишь насилиственно, какъ порабощающая сѣть, сплетенная произволомъ отвлеченно-философствующей спекуляціи въ духѣ чистаго «гегеліанства». Она дала бы искаженное воспроизведеніе обществистической драмы съ ея подъемами и паденіями, успѣхами и отступлѣніями, остановками и изворотами, съ безконечно сложнымъ переплетаніемъ въ ней противоположностей. Все это, несомнѣнно, такъ; но, съ другой стороны, только на вѣрномъ уразумѣніи всемирно-исторической идеи зиждется возможность открыть, несмотря на грозныя колебанія въ судьбахъ народовъ, огромный фактъ нарастанія культурныхъ благъ. Она, эта прекрасная идея учить нась познавать его въ преемственномъ взаимодѣйствіи этническихъ и соціальныхъ группъ, конкретныхъ выразителей коллективной работы цивилизующагося человѣчества¹⁾.

Въ сѣтѣ глубокихъ обобщеній, выставленныхъ «еволюціоннымъ нео-романизмомъ» или, лучше, теорію постепеннаго развитія новоевропейской культуры изъ метаморфоза греко-римской въ горѣ долгой, трудной борьбы съ нахлынувшими диссоціирующими тенденціями пали многіе исторические предразсудки. Исчезло фантастическое противоположеніе между средними вѣками и ренессансомъ; наполнилась пропасть между послѣднимъ и классическою драматичностью; но вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливо обнаружились и отличія

¹⁾ Проф. Д. М. Петрушевскій на страницахъ „Научнаго Слова“ (см. первый его очеркъ изъ исторіи средневѣковаго общества и государства) объясняютъ всемирно-историческую точку зрѣнія отсталою и венаученою. Но, думается, упомянутый авторъ односторонне квалифицируетъ этотъ принципъ, понимая его исключительно въ гегеліанскомъ смыслѣ. Мы надѣемся въ особой замѣткѣ вернуться къ болѣе подробному развитію этой мысли. Въ защиту сохраненія научности въ всемирно-исторической идею и при современномъ состояніи историческихъ паскѣдований уже выступалъ И. И. Карлевъ. См. въ его книжкѣ „Замѣтки о преподаваніи исторіи“ (СЛБ. 1900) въ „Русской школѣ“ (1901 г. мартъ), а также еще во II выпускѣ „Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института“.

этого оригинального нового расцвѣта человѣческаго гenia отъ внутренней природы издалека зачавшой его, но отошедшей въ вѣчность— античности, отличія, затуманенные неудачно принятюю кличкою «возрожденія». Теперь всякий, кто захочетъ воспользоваться уроками исторической науки, можетъ увидѣть очень ясно, какъ переработалось все завѣщанное античностью въ хаосѣ бурной эпохи, послѣдовавшей за паденiemъ Римской имперіи на западѣ. Онъ уразумѣеть, какъ понятія, обычаи и формы, созданные паганизмомъ, приспособлялись къ суровымъ требованіямъ аскетического христіанства, по незамѣтнымъ образомъ и сами реагировали на выработку средневѣкового католического міросозерцанія. Каждый почиваетъ, какъ зерна античности, падая на почву народнаго творчества въ эти позднѣйшіе измѣнившіеся вѣка, порождали совсѣмъ иныхъ, своеобразныя растенія. Затѣмъ легко будетъ обнаружить, какъ свободолюбивый духъ созрѣвшей личности обращался тогда же мало-по-малу къ старымъ мыслителямъ однако съ совсѣмъ новыми запросами и перерабатывалъ древнее преданіе въ собственныя идеи. Наконецъ, всѣ убѣдятся, какая живучая *«continuité»* наблюдается на протяженіи того же сцѣпленія вѣковъ въ широкой области самопроизвольной работы слѣпыхъ массовыхъ силъ. Передъ взоромъ любознательного откроется тутъ постепенный ростъ того, что имеется *«l'état moderne»*: онъ уразумѣеть образование учрежденій, соціального и политического быта нового времени изъ институтовъ древняго государства, перерожденныхъ варварствомъ и феодализмомъ, а потомъ пересозданныхъ осложнившимися требованіями позднѣйшей жизни, которая воспрянула къ высшимъ типамъ существованія.

Когда нарисуется въ умѣ, жаждущемъ исторического знанія, такая убѣдительно яркая линія, смыкающая первоначальную античность съ такъ называемымъ ея ренесансомъ, блескъ отъ лика послѣдняго, быть можетъ, потускнѣть, но зато озарится щедро разсѣяннымъ свѣтомъ длинная чреда столѣтій, именуемыхъ средневѣковьемъ. При этомъ наградою за потерю призрачно-красивой иллюзіи чудесныхъ контрастовъ, за разрушение привычныхъ идоловъ, то-есть, за опроверженіе ставшихъ пріятными историческихъ заблужденій, явится крупный и истинный теоретический выводъ. Въ сознаніи утвердится поддержанная научными данными и аргументами разума вѣра въ неразрушимость главныхъ плодовъ человѣческаго труда и неотъемлемость завоеваній человѣческаго духа, убѣжденіе въ неизутиности для каждого вновь появляющагося чада исторіи начинать съ начала дѣло своего образованія.

Исторія средневѣковой Италіи — особенно удобное орудіе для обоснованія пам'ятной здѣсь только что концепціи. Конечно, сущ-

ность исторического процесса познается съ преимущественною полнотою и успѣхомъ на примѣрѣ самыхъ типичныхъ аксиоматикъ культурной подвижности или прогрессивности. Сила и богатство послѣдней опредѣляются сочетаніемъ двухъ главныхъ факторовъ: обиліемъ и содержательностью традицій, идущихъ изъ прошлаго (хорошою историческою наслѣдственностью), и энергію новыхъ элементовъ движения, вырастающихъ внутри, идущихъ изъ (благопріятными условіями развитія). Средневѣковая Италия была счастлива именно превосходною наличностью и рѣдкою комбинаціюю началь обоего порядка. Въ этомъ — одинъ изъ мотивовъ глубоко образовательного значенія ея исторіи.

Въ частности для изученія того, какъ сохранились и прородились съмѣна, заложенные древностью въ почву средневѣковья, особенно поучительны судьбы итальянскихъ городовъ: городъ въ древности служилъ главною ячейкою, въ которой совершился круговоротъ цивилизованнаго существованія; сельскій же бытъ, наоборотъ, въ средневѣковъ явился оболочкою варварства. Италия была особенно богата городами. Среди нихъ Флоренція — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Прощлое ея, въ которое мы вступили, дасть намъ много материала для истолкованія природы человѣка и общества, стало быть, сдѣлаетъ насъ сильнѣе въ пониманіи и настоящаго: именно въ такомъ общемъ смыслѣ йзощренія нашего психологическаго чутья и душевнаго опыта въ сужденіи о «человѣческомъ» современная исторія-наука можетъ стать для насъ учительницею жизни (*magistra vitae*), даже занимаясь давно прошедшими.

1.

Италия пережила вторженія варваровъ такъ же, какъ другія западныя области Римской имперіи. Какъ центръ государства, славившійся внушительнымъ богатствомъ, она притягивала ихъ аристократы даже съ особенnoю силой. Большими толпами уже съ конца второго вѣка послѣ Р. Хр. шли туда выходцы изъ Германіи для пополненія наемниками военныхъ силъ, защищавшихъ полуостровъ. Множество уроженцевъ туманнаго сѣвера отдали также свои руки сельскимъ работамъ на латифундіяхъ итальянскихъ магнатовъ. Съ начала V вѣка на страну обрушились уже прямые набѣги большихъ вооруженныхъ массъ для разграбленія сокровищъ или напшествія цѣлыхъ племенъ въ видахъ завоеванія ея земель. Смѣняющіяся волны германцевъ захлестываютъ Италию, а позже (съ конца вѣка) на ней осѣдаются варварскія государства. Кор-

левство Одоакра (476—493) продержалось слишкомъ недолго, чтобы оказать на жизнь италійскихъ городовъ сколько-нибудь замѣтное вліяніе. Можно сказать только одно: увеличивавшися насилия и анархія все дальше разбивали общеніе и подрывали благосостояніе. Послѣ утвержденія власти Теодериха остготскаго (съ 493 г.) мирному, трудовому населенію края удалось даже вздохнуть свободнѣе сравнительно съ временами печального угнетенія въ имперіи послѣ діоклетіановой эпохи. Земское самоуправлениe не только было сохранено за муниципальными общинами, но пріобрѣло даже поддержку со стороны государства; куріи начали оправляться, благодаря ослабленію безжалостнаго фискализма, при болѣе разумномъ и гуманномъ отношеніи къ подданнымъ нового, быстро и въ хорошемъ смыслѣ романизовавшагося правительства.

Торговля уже раньше упала въ Тосканѣ; но землемѣліе теперь вновь поднималось въ царствование Теодериха Великаго. Можно было надѣяться, обильно обеспечивъ мѣстныя нужды, опять заводить сбыть излишковъ въ сельскохозяйственномъ продуктѣ, по крайней мѣрѣ на ближайшихъ рынкахъ: центральная власть заботилась объ исправленіи грунтовыхъ и рѣчныхъ путей сообщенія. Такъ и для Флоренціи какъ будто готовились лучшіе дни, и жители города, повидимому, привязывались къ остготскому господству¹⁾). Но ужасы начавшейся вскорѣ послѣ смерти Теодериха упорной и длинной войны съ Византіею пресѣкли непрочный поворотъ къ лучшему. Кровавая борьба эта составила исходный моментъ для самой тяжелой и темной эпохи въ исторической жизни Италіи и ея городовъ, продолжавшейся въ общей сложности до крупного перелома, сопровождавшаго крестовые походы.

Мѣстность, среди которой возвышается Флоренція, почти все время, пока происходило единоборство между двумя націями (535—554), являлась театромъ боевыхъ столкновеній и потому жестоко терпѣла отъ бѣдствій войны: городъ на берегу Арно не сколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки отъ короля готовъ Тотилы къ юстиніанову полководцу Нарсесу и обратно. Въ 552 г. въ немъ окончательно утвердилось византійское владычество. Можетъ быть, возстановленное имперское управлениe и дѣлало известныя попытки оказать помощь городамъ, чтобы они могли очнуться послѣ разоренія: есть указанія, что оно обнаружило известную

¹⁾ Память благодѣтельного правителя, несмотря на ненависть церкви къ арианамъ, долго чтился среди гражданъ Флоренціи. Они называли своихъ дѣтей его именемъ, и въ городѣ существовалъ связанный, повидимому, съ нимъ (рапо, впрочемъ именованій) храмъ — Santa Maria Teofegisi.

заботу и объ излечениі Флоренціі отъ ранъ¹⁾). Но дѣло велось вяло и слабо; къ тому же, что давалось одною рукою, то отнималось другою въ видѣ всякаго рода налоговъ и поборовъ, которыя снова опутывали еще глубже истощенное населеніе. Наконецъ, въ 568 г. на Италию налетѣла новая гроза, и къ 570-му долинѣ средняго Арно попала во власть послѣднихъ завоевателей, суро-выхъ и дикихъ лонгобардовъ.

Нашествіе этихъ грозныхъ «derniers venus» изъ нѣдра Германіи сопровождалось ужасающими неистовствами и насилиями, принимая первоначально характеръ истребительного разрушенія²⁾. Хроническій однако подобное положеніе вещей оставаться не могло; надо было устраиваться для жизни, а поэтому слѣдовало перестать уничтожать средства и условія, необходимыя для ея поддержанія. Тутъ, то и выдвигается вопросъ о томъ, какъ опредѣлено было побѣдителями положеніе побѣженныхъ. Вопросъ этотъ издавна много дебатировался въ ученої литературѣ. Обыкновенно говорить: лонгобарды отняли у туземныхъ жителей Италии все имущество и «половину» свободы; они всецѣло подчинили завоеванныхъ своей власти, признавая лишь одно свое варварское право. Внимательное же ознакомленіе съ обрывками исторического преданія заставляетъ думать, что отношенія слагались нѣсколько иначе³⁾). Римляне въ

1) Кое-что дѣжалось для возстановленія города отъ запустѣнія. Вѣроятно, къ этимъ годамъ относятся послѣднія поправки въ термахъ, около форума, отъ которого сохранились слѣды въ откопанныхъ развалинахъ. Но ремонть производился съ такою сквердью, что, напримѣръ, исчезнувшія части мозаикового пола замѣнялись вставкою кусковъ кирпича. Клоаки исправлялись обломками колоннь, даже мраморныхъ статуй. Это — оригиналный признакъ обѣднѣнія и хозяйственной распущенности. Бѣрочемъ, тогда же строилась во Флоренціи и новая церкви по инициативѣ византійскихъ властей. Между ними можно назвать одну, возведенную въ честь св. Аполлоніарія около того мѣста (у восточной стѣны города), где раньше возносились мольбы къ престолу Изиды. Самое имя святого, который былъ „апостоломъ Петромъ Равеннѣ“, столицы вамѣстничества восточнаго императора, свидѣтельствуетъ объ эпохѣ византійского вліянія.

2) Въ моментъ первого патниска варвары сами не отдавали себѣ отчета, совершаютъ ли они только набѣгъ для грабежа и вскорѣ вернутся въ старую родину, или предпринимаютъ переселеніе на новый мѣста осѣдлости. Лонгобарды, немедленно цослѣ нашествія расположились военными лагерями въ хорошо укрѣпленныхъ или отъ природы сильныхъ пунктахъ и оттуда бросались съ огнемъ и мечомъ на открытые виллы и сельскія жилища, разнося ужасъ кругомъ. Только черезъ некоторое время перестали они смотрѣть на Италию, какъ на чужую землю или добычу, и стали вырабатывать формы постояннаго испомѣщенія на ней своего пломони.

3) Число сочиненій, старыхъ и новыхъ, въ которыхъ рассматриваются политические и соціальные порядки въ лонгобардской Италии, обширо; но большая часть ихъ освѣщаетъ вопросъ, именно преувеличивая активность германскаго завоевателаго элемента и подавленность римскаго завоеваннаго. Оправдываему здѣсь тѣ

лонгобардской Италии действительно лишились на первое время всякихъ политическихъ правъ. Варвары стали единственными господами, туземцы превратились въ подданныхъ: въ государствѣ существовали одинъ законъ и одни учреждения, установленные вождями народа - побѣдителя. Это вѣрно! Но личная независимость и гражданскія преимущества были сохранены за италійцами. Отобранныя собственности у прежнихъ владѣльцевъ не производилось; она была лишь обложена высокими податями или повинностями въ пользу лонгобардской казны. Пришлецы же испомѣстились на прежнихъ императорскихъ, или запустѣлыхъ, либо случайно конфискованныхъ земляхъ. Коренное свободное населеніе полуострова могло вольно передвигаться изъ одной мѣстности въ другую и совершасть всякия имущественные сдѣлки.

Безусловно справедливо, что какъ внутри лонгобардского королевства признавалась одна нація *populus Longobardorum*, такъ же точно въ немъ существовало принципіально только одно право — племенное варварское, кодифицированное эдиктами королей. Лонгобардскому закону были подчинены и римляне въ области администраціи и суда, а также при регулировкѣ смѣшанныхъ гражданскихъ отношеній между обѣими расами. Впрочемъ, варвары оказались не въ силахъ захватить всей жизни въ рамкахъ своихъ еще грубыхъ, мало подвижныхъ институтовъ. Въ реальной дѣйствительности юридическимъ органомъ связи между римлянами разныхъ категорій, потомками прежняго муниципального населенія, въ силу бытовой косности оставались старыя нормы; нетронутыми сохранились формы многаго множества повседневныхъ актовъ, изъ которыхъ ткалось существованіе значительной, большей массы населенія. Вотъ, какими путями поддерживалась въ тиши непрерывность примѣненія стараго римскаго права въ новой средѣ, созданной варварами. Въ интимныхъ глубинахъ юридического общенія римлянъ между собою внутри лонгобардского государства могло вновь укрѣпиться расщатанное военными ударами культурное начало, чтобы снова обратно вліять возрождавшемуся цивилизующею силою на варварскій міръ. —

орю преображенія лонгобардами римскаго населенія Италии въ зависимое состояніе („альдіонатъ“) проводить и одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ знатоковъ исторіи итальянскаго права — *A. Perfile, Storia del diritto italiano* (2 ed. Torino, 1896), vol. I (у него собрана богатая библиографія). Но различныя ограничія, какія дѣлаютъ самъ авторъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно обосновать подобный тезисъ въ его рѣзкой постановкѣ. Ближе всего къ исторической достовѣрности вопросъ формулированъ у *G. Salvioli, Manuale di storia del diritto italiano* (4 ed. 1903), хотя изложеніе его чересчуръ кратко, чтобы быть убѣдительнымъ. Ср. *L. M. Hartmann, Geschichte Italiens im Mittelalter* (II Band, 2 Th. S 1 ff.). Но и у этого автора слиш-

Прибавимъ одно замѣчаніе: наиболѣе сплоченные группы старо-римского населенія ютились въ городахъ. Послѣднію зиждались по этому главными гнѣздаами, где сохранялись римскія же юридическія воспоминанія.

Безпристрастное наблюденіе, стало быть, убѣждаетъ, что не удалось варварамъ задавить римское право въ Италии; оно продол-жalo жить подъ покровомъ новыхъ бытовыхъ отношеній и пускало ростки въ новую, хоть и менѣе плодородную почву. Точно такъ же выживали многія изъ римскихъ учрежденій; они служили совершенно необходимыми орудіями, примѣнявшими старыя юридическія нормы. Въ частности не могъ подвергнуться окончательному уничтоженію и организмъ городской общины.

Большинство историковъ опять и здѣсь видятъ полный разрывъ между «*civitas*» временъ имперіи и итальянскою «коммуною» (*il comune*) поздняго средневѣковья. Прежде всего, разсуждаютъ они, мѣстное самоуправленіе въ варварскихъ государствахъ (въ томъ числѣ и въ лонгобардскомъ) устранилось силою вещей: упрости-вшаяся администрація не нуждалась въ такомъ пизшемъ вспомогательномъ органѣ управления. Больѣе крупное дѣленіе государственной территории на провинціи исчезло вслѣдствіе уменьшенія ея про-странства; областью стала прежняя муниципальная единица; въ ней и сѣль намѣстникъ германского короля, герцогъ или графъ. Выборнымъ отъ земскаго населенія не оставалось требуемаго мѣста въ элементарномъ устройствѣ варварскаго государства. Сами жители лег-ко отказались отъ такой привилегіи, которая стала болѣею тяго-стью уже въ имперіи послѣдніхъ временъ, и отъ которой теперь имъ даже выгодно было освободиться, складывалъ всѣ заботы о благоустройствѣ и безопасности на руки королевскаго уполномоченнаго. Такъ, разслабленному римскому муниципальному строю на-сталъ будто бы естественный конецъ, и безсмысленно было бы искать генетической связи между римскимъ и средневѣковымъ горо-домъ. Это два явленія, совсѣмъ независимыя одно отъ другого¹⁾.

Для подкѣпліенія такого специально политического аргумента въ пользу потопленія традиціи римского городского самоуправле-нія въ «волнахъ германскаго нашествія» выставлялась на видъ еще другая причина болѣе общаго соціально-экономическаго характера. Самыя формы дифференцированного городского (торгово-промышлен-

¹⁾ Крупнейшимъ изъ первыхъ основателей теоріи о непрерывности существования римского права въ продолженіе всего средневѣковья, а также о происхождении и развитии городского движения XI и XII вѣка изъ ожившихъ римскихъ корней былъ Фридрихъ фонъ Савойи. См. его капитальное сочиненіе — „Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter“.

наго) быта падали въ силу того поворота, который совершался тогда въ хозяйственномъ развитіи народовъ. Уже въ эпоху упадка Римской имперіи значительно ослабѣло торговое общеніе между востокомъ и западомъ громадной державы. Съ распаденiemъ самаго запада на варварскія королевства отдалыяя страны его еще тѣснѣе замыкались въ себѣ. Дальнѣйшее же измельчаніе территорій, созданное торжествомъ феодализма, окончательно вернуло населеніе Европы къ господству грубаго доманіального самодовлѣнія. Установилась система вотчиннаго хозяйства, когда въ каждомъ помѣстѣ жители удовлетворяли опростившимъ своимъ потребностямъ собственнымъ же («домовымъ») производствомъ по всѣмъ отраслямъ потребленія. Тогда действительно долженъ былъ омертвѣть обмѣнъ; выдѣление же города, какъ центра обрабатывающей промышленности, изъ деревни, какъ центра добыванія земледѣльческаго продукта, становилось въ противорѣчіе съ вырабатывавшимися порядками. Городъ фатально терялъ свою промышленно-торговую физіономію, захватывался въ зону земледѣльческаго производства (*Ackerstadt*): жители приуждались сами добывать для себя хлѣбъ на прилежащихъ поляхъ, такъ какъ некому было сбывать ремесленный товаръ изъ ихъ мастерскихъ. Послѣдняя глохли и закрывались. Пахать занимала и городскія пространства: сѣяли и садили въ запустѣвшихъ и разрушившихъ кварталахъ. Потребное количество мануфактурныхъ предметовъ—одежды, обуви, утвари—выдѣльвалось внутри каждого маленькаго хозяйства, дома-семьи, для нуждъ его членовъ. Наступала эра замкнуто-домовой, барско-крестьянской эколомії феодальной сепіоріи (die geschlossene Hauswirtschaft der Grundherrschaft)¹⁾.

(первые 2 тома; вышли въ 1815 и съдѣл. гг.), составившее въ свое время эпоху въ историографіи. Смыкъ сильнымъ его противникомъ признается также германскій историкъ Карлъ Гегель. Онъ разрушалъ доводы романистовъ (что для насъ особенно интересно) на почвѣ ранней итальянской истории. См. его замѣчательный (не потерявший значенія и нынѣ) трудъ—«Geschichte der Stadteverfassung von Italien» (2 т. Лейпцигъ, 1847). Долго считалось, да и теперь повторяется, что авторъ своею блестящею и основательною критикою похоронилъ гипотезу романистовъ. Врядъ ли такая окѣнка не идетъ дальше правды.—Доводы Савинъ и Гегеля живо изложены въ русской литературѣ извѣстнымъ нашимъ юристомъ И. И. Дитятиномъ въ его книгѣ „Устройство и управліе городовъ Россіи“ (Спб. 1875 г. См. введение).

¹⁾ Приведенное чрезвычайно важное историческое наблюденіе въ области экономического развитія обществъ средневѣковой Европы сыграло серьезную роль при установлении правильного взгляда на соціальный процессъ, совершившійся въ европейской исторіи V—XI вѣковъ. Специально въ жизни городовъ помощью такого наблюденія едва ли было открытие особой фазы ихъ эволюціи. Физіономія, какую при-

нѣ ногоди городы, ярко выражаются изъ блестящихъ этюдовъ Карла Бюхера (его книга—„Die Entstehung der Volkswirtschaft“ (4 изд. 1904 г.; — есть русский переносъ съ перваго издания). Онь дать плодотворный толчокъ изслѣдованию экономи-

Широкій, такъ сказать, соціологіческій фактъ такого постепененнаго погруженія города въ формы сельскаго быта долженъ быть въ самомъ дѣль рѣшительнымъ образомъ разрушить всѣ слѣды особого муниципальнаго самоуправліенія: разъ исчезала основа, по на чёмъ было утверждать ткань.

Въ нарисованной политической и соціальной картинѣ, среди которой должна была протекать жизнь городовъ въ варварскую, а потомъ въ феодальную эпоху, много заключается вѣрныхъ чертъ, искусно и глубоко подмѣченныхъ. Но въ реальнѣй истории человѣчества движение никогда не осуществляется по дѣйствію одной силы съ прямолинейнымъ направленіемъ. Общество рвется изъ стороны въ сторону отъ сложныхъ ударовъ многообразныхъ двигателей, и противоборствующія теченія даютъ извилистую и развѣтвляющуюся кривую въ качествѣ равнодѣйствующей, которая символизировала бы общий ходъ развитія. Справедливость такого теоретическаго соображенія поддерживается разборомъ только что представленнаго построенія судебъ городскаго общежитія и устройства въ раннемъ средневѣковьѣ.

Первый тезисъ (политическій: городское самоуправліеніепало за ненужностью и собственюю немощностью) не вполнѣ правиленъ принципіально. Обходиться безъ прежнихъ римскихъ органовъ муниципальнаго строя варварскіе областные правители врядъ ли могли. Ихъ грубое мышеніе и воинскія привычки нуждались въ постоянномъ направляющемъ содѣйствіи лицъ опытныхъ и свѣдущихъ въ веденіи правовыхъ актовъ. Таковыхъ они находили въ старыхъ мѣстныхъ магистратахъ. Особенно неизбѣжно должна была оказываться рука ихъ помощи при разборѣ дѣль или руководствѣ отношеніями между тѣми въ управляемыхъ, которые продолжали жить въ римскихъ формахъ быта. Значитъ, въ интересахъ самого новаго правительства было сохранить и поддержать остатки бывшаго городскаго или, лучше, земскаго самоуправліенія. Тѣмъ же, кто долженъ быть нести теперь его функции, оно уже не могло представляться цѣпью, отъ которой надо бѣжать: имперскій фискалъный гнетъ, подъ которымъ сгибалась муниципальная курія, исчезъ; въ варварскомъ же государствѣ сохраненіе въ своихъ рукахъ извѣстныхъ, хоть и второстепенныхъ, полномочій не принижало, а напро-

ческой исторіи давнихъ временъ. Ср. еще относящіяся къ городамъ главы въ замѣтательномъ сочиненіи *J. Flach, Les origines de l'ancienne France* (т. II, 1893) и прекрасную статью *Pirenne Les origines des constitutions urbaines au moyen âge* ("Revue historique", т. LIII, 1893, т. LVII, 1895). — Для Италии отлично написанный очеркъ такой „economia curitense“ даетъ *A Solmi, Le associazioni in Italia avanti le origini del comune* (Modena 1898).

тиль поднимало соціальне самочувствіе римськихъ людей, представляя фактическія выгоды.

Историки, искавшие въ классическомъ прошломъ корней европейскаго общественнаго строя и усматривавшіе признаки ожившихъ древнихъ началь въ позднемъ городскомъ движениі XII вѣка, находили въ памятникахъ варварской эпохи много слѣдовъ римскаго мѣстнаго самоуправлія. Источники полны указаний на долгое сохраненіе старыхъ муниципальныхъ органовъ—совѣтовъ (*curia, ordo, senatus*), магистратовъ (*duumviri*) и ихъ дѣлонпроизводства (*gesta municipalia*). Они продолжали, должно быть, функционировать въ городахъ подъ руководствомъ новыхъ начальниковъ—лонгобардскихъ герцоговъ, какъ необходимая подмога при неумѣлости послѣднихъ въ тонкостяхъ управления. Можетъ быть, позднѣйшіе *scabini, boni homines*, мѣстные судебные и административные совѣтники областныхъ правителей, которымъ приписывается ужъ несомнѣнно германское происхожденіе, являлись лишь переименованными потомками такихъ римскихъ должностныхъ лицъ¹⁾. Они были хранителями римскихъ правовыхъ понятій и римскихъ формъ мѣстнаго устройства. Они же стали естественными юрисконсультами лонгобардскаго правительства, когда послѣднее стало кодифицировать свои законы: только среди этихъ «римлянъ» находились просвѣщенные люди; и они не могли по сдѣлаться и здѣсь проводниками римскихъ начальъ формулъ лонгобардскаго права. Пропадать имъ было не зачѣмъ, потому что не исчезла потребность въ нихъ. Эти пережитки старипы только измѣнялись, охваченные давленіемъ постепенно феодализировавшейся организаціи общества.

Это во-первыхъ. Что касается второго тезиса (соціального: самая устойчивость городского общежитія колебалась подъ давлениемъ возврата общества къ хозяйственной замкнутости), то онъ, несомнѣнно, вѣрный, какъ общая схема эволюціи эпохи, дол-

1) Высказанное здѣсь предположеніе гораздо правдоподобнѣе того, которое предлагается германистами. Послѣдніе думаютъ, что римскіе термины, которые выше приведены, стали обозначать имѣто исчезнувшихъ римскихъ должностей новыхъ германскій. «Куріали» и «луумири», либо «консулы» въ городскихъ грамотахъ ралияго среднійковья—это не что иное, какъ «рахинбурги» (*boni homines*) и «шеффены» (*heabini*) древне-германскихъ судовъ. Не лучше ли будетъ сказать наоборотъ, что послѣдніе были лишь придуманными германскими терминами для понятнаго варварамъ обозначенія сохранившихъ въ городахъ римскихъ институтовъ? Такая подстановка словъ германскаго корня къ римскимъ съ параллельнымъ пользованіемъ обоими рядомъ встрѣчается постоянно въ язикѣ памятниковъ варварскихъ государствъ. Доказать же, что рахинбурги и шеффены (засѣдатели въ правительственный судахъ изъ мѣстныхъ жителей) существовали до посленія германцевъ на римской почвѣ, затруднительно; а существованіе курій въ римскихъ городахъ известно всѣмъ.

женъ подвергаться различаго рода поправкамъ по отношенію къ отдѣльнымъ странамъ Европы. Специально въ судьбахъ итальянскихъ городовъ оно встрѣчается особенно серьезныя ограниченія.

Италия слишкомъ густо была насыщена городами; слишкомъ прочно выросло тамъ единство городской общины съ притянутую къ неї территоріею, вліяне первой на послѣднюю, какъ силы, группирующей соціальные элементы. Если эфемернымъ оказался тотъ размахъ мірового хозяйственнаго общенія, который вызванъ былъ расцвѣтомъ римской великой державы, то дифференцирующая и интегрирующая роль античнаго города предстала въ экономической сфере, какъ начало, не легко разрушимое. Иниціатива городовъ, не представая, боролася на полуостровѣ, поддерживая сношенія и обмѣнъ между областями, противъ общаго шествія къ варварскому разобщенію. Борьба эта проходила не безуспѣши; воздействие болѣе высокихъ формъ соціально-политическаго существованія, охранявшагося наиболѣе активными элементами населенія городовъ, обнаруживалось и въ измѣненіи формъ жизни пришлыхъ германцевъ, то-есть, въ быстрой и сильной романизаціи ихъ. Такимъ образомъ эра «земледѣльческаго средневѣковья» (*le moyen âge agricole*) въ Италии осуществлялась безъ той яркости и опредѣленности, какими она отличалася въ другихъ частяхъ Европы.

Съ другой стороны, самый феодальный строй развивался въ Италии по такому направленію, что представителямъ его—сепіоріальному—мірамъ не удалось выработать въ себѣ силу, достаточную для безусловно самостоятельнаго руководства всею соціальною жизнью страны. Основная тенденція феодализма—измельчаніе (крошеніе) общественныхъ тѣлъ и отталкиваніе ихъ другъ отъ друга—въ Италии развернулись, можно сказать, въ безпримѣрномъ совершенствѣ. Нигдѣ, какъ тамъ, не образовалось такого множества бароніальныхъ единицъ. Но этотъ же расцвѣтъ послужилъ для нихъ источникомъ недолговѣчности. Главари ихъ оказались въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи вполнѣ обеспечить своего хозяйственнаго существованія, организуя свои недостаточно обширныя и неустойчивыя владѣнія въ формахъ крупнаго крѣпостного самодержавлюющаго помѣстья-дома; потому-то они не могли обойтись безъ постоянной помощи труда и продукта горожанъ. Еще и подъ вліяніемъ такого сочетанія обстоятельствъ продолжалася въ Италии торговля; она совершалась, по крайней мѣрѣ, на мѣстныхъ рынкахъ, центры и радиусы которыхъ опредѣлялись пашниностью и мѣстоположеніемъ городовъ, сохранившихъ наибольшую энергию среди смутъ. Спрѣть на обработанные предметы, представлявшийся ясногорожанамъ населеніемъ сельскихъ феодальныхъ міровъ, не сумѣлъ

шихъ выдѣлить для этого изъ себя известнаго персонала или найти время, чтобы приобрѣсти ремесленные навыки,—такой спросъ вызывалъ и будилъ въ итальянскихъ городахъ индустріальное производство.—Традиція коммерческаго обмѣна, товарного обращенія (*der Verkehr*) питалась въ жителяхъ ихъ, такъ сказать, и теченіями, приходившими изъ болѣе широкой, окружавшей ихъ атмосферы. Италия долгое время оставалась связанною съ образованіемъ и торгово-промышленной Византіею. Это было очень важное и своеобразное условіе общесторіческаго развитія, которое не дало ей погрузиться въ варварское обособленіе. Тѣмъ самымъ она и сдѣлалась для западной Европы лучшимъ хранителемъ старыхъ благъ, данныхъ разложившуюся цивилизацію, и первымъ носителемъ зародившихся новыхъ потребностей.

Результатомъ всѣхъ отмѣченныхъ условій оказалась особенная живучесть въ Италии самыхъ формъ высшаго культурнаго быта и въ частности сохраненіе жизненности соціальныхъ отправлений внутри ея городовъ. Они только относительно и не надолго захудали; въ нихъ не вымерло известное число достаточно состоятельныхъ людей, занимавшихся торговлею. Эти послѣдніе, стремясь удовлетворить для своей выгоды спросу на мануфактурный товаръ, должны были своими (хотя ограниченными) деньгами оплодотворять городскую ремесленную промышленность. Феодальные сеніоры, нуждаясь въ услугахъ городскихъ производительныхъ классовъ, вынуждены были предоставить имъ экономической льготы и известную гражданскую независимость. Вотъ почему Италия не могла испытать на себѣ такого глубокаго упадка городской жизни, какъ другія страны въ ту же эпоху «варварскаго средневѣковья». Вотъ почему въ предѣлахъ этихъ типичныхъ тѣлещъ, въ которыхъ совершилась наиболѣе интенсивная положительная работа общества, продолжалось движеніе крови по раньше развившимся сосудамъ.—Такова общая почва, которая тамъ смыкала прошлое съ будущимъ. Необходимо было набросать ея планъ, чтобы выбрать на немъ мѣсто, где воспроизвести уже въ полнотѣ реальныхъ подробностей типичный рисунокъ ¹⁾.

2.

Флоренція оставила намъ мало воспоминаній о своей исторіи и, тяжелую пору лонгобардскаго владычества, а затѣмъ также въ

1) Судьбы Италии (городской и сельской) въ раннемъ средневѣковье изображены согласно иллюстрациямъ вѣдѣс идолямъ въ интересной работѣ *G. Salvioi, Città e campagna prima e dopo il mille, con uno studio sulla distribuzione della proprietà fondiaria in Italia dopo le invasioni germaniche* (Palermo, 1901).

каролингскую эпоху. Ея индивидуальная жизнь какъ бы затерялась въ массѣ отдельныхъ мелкихъ, разнокалиберныхъ молекулъ соціального существованія, безконечно раздробившагося и скавшагося тѣсные предѣлы. Въ такой чашѣ «изъ-за лѣса деревъ не было видно»: поразительная пестрота мѣстныхъ отношений уже тогда образовала характерное отличіе культурной физиономіи Италии¹). Но улавливая дошедшия до насъ обрывки и осторожно ставя ихъ подъ свѣтъ подходящихъ и надежныхъ аналогій, сохранившихъ преданіями другихъ городовъ, можно возстановить общую линію пройденного ею тогда пути, думается, довольно близко къ истинѣ.

Извѣстно, что городъ былъ мѣсто пребываніемъ одного изъ многочисленныхъ (свыше 30) лонгобардскихъ почти независимыхъ герцоговъ; но и короли владѣли въ его окрестностяхъ обширными землями, какъ личною собственностью. Флоренція много пострадала отъ набѣговъ и грабежей, и благосостояніе ея жителей еще разъ сильно пошатнулось. Въ составѣ населенія врядъ ли произошла замѣтная перемѣна: только незначительное число «варваровъ» поселилось внутри стѣнъ, смѣшиваясь съ «римлянами»²). Но вѣнчаній «аспектъ» самаго города сталъ инымъ. Онъ принялъ болѣе воинственный видъ. На томъ мѣстѣ, где раньше утонченная публика наслаждалась представлѣніями въ римскомъ театрѣ, теперь воздвигнута была лонгобардами у восточной ограды внушительная дозорная башня (*gardingus*): она была высока, и съ нея удобно было высматривать приближавшуюся опасность со всѣхъ сторонъ, охватывая взглядомъ пространство далеко кругомъ; она была трудно приступна и потому облегчала защиту города. Ближайшія окрестности его тогда же стали покрываться сторожевыми укрѣпленіями,

¹⁾ Тутъ уже было положено начало той „искрошенности“, которая составила тогда основу ея государственной жизни въ феодальный періодъ. Въ ближайшіе вѣка послѣ рассматриваемой эпохи такое размноженіе мелкихъ самостоятельныхъ общественныхъ существъ путемъ дѣленія приведетъ къ разливу постоянной войны между ними: будутъ спаиваться въ кровавыхъ столкновеніяхъ крайъ съ краемъ, городъ съ городомъ, замокъ съ замкомъ. Но въ борьбѣ закалятся крѣпкие характеры, образуются выдающіяся индивидуальности, единичныя и коллективныя: такъ создается глубокій источникъ той многосторонности жизни, которая дала Италии уже въ поздній средневѣковый болатыя силы для культурнаго расцвѣта.

²⁾ Это были правители и ихъ помощники, военный гарнизонъ и поморгіи отдельныя единицы. Кажется, лонгобарды-переселенцы предпочиталиъ большинствѣ случаевъ, какъ мѣсто обѣдности, высокое и крѣпкое Фьезоле. Съ этимъ городомъ, по крайней мѣрѣ, соединились традиціи позднѣйшей флорентійской рыцарской знати. Отсюда же если по источникамъ, то опять мотивировки венависти къ фьезолецамъ будущей демократіи, производившей себя отъ потомковъ римлянъ нижнаго города, то-есть, собственної Флоренціи, въ противовѣсъ варварамъ чистотъ, то-есть, фьезолецамъ.

строгими символами кровавой эпохи: они стали зародышами будущих феодальныхъ замковъ.

Но не заглохло въ пылу вооруженныхъ тревогъ религіозное рвение, которое поддерживалось и католизировавшимися лонгобардами. Матеріальнымъ выражениемъ его было, какъ всегда, строительство церквей и монастырей. Много благочестивыхъ обителей выросло въ Тосканѣ по почину и на пожертвованія лонгобардскихъ королей. Любимымъ святымъ для войнолюбиваго племени являлся архистратигъ Михаилъ, меченосный водитель крылатой небесной дружины. Подъ вліяніемъ послѣднихъ завоевателей Италии ему было посвящено нѣсколько храмовъ внутри Флоренціи и въ подгородной полосѣ. Интересно отмѣтить одинъ изъ нихъ, давшій имя особому мѣсту въ городѣ, которое приобрѣло впослѣдствіи знаменитость. Это—*Or san Michele*. Старая церковь, возникшая, навѣрно, въ раннюю лонгобардскую эпоху была, должно быть, окружена садомъ (отсюда, возможно, и самое название—*San Michele in orto*); но послѣдній потомъ долженъ быть, вѣроятно, исчезнути, вытѣсненный новыми домами, корорые плодились, чтобы дать пріютъ множествуемся населенію. Древнее, разрушенное временемъ зданіе церкви также уступило мѣсто въ XIII в. другой постройкѣ, которая скоро однако вновь превратилась въ храмъ, сохранившій старое наименование. Судьба тѣсно связала его впослѣдствіи съ религіозными культурами флорентійскихъ цеховъ, и онъ былъ роскошно обогащенъ рѣдкими перлами скульптуры ранняго ренесанса ¹⁾.

Лонгобардами же было насаждено въ сѣверной Италии поклоненіе Ioanni Крестителю. Онъ сталъ ихъ государственнымъ святымъ со времени обращенія племени въ католичество при королевѣ Теодолиндѣ. Во Флоренціи образъ Предтечи Христа такъ сросся съ религіозными настроеніями и обычаями жителей, что св. Ioannъ обратился въ ея главнаго патрона, побѣдивъ прежняго, св. Микіата. Нужно полагать, что въ VII уже вѣкѣ заложенъ и выстроенъ былъ въ первоначальномъ видѣ знаменитый молитвенный домъ въ его честь, около сѣверной стѣны, рядомъ съ соборомъ. Какъ кажется, уже въ VIII вѣкѣ онъ служилъ главною «крестильнею» (*il Battistero*). Такой атрибутъ «очищенія» онъ пронесъ съ собою черезъ долгія столѣтія до нашихъ дней. Нѣкоторое время баптисторій, можетъ быть, соперничалъ съ старымъ храмомъ св. Репараты и, прагнѣ считаться главнымъ религіознымъ центромъ города. Это

¹⁾ Подробная двинная о монументальной исторіи Флоренціи въ лонгобардскую эпоху найдется у Даундона, *Forschungen zur älteren Geschichte v. Florenz* (Berlin, 1911, I, 21—25).

одинъ изъ самыхъ дорогихъ флорентианськихъ памятниковъ старины. Уже Данте воспѣвалъ въ изгнаніи своего «*bel san-Giovanni*», какъ истинный символъ родины, лучшее онъ воплощеніе¹). Слова геніального поэта обезсмертіли бы старый баптистерій, если бы даже онъ не остался цѣлью до сихъ поръ, сохраняя и теперь печать своей исконной архитектуры, представляясь и современнымъ гражданамъ прекрасною гордостью ихъ города.

Конечно, первоначальная постройка лишена была великолѣпнаго мраморнаго одѣянія, которымъ мы нынѣ видимъ ее убранною и которое облекало ее уже во времена Данте. Она не была еще полна интересными произведеніями ваянія и живописи, которыми ее наградили позднѣйшіе вѣка славы. Старый баптистерій отличался болѣе простою и строгою вѣнчанностью; техника его исполненія соотвѣтственно упадку искусства была грубѣе. Но остовъ зданія остается исконный: это—правильный восьмиугольникъ, выстроенный изъ солидныхъ квадровъ песчаника, накрытый прочнымъ, также восьмиграннымъ куполомъ, въ 28 метровъ ширины. Внутри по-следній покоятся на 14 античныхъ колоннахъ изъ гранита съ острова Эльбы. Онъ доньинъ даютъ опору своду и происходятъ, очевидно, отъ какого-нибудь уничтоженнаго древняго храма: началось уже время разоренія памятниковъ паганизма для нуждъ христіанскаго культа. Тиль сооруженія напоминаетъ и византійскія церкви, и римскій пантеонъ. Съ западной стороны, передъ тогда единственнымъ входомъ²), устроенъ былъ притворъ—атрій; въ срединѣ на возвышеніи находилась восьмиугольная же огромная купель, въ которой младенцевъ крестили по обычаямъ древней церкви черезъ погруженіе. Пріятно я выгодно для историка, когда въ городѣ, прошлое котораго онъ изучаетъ, остаются вещественные свидѣтели такихъ отдаленныхъ столѣтій, хранящіе на своемъ камennомъ тѣлѣ живые отпечатки многихъ событий.

Слѣдовъ отъ архитектурной физіономіи обыденной Флоренціи лонгобардскаго времени, то-есть, отъ ея частныхъ домовъ, мастер-

¹⁾ Потому-то Данте будто концентрируется на почитаемомъ храмѣ свою выпуклую потрясенную любовь къ ней. См. Адъ, XIX, 17; Раѣ, XV, 134; XXV, 8. Ор. интересную книгу А. Bassermann, *Dantes Spuren in Italien* (Mюнхенъ, 1898), стр. 47 и сл.—Самъ Данте и хроникъ Джованни Вилланеи сообщаютъ преданіе, по которому церковь, гдѣ совершалось таинство, открывавшее человѣку доступъ въ христіанство, воздвигнута была на фундаментѣ разрушенного деревяною спичилища бога Марса, языческаго покровителя Флоренціи. См. 7. Burchardt, *Cicerone*, II, 29.—Ср. Davidsohn, *Gesch. v. Florenz*, I, 72.

²⁾ Это именно та сторона зданія, на которой теперь идти дверей. Имагіонъ расположены трое по остальнымъ сторонамъ; а противъ лабітой старой позиционируется внутри главный алтарь.

скихъ, лавокъ, мостовъ и подобныхъ сооружений, отыскать нельзя. Все это давно погибло отъ старости или спасено для расчистки мѣста строеніемъ болѣе позднихъ вѣковъ. Въ письменныхъ источникахъ удается найти также лишь ничтожные намеки и клочки описаній. Но злая характеръ тогдашней исторіи, можно полагать, что городъ былъ бѣденъ, и число его жителейпало сравнительно съ римскою эпохою¹⁾). Нужно думать поэтому, что были пункты и внутри старой римской, довольно тѣсной черты, которые послѣ варварскихъ погромовъ оставались въ запустѣніи подъ мусоромъ и развалинами или, въ лучшемъ случаѣ, подъ садовыми зарослями и огородами.

Какъ ни странно это себѣ представить теперь въ безлѣсной современной Италии, гдѣ безусловно всѣ зданія каменные, тогда большинство жилыхъ домовъ, почти всегда очень мало просторныхъ, вслѣдствіе паденія техники, строились въ городахъ изъ дерева. Покрывали ихъ обычно соломою; лѣстницы прикрѣплялись снаружи; окна прорубались маленькая, и они оставались безъ стеколь. Всѣ жилища лишены были печей. Въ общей для членовъ средней семьи, иногда единственной, комнатѣ, служившей для всѣхъ ея нуждъ, посрединѣ устанавливался грубый очагъ. Только немногія главныя постройки — соборъ, церкви, обиталища графа, епископа или наиболѣе видныхъ немногихъмагнатовъ и разбогатѣвшихъ торговцевъ—выводились изъ камня. Главный храмъ служилъ нерѣдко и мѣстомъ гражданскихъ собраний, архивомъ, хранилищемъ цѣнностей, даже цитаделью. Улицы въ общемъ правилѣ оставались немощеными. Обѣ удобствахъ общественной гигиены трудно было думать. Полиція безопасности отсутствовала, и города терпѣли отъ жестокихъ пожаровъ²⁾). Старое римское благоустройство глубоко пострадало отъ войнъ и варварскихъ опустошеній; а наступившая бѣд-

1) Флоренція занимала тогда площадь около 250.000 квадр. метровъ (см. *Trollope, A history of commonwealth of Florence*, 1865, I, 351). Ср. „Archivio storico italiano“, III serio, v. II (1865), I, 75 и app. XVI, I, 86. Во времена Пьетро Даміані (XI в.) про нее еще говорили, что она „*parva virum*“. Въ вачахъ XII вѣка по расчету некоторыхъ ученыхъ въ ней было лишь 6000 обитателей. *G. Salvio, Sullo stato e la popolazione d’Italia prima e dopo le invasioni barbariche* (Палермо, 1900), и *G. Salvemini, Magnati e popolani in Firenze* (Фир. 1899), p. 42 ss.—Послѣдний авторъ, занимающийся вопросомъ, впрочемъ, доказываетъ, что это чрезмѣрное „преувеличеніе“. Онъ вычисляетъ никакъ не меньше 20—25.000 душъ. См. *P. Santini, in „Arch. stor. Ital.“ t. XXXI (1903)*, p. 326.

2) Въ 1174 г., напримѣръ, въ Падуѣ изъ 3485 домовъ сгорѣло 2614: три четверти города съ 10.000 жителей погибли. См. *Gloria, Codice diplomatico padovano*, II, p. LX.—Давидсонъ приводитъ подобные же примѣры для нашего города. См. „Geschichte v. Florenz“, I, 558—559. Ср. *P. Villari, Storia di Firenze*, II, 153.

ность и зависимость и продолжавшаяся общественная бури не допускали какъ слѣдуетъ возводить по живой сцѣ памяти то, что погибало. Во всякомъ случаѣ мы присутствуемъ при замѣтномъ материальномъ упадкѣ въ городахъ¹⁾. — Внѣшний ландшафтъ самой Флоренціи въ VII—IX вѣкахъ остается, какъ сказано, въ туманѣ. Но такое боковое освѣщеніе, получаемое отъ многихъ другихъ городовъ-современниковъ, вырисовываетъ и ея силуэтъ въ новоселомъ видѣ. — Надобно еще прибавить, что обыкновенный спутникъ войны и беспорядка—эпидемической болѣзни повторялись первѣдо въ эти смутные годы, замедляя приростъ населенія, налагая на жизнь людей тяжелыя краски.

Тѣмъ не менѣе существование большей части городовъ римскаго происхожденія въ Италии поддерживалось непрерывно. Даже новые городскія поселенія возникали въ ту же лонгобардскую эпоху²⁾. Пребываніе за ихъ оградою рисовалось заманчивымъ для многихъ. Внутри стѣнъ люди чувствовали себя безопаснѣе: горожане въ смутную эпоху всѣми силами стремились вновь отстраивать ихъ послѣ разрушенія. Поясь укрѣплений считался тогда первымъ вѣшнимъ признакомъ «города» (*Città*). Положеніе человѣка, пріютившагося подъ ихъ защитою, ощущалось и болѣе независимымъ³⁾. Впрочемъ, и вообще отношенія между двумя главными стихіями въ населеніи полуострова — пришлию (германской) и туземною (римской) — смягчались. По мѣрѣ сближенія съ побѣжденными лонгобарды начинали все больше цѣнить блага производительного труда и умственнаго просвѣщенія. Торговля медленно поднимала голову и люди, юю занимавшіеся, то-есть, имѣнію римляне-горожане, уже въ теченіе VII вѣка фактически сравнялись по положенію съ лонгобардами воинами-землевладѣльцами. Въ началѣ VIII столѣтія торгово-промышленный классъ игралъ уже активную роль въ обществѣ лонгобардской Италии⁴⁾, и это двигало впередъ возв-

¹⁾ Нѣсколько данныхъ для воспроизведенія картины итальянскаго города въ раннемъ средневѣковье сообщается Сальвіоли въ его уже издаванной работѣ — „Città e campagne prima e dopo il mille“ (p. 50 ss.).

²⁾ Тѣ изъ городовъ въ Италии, къ названію которыхъ прибавляется въ начальѣ какъ бы предымя *Sala*, навѣрно основаны по почину лонгобардскаго правительства.

³⁾ Потому-то правительство лонгобардскихъ королей и герцоговъ старалось захватить въ свои руки и регулировать право возведенія стѣнъ жителями какого-нибудь пункта обѣдности, чтобы предохранитьѣѣсть государства отъ возможности отвѣденія такихъ укрѣпленныхъ центровъ.

⁴⁾ Законъ короля Айстульфа опредѣлилъ воинскую обязанность людей купеческаго званія. Самый фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что сейчасъ сказано. Воинская обязанность была вмѣстѣ съ тѣмъ иочетною функцией тѣхъ, кто привлекался подъ панциромъ гражданиномъ. Были установлены даже ступени въ тягости самой службы.

рождение городовъ. Национальные противоположности сгладились, и новопришельцы съ ихъ буйною энергией ассимилировались по крови и по культурѣ съ обновлявшимся силою пѣсколько освѣженнаго ими (встрѣхнутаго) романизма.

Оживала подъ влїяніемъ такого замиренія и Флоренція. Въ ней сосредоточивалось трудящееся населеніе и пробуждались тенденціи прежняго муниципального быта. — Утверждение на полуостровѣ власти Карла Великаго (во второй половинѣ VIII-го вѣка) могло только способствовать такому подъему силъ. Онъ далъ странѣ, хоть пепадолго, больше мира и лучшее управлѣніе. При немъ окончательно исчезли послѣдніе слѣды расового утѣсненія и призвали права различныхъ национальностей.

Внутренніе распорядки жизни нашего города врядъ ли подверглись измѣненію, когда онъ вошелъ въ составъ державы государя, возстановившаго имперію на западѣ. Отъ политики мірового единства, можетъ быть, пахнуло чѣмъ-то, что подавало надежду на возрожденіе производительной работы и духовнаго творчества; но избавиться отъ суровыхъ трудностей существованія врядъ ли можно было такъ быстро. Рассказы о специальныхъ благодѣяніяхъ великаго правителя, будто бы оказанныхъ Флоренціи, — не что иное, какъ позднѣйшее измышеніе «золотой тосканской фантазіи», возбужденной жаломъ славолюбія: не меньшій человѣкъ, чѣмъ Карлъ Великій, долженъ былъ явиться «возстановителемъ Флоренціи» изъ разоренія, причиненного варварами. Мѣстная легенда повѣствуетъ, что императоръ поднялъ городъ изъ праха, богато отстроилъ его, подарилъ жителямъ земли и привилегіи, роскошно украсилъ баптисторій. Все это — вымыселъ¹⁾). Непосредственные отношенія Карла къ Флоренціи на дѣлѣ, повидимому, свелись къ очень немногому. Онъ заботился о поддержкѣ въ городѣ, какъ и вездѣ, міра и пра-

Наиболѣе богатые (крупные торговцы) выходили въ поле въ коняхъ съ полнымъ вооруженіемъ и въ панцирѣ; самые бѣдные (вѣроятно, мелкие лавочники) являлись лишь съ луками и кольями. Давидсонъ (Gesch. v. Flor. I, 63) замѣчаетъ: „Hier tritt eine Gliederung nach dem beweglichen Vermögen hervor, und dies kennzeichnet die Umwandlung, die sich in den Begriffen der Langobarden vollzogen hatte; sie stollten jetzt den reichen Kaufmann ihre freien grundbesitzenden Volksgenossen völlig gleich an kriegerischer Ehre und Pflicht“.

¹⁾ На одной серебряной мощехранительницѣ, находившейся въ церкви св. Иоанна, начертана надпись, что въ ней заключенъ былъ бронзовый сосудъ, въ который архиепископъ Туринъ будто бы положилъ частичку мощей Симеона Столпника. Самая же сагиттация была пожертвована къ 805 г. крестильному храму Флоренціи Карломъ, королемъ франковъ и римскимъ императоромъ, при возстановленіи имъ города. Рассказъ этотъносить, несомнѣнно, скавочный характеръ. См. Davidsohn, Forschungen, I, 26.

восудія, лично посѣтилъ его два раза — въ 781 г. и въ 786-мъ, проѣздомъ въ Римъ, но оставался тамъ недолго. Въ почь подъ Рождество послѣдняго года жители могли видѣть властелина міра и его пышную свиту колѣнопреклонными передъ главнимъ алтаремъ собора. Затѣмъ указывается на одно пожалованіе могущественнаго императора въ пользу церкви св. Миніата¹⁾). Это — и все, что можно сказать достовѣрнаго о Карлѣ и Флоренції.

Послѣ смерти геніального объединителя запада Италія, какъ извѣстно, первая выдѣлилась изъ его великой державы и вернулась къ обособленному существованію. При этомъ процессъ искривленія ея тутъ-то и пошелъ съ наибольшимъ напряженіемъ. Но все же справедливо то, что говорилъ еще Гизо²⁾ о значеніи дѣятельности Карла Великаго въ исторіи Европы. Она вывела европейское общество изъ варваризаціи, явилась могучимъ толчкомъ къ оживленію въ немъ положительной работы. Въ дальнѣйшемъ придется пережить еще много колебаній и злыхъ годин; но успѣхамъ «décadence» положень рѣшительный предѣлъ: линія эволюціи вновь поднялась къ прогрессу.

Исторія Флоренціі даётъ новые аргументы для подкрѣпленія этой старой теоріи. Заплетавшіяся кругомъ нея распри и кровавыя сшибки между державцами, оспаривавшими другъ у друга прерогативы міровой и мѣстной власти, очевидно, не мѣшали продолженію ея возобновлявшагося роста. Въ ея стѣнахъ во времена господства преемниковъ Карла Великаго и усиленія феодализма безусловно совершается движеніе къ новому процвѣтанию. Симитомы его обнаруживаются и въ экономической, и въ умственной области.

Къ каролингской эпохѣ относятся первыя указанія на развитіе въ средневѣковой Флоренціи ремесленного производства, именно въ той отрасли его, которая составить позже ея славу и богатство, то-есть, въ выдѣлкѣ тканей изъ шерсти. Ткацкія мастерскія раньше всего обнаруживаются въ монастыряхъ, притомъ женскихъ. Одинъ изъ нихъ, св. Андрея, около старого рынка обязалъ быть (иѣроятно, въ видѣ пошлины за право работы и сбыта ея продукта) предоставляемъ ко двору, сначала королевскому, потомъ епископскому, ежегодно мантію изъ козьей шерсти. Ясно изъ этого, что въ обители зависимыя работницы занимались ткачествомъ въ формахъ домового производства для внутренняго потребленія, но такъ же въ расчетѣ на сбытъ, такъ какъ монастырь былъ небольшой и соб-

¹⁾ Сдѣлано оно было въ память умершой жены Карла Гильдегарда, которая молилась во Флоренціи у гробницы святого о заступничествѣ ого. Желаніе ея было исполнено, и послѣ ея смерти дарственная супругъ позблагодарила святого.

²⁾ *Gizot, Histoire de la civilisation en France* (лекціи 1829-го года), т. II.

стремления его потребности могли быть удовлетворены безъ особой организаціи дѣла.

Болѣе значительные размѣры той же индустріи вскрываются въ другомъ, также женскомъ, монастырѣ, находившемся при церкви св. Михаила (извѣстнаго памъ *Or San Michele*). При немъ устроено было (уже въ IX в.) «laboratorium» для пряжи и тканья матерій изъ шерсти. Мастерская находилась въ завѣдываніи шести монахинь подъ общимъ руководствомъ аббатиссы. Онѣ обязаны были поставлять каждый годъ аббату монастыря Нонантолы въ Моденѣ, который былъ ихъ высшимъ сеніоромъ, по пяти кусковъ крѣпкой ткачи, ими сработанной, изъ сырого матеріала, доставлявшагося изъ Нонантолы. Кроме того, къ монахинямъ св. Михаила во Флоренцію сеньоріальный монастырь посыпалъ еще 12 своихъ служащихъ, которыхъ должны были подъ ихъ наблюдениемъ ткасть шерсть и ленъ для нуждъ его братіи. Очевидно, ремесло тамъ стояло выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, разъ туда отправляли на обученіе, и флорентійскія шерстяныя издѣлія начинали уже пріобрѣтать извѣстность.

Къ началу IX же вѣка относится первое указаніе на существованіе уже тогда во Флоренціи того, что теперь бы назвали «художественною промышленностью» (*Kunstgewerbe*). Когда (около 800 г.) провозили за Альпы изъ Іерусалима черезъ Флоренцію мощи мученика Генесія, разсказывается въ житіи этого святого, правитель области, графъ Скротъ, добился того, чтобы ему подарили частицу отъ нихъ. Онъ заказалъ тогда мѣстнымъ мастерамъ сдѣлать достойный ковчегъ для храненія святыни. Послѣдній былъ действительно изготовленъ въ полномъ совершенствѣ «новѣйшаго искусства» (*arte moderata*). Это—фактъ, замѣчательно интересный. Не отъ римскихъ ли временъ сохранилась здѣсь тонкая традиція металлургического дѣла? — Приведенные данные очень отрывочны, но они свидѣтельствуютъ о медленномъ развитіи трудового преуспѣянія, еще незамѣтно, по безостановочно пробивавшаго свой стебель и головку сквозь заледенѣлую поверхность временно обмерзшей страны¹⁾.

«Насъ волнуетъ и трогаетъ, какъ рано пришедшая весна,— говорить одинъ историкъ Флоренціи,— когда мы, среди бѣдъ и борьбы грубой эпохи, наблюдаемъ стремленія, которыхъ доказываютъ между духовныхъ благъ». — Очевидно опять, древніе умственные

¹⁾ Расширение предпримчивости въ жителяхъ города обнаруживается и въ томъ, что, какъ видно изъ грамотъ IX вѣка, флорентинцы покупали или арендовывали много земель за предѣлами своей территории и вытесняли чужихъ землевладѣльцевъ или скончавшихъ гражданъ.

вкусы не заглохли и способы ихъ удовлетворенія здѣсь не измѣнились. Когда правительство императора Лотара озабочивалось поднятиемъ уровня образованности въ духовенствѣ, оно назначило (на собраніи въ Олонѣ въ 825 г.) въ числѣ восьми итальянскихъ городовъ именно Флоренцію, какъ одно изъ мѣсть, где удобнѣе всего можетъ быть обучено юношество, ищущее просвѣщенія, такъ какъ оно найдетъ здѣсь хорошихъ учителей. Она была признана въ этомъ смыслѣ центромъ для всей Тосканы. Тамъ, повидимому, удовлетворительно поддерживала свое существование добродорядочная школа «свободныхъ наукъ» (*septem artes liberales*). Система ихъ, это известно, установилась въ основѣ еще при жицнѣ Римской имперіи; въ нихъ передавались не только элементы христіанского благочестія путемъ чтенія священнаго писанія; но изучалась и классическая литература; наиболѣе талантливые учителя пробуждали въ чуткихъ душахъ юношества любовь къ знанію и красотѣ¹⁾). Эти блестки свѣта даютъ радостный отдыхъ духовному взору, когда онъ пробѣгааетъ мрачные годы въ исторіи прекраснаго города, въ которомъ мы найдемъ источникъ многихъ лучшихъ элементовъ самаго драгоцѣннаго достоянія человѣчества.

3.

Вмѣстѣ съ паденіемъ лонгобардскаго королевства въ Италии, уничтожился естественнымъ образомъ флорентійскій «дукатъ» (*ducato* — герцогство), и Флоренція въ соединеніи съ Фьезоле (*Fasolae*) сдѣлалась центромъ обширнаго «комитата» (*comitatus, contado* — графство), охватывавшаго своею территоріею значительную часть верхней Тосканы. Цѣлью такого измѣненія было, можетъ быть, желаніе высшаго правительства ослабить силу областныхъ намѣстниковъ, крѣпче связать области съ центромъ: власть графа стѣснялась больше, чѣмъ герцогская, и потому представлялась менѣе опасною для неприкосновенности прерогативъ монарха. Такова была обычная система знаменитаго преобразователя. Впрочемъ, по отношенію къ kraю, въ составѣ которого вошла Флоренція, такой расчетъ не былъ приложенъ. Всю Тоскану въ широкомъ смыслѣ слова признали по-

1) См. *Böhmer-Mühlbacher, Regesten des Kaiserreiches unter den Karolingern* (Innsbruck, 1889), стр. 991.—*Simson, Jahrbuch des fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen* (Leipzig, 1874), I, 237.—*Giesebeck, De litterarum studiis apud Italos primis mediis aevi saeculis*, р. II.—Важную направляющую роль въ дѣлѣ развитія просвѣщенія первѣко играли епископы флорентійскіе и фьезоленскіе. Между ними указываются образованнѣе люди, запавшіе и любившіе античную литературу, сть восторгомъ пропагандировавшіе Вергилия, цитировавшіе Демокрита, Гесіода, бессѣдовавшіе о древнѣй исторіи и мифологии.

желаннымъ объединить въ рукахъ могущественнаго территориального правителя съ титуломъ маркграфа (маркиза), который скоро превратился именно въ почти независимаго владыку. Этого порядка также постоянно держался Карль Великий при организации окраинъ, где требовался авторитетъ полномочнаго сановника съ широкою инициативою. Тоскана же являлась важнымъ наблюдательнымъ базисомъ: она находилась рядомъ съ папскою областью, съ очень слабо подчиненными лингобардскими герцогствами Беневента, Капуи и другими на югѣ, наконецъ съ приморскими полосами Италии, где удерживалось византійское господство.

Маркизъ (*marchese*)¹⁾ обыкновенно пребывалъ въ Луккѣ²⁾, но, считаясь графомъ (лат. *comes*, ит. *conte*) Флоренці-Фьезоле, правиль ими черезъ помощника—*vicescomes*. Послѣдній отъ имени первого отправлялъ юрисдикцію; но рядомъ съ нимъ упоминаются неоднократно скабины. То были, какъ выше уже указывалось, засѣдатели, выбиравшіеся изъ мѣстныхъ жителей города самимъ правителемъ, однако согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, въ качествѣ излюбленныхъ людей, свѣдущихъ въ дѣлахъ правосудія. Они являлись немаловажнымъ органомъ вліянія наиболѣе дѣятельныхъ группъ городского населения на государеву или княжескую администрацію, потенциальнюю связью со старыми муниципальными формами и возможными зародышами будущаго самоуправленія.—Монархическая власть въ Италии въ разматриваемые IX и X вѣка колебалась все больше и больше; она постоянно переходила изъ рукъ послѣднихъ представителей южной вѣтви Каролинговъ въ руки различныхъ провансскихъ, бургундскихъ, лотарингскихъ князьковъ или даже поднимавшихся мѣстныхъ сеніоровъ. Тосканскіе же маркграфы были тогда фактически верховными господами Флоренціи.

Необходимо отмѣтить, что внутри самого города возникала еще одна политическая сила, съ которой неизбѣжно будетъ считаться. То были епископы. При помощи такъ называемыхъ «иммунитетовъ» (освободительныхъ грамотъ) они приобрѣтали отъ смѣнявшихся государей, которые заискивали ихъ поддержки, очень важныя привилегіи. Послѣднія, съ одной стороны, избавляли церковные земли

1) Таково итальянское словоначертаніе имени начальника пограничной области (*markus*) въ Карловой державѣ. Оно равнозначно съ немецкимъ *Markgraf* и лучше запечатлѣть примѣнительно къ странѣ съ преобладающе романской рѣчью, переработавшию по-своему германскія имена и термины. Маркграфъ (*marchese*) и герцогъ (*duca*) юрархически были равны.

2) Этотъ городъ—одинъ изъ привлекательнѣйшихъ въ Тосканѣ по ландшафту и архитектурному типу—сохранилъ на себѣ оригиналную печать прошлаго и заслуживающаго внимательнаго изученія.

отъ подчиненія легальными органами администрації; съ другой—онѣ прямо передавали въ ихъ руки существенныя функции государственной власти—право обложенія и суда какъ надъ сельскими, такъ и надъ городскими обывателями ихъ доменовъ. Владѣнія ихъ быстро росли, прерогативы, согласно тенденціямъ самой эпохи, расширились, и въ лицѣ церковныхъ сановниковъ свѣтскіе властители могли опасаться найти серьезныхъ соперниковъ, нарушителей и ихъ суверенитета. Горожанамъ же будетъ удобно воспользоваться со временемъ такимъ раздвоеніемъ стоявшей надъ ними власти, чтобы вырывать уступки у обоихъ ея обладателей, смотря по обстоятельствамъ, опираясь то на того, то на другого.

Бури еще не прекратились; небо Италии покрывалось все новыми грозовыми тучами. Вместо прежнихъ германцевъ переваливали черезъ Альпы дикіе мадьяры, прикочевавшіе на Дунай и громившіе Германію. Города и въ числѣ ихъ Флоренція, чтобы защищаться отъ жестокихъ набѣговъ, улучшали и укрѣпляли свои стѣны: онѣ впослѣдствіи пригодятся имъ при отстаиваніи независимости отъ туземныхъ хищниковъ.—Скоро, впрочемъ, появились изъ-за горъ на поляхъ Италии опять войска измѣнившійся, во многомъ цивилизовавшейся, но все тянувшей къ захвату Рима Германіи. Король Оттонъ вѣль свои ополченія, чтобы въ странѣ, где короновался Карлъ, возложить на себя его императорскій вѣнецъ. Начало «Священной Римской имперіи германской націи» (962 г.) было событиемъ, оказавшимся чреватымъ долгими послѣдствіями, глубокими, славными и тяжелыми для самой Германіи; но оно осложнило и запутало также судьбы Италии, сдѣлавъ ее ареной, на которой предстояло разыгрываться драмѣ міровой политики въ эпоху, такъ густо окрашенную партикуляристскими стремленіями.

Каковы были отношенія новаго монарха Италии къ городамъ, въ общемъ опредѣлить трудно. Можеть быть, онъ имѣя благонрѣстствовалъ, желая создать изъ нихъ важный для себя противовѣсь наиболѣе сильнымъ территоріальнымъ князьямъ. Мѣстная легенда, старающаяся связать съ прошлымъ города на берегахъ Арно всѣ громкія историческія имена, разсказываетъ объ особенной привязанности императора Оттона къ Флоренціи и его будто бы щедрыхъ милостяхъ къ ней¹⁾). Достовѣрно можно только сказать, что онѣ

¹⁾ Предавіе утверждаетъ, что Оттонъ Великій избралъ Флоренцію своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ въ Италии и пожаловалъ городу окрестныя земли на шесть миль въ окружности со всѣхъ сторонъ будто бы съ самостоятельной юрисдикцією.—Пользуясь сомнѣваться, что мы встрѣчаемся здесь съ позднѣйшимъ вымысломъ, который стремился, можетъ быть, найти старинную почтенную санкцію для возникшихъ послѣдствій притязаний.

поставить тамъ фактически особыхъ графовъ, должно быть, для ослабленія тосканскаго маркизата, владѣтели котораго однако принесли ему клятву въ вѣриости и не нарушили ея по отношенію ко всѣмъ тремъ Оттонамъ.

Инстинктъ самосохраненія заставлялъ ихъ однако искать союзниковъ противъ возможнаго расширенія императорскаго могущества. Такая потребность съ течениемъ времени сблизить ихъ съ папами. Пока они стараются бдительно, но осторожно управлять страною, обезпечить за нею спокойное существованіе и тѣмъ расположить къ себѣ населеніе. Въ частности они постоянно и дѣятельно покровительствуютъ Флоренціи, такъ что новая волна поднимающагося благосостоянія связана въ средневѣковой исторіи города съ правлениемъ тосканскихъ маркизовъ въ концѣ X и въ XI вѣкахъ¹). Интересно разглядѣть первые признаки такого медленнаго расцвѣтанія, которое дастъ городу силы и средства для позднейшей борбы за освобожденіе.

Въ флорентійской окружѣ, гдѣ нынѣ тщательнымъ образомъ воздѣланъ малыйній клочокъ земли, тогда обширныя пространства покрыты были густыми лѣсами: въ X вѣкѣ они придвигались языками къ самому городу, шумѣли тамъ, гдѣ въ XII будуть ужъ возникать пригороды. Лѣса эти оставались отъ древности; въ лонгобардскую и послѣ-каролингскую эпохи вслѣдствіе войнъ, смутъ и одичанія заросли покрыли почву еще шире²); трудящееся населеніе уменьшилось и обѣднѣло; оттого запустѣли многія прежде обрабатывавшіяся поля и плантациі. Но теперь—около 1000-го года—лучше обезпеченнія блага мира и защита отъ утѣсненія дали жителямъ оправиться: число ихъ стало вновь возрастать, оживилась производительная энергія. Плугъ заходилъ по пустошамъ, за-

1) Маркизъ Гуго (962—1001 гг.) выражалъ даже явное предпочтеніе Флоренціи передъ Луккою. Ей оказывали вниманіе и различные магнаты („grandi“) края. Одинъ изъ графовъ Берардона, напримѣръ, подарилъ балтистерію св. Иоанна свою землю внутри города Сіены, такъ что Флоренція уже въ концѣ X вѣка пустила туда первый король своего вліянія. Имена жителей Флоренціи встрѣчаются и въ числѣ совѣтниковъ императора. Наконецъ признакомъ того, что Флоренція уже тогда считалась замѣтнымъ центромъ, служитъ упоминаніе о ней въ составленномъ около 950-го года италітскому словарѣ *Свиды* (*Suidas*). Изъ тосканскихъ городовъ въ немъ названа рядомъ съ Флоренціею еще Пиза; Лукка и Сіена отсутствуютъ.—Давидсонъ въ главахъ V и слѣдующихъ даётъ подробнѣйшій обзоръ, можно сказать, всей итальянской исторіи X—XII-го вѣковъ, насколько она освѣщаетъ судьбы Флоренціи. Изъ его солиднаго сочиненія, много разъ цитированнаго здѣсь (*Geschichte v. Florenz*), будеть черпаться и довольно богатый матеріалъ.

2) См. у *Davidson*, *Forschungen*, I, 36, интересную справку о лѣсахъ флорентійской области въ изучаемую эпоху.

стучаль топоръ по стволамъ; не только заколыхались хлѣбные всходы тамъ, гдѣ недавно росли кустарникъ и сорная трава, но появился и интенсивно культивированныя полосы подъ виноградниками и оливковыми рощами. Въ различныхъ мѣстностяхъ тутъ же (например, по теченію Сіевы) развивалось овцеводство.

Для будущаго роста сельского хозяйства сохранялся еще повсюду кругомъ значительный просторъ непронутыхъ земель; но и совершившійся прогрессъ земледѣлія, а такъ же увеличеніе хлѣбныхъ продуктовъ подняли жизнедѣятельность; это вливало уже силы и въ другія отрасли производства, это двигало впередъ ихъ дифференцировку. Крѣпло ремесло, и все необходимѣйшимъ орудіемъ организаціи материальнаго существованія дѣлался обмѣнъ. — До конца X вѣка Флоренція удовлетворялась однимъ рынкомъ (*mercato vecchio*): онъ собирался по традиціи на мѣстѣ древняго форума (*forum vetus*) въ топографическомъ центрѣ старой римской колоніи¹). Въ началѣ XI в. мы уже встрѣчаемъ въ документахъ указание па второй; онъ помѣщался на площади, расположенной между старымъ форумомъ и южными воротами, то-есть, ближе къ рѣкѣ. Мѣсто это до сихъ поръ носить название *mercato nuovo*. Затѣмъ еще около 1020 г. учреждена была епископомъ Гильдебрандомъ ярмарка, собиравшаяся ежегодно на одномъ полѣ подъ Флоренціей. Если она скоро исчезла, то произошло это не вслѣдствіе новаго упадка торговли, а наоборотъ потому, что флорентійскіе купцы нашли болѣе выгодные пути для коммерческой дѣятельности. Они заѣздили сами кругомъ по плодившимся городскимъ и деревенскимъ ярмаркамъ, какъ скучищи сельскаго продукта, но и какъ продавцы своихъ собственныхъ фабрикатовъ, даже иѣхоторыхъ заморскихъ товаровъ, напримѣръ, пряностей, привозившихся съ востока.

Флоренція не могла расцвѣсти такъ рано, быстро и пышно, какъ приморскія общины Италии, Венеція и Генуя, Пиза и Амальфи. Положеніе ея, какъ города сухопутнаго (*Binnenstadt*), предопредѣляло ей болѣе медленный и сначала скромный успѣхъ. Но въ немъ скрывались и хоть не сразу замѣтныя, но выгодныя стороны. Сохранившее еще половодность Арно связывало Флоренцію очень удобно съ Пизою; а затѣмъ черезъ нее шла оживленная и тогда дорога на Римъ изъ сѣверной Италии и изъ за-альпійскихъ странъ. Она стала особенно утаптываться послѣ того, какъ короли Германіи сдѣлались государами и на полуостровѣ; по ней не только хо-

1) Это мѣсто только недавно (въ 280-хъ и 90-хъ годахъ XIX вѣка) лишилось цакопившихся въ немъ богатыхъ следовъ древности. Почтенные памятники свидѣтели, и любителю древности трудно утѣшиться изъ потерѣ онъ уничтоженныхъ типичныхъ остатковъ. См. G. Carocci, Firenze scamparsa (1898), p. 91 сл.

дили безчисленные богомольцы къ святынямъ Вѣчнаго города, но постоянноѣздили папскіе легаты и послы къ римскому престолу отъ загорныхъ королей, епископовъ и князей, а также двигались имперскія арміи. Дѣло извѣстное, что купецъ съ товаромъ всегда пробирался вслѣдъ за другими по вновь пролагавшимся путямъ. Все это благопріятно складывалось для трудоспособной и состоятельной части флорентійского населенія при вышеупомянутой хорошей защите политической безопасности со стороны мѣстныхъ государей.— «Богатые предприниматели»—конечно, по масштабу эпохи—рано стали здѣсь типичными выразителями особенностей городского быта; въ коллективной психологіи флорентинцевъ жажда материальнаго благосостоянія (*L'amour du gain*) выросла тогда, какъ черта, не менѣе характерная, чѣмъ позже заблиставшее художественное чутье и идеалистическая исканія.

Маркизы тосканскіе стремились и украшать полюбившійся имъ городъ, жители котораго, правда, платили за это своимъ законнымъ государствамъ постоянную вѣрность. Въ 967 г. Вилла, жена маркиза Губерта, задумала основать внутри Флоренціи первое обширное аббатство въ честь Божьей Матери. Было скучлено, чтобы расчистить мѣсто, много строеній у восточной стѣны, и къ 978 г. монастырь св. Маріи во Флоренціи уже существовалъ. Основательница пожаловала братіи богатыя недвижимости въ самомъ городѣ (21 домъ), а сынъ ея Гugo и слѣдующіе маркизы одарили аббатство огромными землями кругомъ, такъ что къ началу XI в. оно представляло внушительную экономическую и политическую силу. Монастырь досель сохранилъ наименование «Badia»¹⁾). Нынѣшняя его замѣчательно изящная по своимъ линіямъ колокольня, исполненная позже по плану Арнольфо ди Камбіо въ XIV в., граціозно возвышается на *via del Proconsolo* противъ мрачнаго зданія *palazzo del podestà*. Отъ первоначальной же постройки осталась только задняя стѣна²⁾). Основатели опредѣлили, чтобы новый монастырь служилъ имъ усыпальницей, и монахи почтительно оберегали цѣлость гробницы похороненнаго въ ихъ церкви Гugo, «благодѣтеля Флоренціи», котораго легенда превратила въ полу mythicеское существо. Онъ покоялся въ античномъ порфировомъ саркофагѣ, отдѣланномъ львиными головами³⁾). Въ XV в. надъ могилою воздвигнутъ былъ по почину мо-

¹⁾ Badia, abbadia—это значитъ „аббатство“, монастырь первого разряда. Такъ какъ она была въ то время единственою во Флоренціи, то вариативное имя обратилось въ собственное (вместо *abbadia di Santa Maria*).

²⁾ Въ нынѣ существующемъ видѣ церковь Бадіи отстроена Сеголони уже въ XVII в.

³⁾ На помѣтъ напечатана была надпись, составленная въ плохихъ латинскихъ стихахъ; по она правила современникамъ, такъ какъ авторъ ея, монахъ, искусно осу-

наховъ роскошный монументъ во славу щедраго покровителя, работы знаменитаго скульптора Мико да-Фэзоле. Во Флоренціи долго держалась память о «великомъ владѣтельномъ князѣ», котораго имя и слава возрождаются на праздникѣ св. Фомы¹). Это былъ день смерти Гуго (21 декабря). Внутри самой Бадіи онъ честнуется до сихъ поръ. «На зарѣ одного изъ самыхъ короткихъ дней года еще нынѣ печально и торжественно звучить тамъ органъ, и мерцающіе зажженныхъ свѣтильниковъ, столпившихся вокругъ мраморнаго памятника, борется съ первымъ слабымъ лучомъ разсвѣта. У алтаря поютъ гефсиман по давни усошему; у гроба возглашаютъ за упокой. Передъ могилою воздвигается изображеніе рыцаря въ полномъ вооруженіи съ опущеннымъ забраломъ, съ мечомъ въ одной руцѣ и скипетромъ въ другой. Напрасно было бы искать гдѣ бы то ни было другой примѣръ такого праздничнаго поминовенія князя, современника средневѣковыхъ Оттоновъ»²).—Любопытствъ городъ, въ которомъ такъ живучи вѣковыя традиціи и воспоминанія. Какъ это облегчаетъ историку «чувствовать» формы одушевленія исчезнувшихъ временъ!..

Слѣдуетъ обратить вниманіе хоть мимоходомъ, что въ изучаемую эпоху упадка духовности, когда представители церкви «запутались въ сѣтяхъ мірскихъ соблазновъ», новый порывъ къ пустынножительству являлся признакомъ боровшихся противъ материализаціи идеалистическихъ потребностей религіозной совѣсти. Италия и Тосканы переживали тогда же свое «клунійское движение», притомъ не только подражая голосу изъ-за Альповъ. Официальные пастыри Флоренціи «раздавали блудницамъ имущество св. Йоанна»; а ищущіе спасенія люди бѣжали въ горы, гдѣ среди лѣсовъ ставили себѣ келліи, чтобы уйти тѣломъ отъ грѣха міра и быть ближе къ Богу душою среди единенія дикой природы. Раздавались уже и протесты другого характера, протесты разума и чувства противъ церковнаго гнета съ требованіемъ свободы въ міру служить Богу и строить жизнь, какъ велитъ собственный, тайно общающійся съ нимъ духъ. Появлялось сектантство, «патаренское» движение. Но пока сильнѣе всего дѣйствовалъ на массу и на личности именно призывъ къ монашеству. Страхи передъ наступавшимъ грознымъ судомъ Божиимъ, распространявшиеся въ связи съ приближеніемъ

ществиель эффективный фокусъ; если сложить вмѣстѣ начальную, серединную и коночную буквы каждого стиха, то получится изреченіе: „Flere magis sive magistrum Tuscia discat“ (Пусть Тусція научится оплакивать супруга или господина).

¹⁾ *Dante, Parad. XVI, 128.*

²⁾ *Davidsohn, I, 122.*

тысячного года и предсказаниеми «хиліастовъ»¹⁾), долго не могли уличься. Всякій чуткій и тревожный дрожаль въ свой безпомощности подъ властью развращенной церкви и спѣшилъ къ общенію съ «братію» одинаково настроенныхъ душъ.

Особенно замѣчательнымъ основателемъ монастырей въ мѣстности, прилегавшей къ Флоренціи, былъ извѣстный Ромуальдъ. Послѣ бурной юности, проведенной въ ничѣмъ несдерживавшихся грубыхъ наслажденіяхъ, въ немъ проснулся пылкій аскетъ, который весь отдалъ себя борьбѣ «со злыми духами». Онъ пріобрѣлъ могучее влияние проповѣдника и учителя на потрясенныя бѣдствіями міра умы и разстроенные мистическими волненіями сердца. Имъ учреждена была еще въ 1012 г. пустынь «Sacro Eremo di Camaldoli». Онъ выбралъ глухой пріютъ въ высотѣ, подъ гребнемъ хребта, отдѣляющаго истоки Арно отъ истоковъ Тибра, съ вершины котораго видны и Адріатическое, и Тирренское море. Здѣсь построены были пять скромныхъ келій подъ сѣнью исполинскихъ хвойныхъ деревъ. Изъ нихъ выросла знаменитая обитель и образовалась могущественная конгрегація (орденъ камальдуловъ), получившая со временемъ во всемъ краю большое значеніе авторитетнаго центра религіозной мысли и жизни; но и сразу монастырь Camaldoli сталъ привлекать къ себѣ монаховъ и игралъ крупную роль въ духовныхъ судьбахъ страны. Въ долгую жизнь свою, тянувшуюся по преданию свыше 100 лѣтъ, Ромуальдъ основалъ множество монастырей; пріимѣръ его вызвалъ рвение въ маркизъ Гуго и его матери Виллѣ, которые ему дѣятельно вторили.

Почти одновременно дѣйствовалъ во Флоренціи твердый борецъ противъ симоніи—Теуцо, который умѣлъ жить отшельникомъ даже среди городской суеты. Онъ вдохновилъ своимъ словомъ даровитаго юношу Джованни Гуальберто, впослѣдствіи ставшаго сильнымъ религіознымъ вождемъ флорентинцевъ. Страстный поборникъ церковной реформы для освобожденія духа отъ міра, онъ обладалъ умомъ и характеромъ, дѣлавшими его способнымъ стать повелителемъ душъ. Ему пришлось вести жестокую войну съ врагами его идеи, и жизнь его не разъ подвергалась опасности. Съ его именемъ связывается возведеніе (если не основаніе) другого, также прославившагося монастыря (ок. 1035 г.). Въ нѣсколькихъ часахъ отъ Флоренціи, въ тѣнистой долинѣ хребта Pratomagno, въ тиши великолѣпнаго еловаго лѣса, среди возвышающаго душу чуднаго пейзажа, у источника Acquabella спасались два «эремита». Къ нимъ

¹⁾ Интересный очеркъ, рисующій настроеніе умовъ передъ тысячнымъ годомъ, можно прочитать изъ книгѣ E. Gebhardt „Papes et moines“.

укрылся Йоаннъ Гуальберто отъ преслѣдованья, и подъ его руководствомъ здѣсь устроилась община братьевъ целобитовъ Валя омброзы, занявшая равнымъ образомъ важное мѣсто въ исторіи Флоренції¹⁾). Такъ мистический идеализмъ въ религіозной сферѣ развивался во Флоренціи по путямъ, подсказываемымъ духомъ времени, параллельно съ укрѣплениемъ въ жителяхъ ея склонности къ производительному труду и подготовкѣ общественной независимости. Изучая пока послѣдній процессъ, мы можемъ только упомянуть о нѣкоторыхъ чертахъ первого. Но и онѣ могутъ бросить свѣтъ на взволнованную атмосферу, въ которой приходилось жить городу.

4.

Подъ грозною для внѣшняго міра и благожелательною для жителей города властью маркизовъ тосканскихъ въ X и XI вѣкахъ зарѣла будущая новая Флоренція. Правда, это обстоятельство было причиной сравнительно позднаго освобожденія города отъ феодальной зависимости: не только ломбардскія общины, но и нѣкоторыя тосканскія, какъ Лукка, Сіена, раньше его пріобрѣли коммунальные права. Зато населеніе могло окрѣпнуть и выработать силы, нужные для надежной защиты и прочнаго сохраненія благъ, которыхъ пришлось довольно долго ждать. Отсюда привязанность гражданъ Флоренціи къ памяти ихъ прежнихъ господъ — рѣдкое наслѣдье въ средневѣковыхъ городахъ отъ эпохи ихъ сеніоріального подданства.

Время наибольшаго могущества тосканского феодального княжества совпадало съ господствомъ въ немъ такъ называемаго дома Каноссы²⁾). Уже первый маркизъ изъ этой фамиліи — Бонифацій — владевовалъ почти надъ всюю среднею Италиею отъ теченія По съ Пармой, Пьяченцой, Феррарой и Моденой до предѣловъ папской области. Если онъ и преемникъ его Гофрель иногда круто обращались съ городами, уже явно добивавшимися самостоятельности, то по отношенію къ Флоренціи, соблюдавшей свои обязательства, политика ихъ сохранилась прежняя: они правили городомъ либо сами, часто избирая его своею резиденціею, либо черезъ намѣст-

¹⁾ Мѣстность и монастырь воспѣты многими поэтами, начиная отъ Аристоте (Orlando furioso, XXII, 36).

²⁾ Онъ получилъ это имя по названію главнаго фамильного замка онъ первого представителя,—замка, впослѣдствіи прославленнаго знаменитымъ въ исторіи царства, триумфальнымъ для Григорія VII свиданіемъ съ императоромъ Генрихомъ IV (1077 г.). Расположенъ Каноссий замокъ въ сѣверной Италии, недалеко къ югу отъ Реджи. Руины его сохраниются до сихъ поръ.

никовъ, назначавшихся, какъ кажется, обычно изъ мѣстныхъ жителей¹⁾). Это нравилось населенію, именитыя группы котораго получали и другія привилегіи и тѣмъ поддерживались въ вѣрности.

Знаменитая Матильда была его дочерью; она родилась около 1050 г. и послѣ правленія отца, вотчина Гофреда и регентства матери Беатриче стала одна во главѣ маркизата - герцогства тосканскаго (съ 1076 г.). Для Флоренціи это были очень важные годы: въ глубинѣ ихъ закончилось внутреннее развитіе тѣхъ «верховъ» ея общества, которые скоро станутъ въ ней руководящимъ классомъ. Затѣмъ тогда же опредѣлилось направление, котораго прочio будеть держаться городское правительство во вѣйшней политикѣ; тутъ занята была позиція, какую городъ сохранить почти неизмѣнно во все протяженіе великой борьбы между двумя міровыми силами въ исторіи того времени — императорствомъ и папствомъ.

Политическое положеніе женщины-государя (*comitissa*) подъ грозою имперіи, тогда достигшей высшей точки своего международнаго могущества, и личное настроеніе ея духа сдѣлали изъ даровитой и рѣшительной Матильды вѣрную dochь римской церкви и пылкую, преданную союзницу будущаго папы-реформатора²⁾). Поддержка теократическихъ притязаній главы католичества явилась во Флоренціи, постоянной помощницѣ маркизы-герцогини, отзывомъ религіознаго подъема, который въ ней совершался тогда же въ связи съ общимъ порывомъ европеyskаго человѣчества къ духовному очищенію. Еще раньше, во время регентства Беатриче, туда созванъ былъ большой духовный соборъ (1055 г.) папою Викторомъ II по требованію императора Генриха III, который мечталъ взять въ собственныя руки великое дѣло преобразованія церкви въ духѣ клюнійскаго ученія. Тутъ-то имя еще скромнаго города на Арно прозвучало впервые на весь католическій міръ. Въ оградѣ его стѣнь на тѣспой сценѣ маленькой Флоренціи XI вѣка совѣщались еще въ мірѣ и согласіи носители двухъ властей, которыя скоро-скоро должны были столкнуться на міровой аренѣ въ трагической борьбѣ за всесвѣтное самодержавство. Все это экзальтировало умы

¹⁾ Изъ среды такихъ княжескихъ „министериаловъ“ произошли вѣкоторые паны-бои древніе знатные роды Флоренціи, напримѣръ, фамилія Донати.

²⁾ Намъ не мѣсто здѣсь много говорить спеціально объ этой интереснѣйшей представительнице эпохи, сыгравшей видную роль въ исторіи не только Тосканы, но и италии, а, стало быть, во всемирной исторіи того времени. Но указать на ея живую связь съ судьбами Флоренціи необходимо. Да ви досо (I, 253—257) даетъ любопытный описъ характеристики замѣчательной женщины.

населенія, главари которого увлекались одновременно и интересами земного существования и вопросами возвышенія духа.

«Цезарь» старался привязать къ себѣ Флоренцію даювшемъ ей право «имперского города». Руководители ея населения не настаивали однако па пользованіи такою вольностью, чувствуя и неодолимую еще для нихъ силу маркграфской власти, и непрочность покровительства императора. Но весеннимъ вѣтромъ свободы такъ или иначе подуло и отъ акта верховной свѣтской власти, который задѣвалъ уже назревшую потребность. Движеніе за независимость церкви, которое также отразится на жизни Флоренціи, косвенно будетъ питать занесенное сѣмя, попавшее въ плодородную, разрыхленную почву. Когда наступить моментъ, необходимое самостоятельное эманципационное усиление окажется уже подготовленнымъ.

Папскія вліянія между тѣмъ незамѣтно утверждались въ городе: могучій геній Гильдбранда скрыто одушевлялъ уже работы собора, несмотря па невысокое положеніе, какое онъ пока занималъ въ церковной іерархіи. Изъ флорентійской же епархіи попалъ на римскій престолъ первый папа, открыто выступившій какъ сторонникъ идей освобожденія церкви отъ узъ міра,—именно епископъ Гергардъ (Gherardo), принявшій имя Николая II. Въ этомъ тихомъ еще мѣстномъ центрѣ впервые мужественно раздался во всеуслышаніе на собраціи чиновъ церкви голосъ, призывающій къ реформѣ. Ему же суждено было въ лицѣ своего пастыря дать столицѣ христіанства первосвященника, которому,—хоть онъ быстро сошелъ со сцены и не оставилъ по себѣ самъ слѣда личнаго величія,—первому выпало па долю, подчиняясь великому момента, прямо благословить борцовъ на великій трудъ. Тогда никто не ожидалъ, что дѣло, начинавшееся по почину «души обновленія», архидіакона Гильдбранда, будущаго папы Григорія VII, привнесетъ послѣдствія, столь чуждыя провозглашенной идеѣ спиритуализації¹⁾.

Въ понтификатѣ Григорія Флоренція опредѣленно стала на папскую сторону, когда прогремѣли первые раскаты начинавшейся грозы. Въ ней уже создавалась важная опора для будущаго «гвильфизма», подъ прикрытиемъ которого будетъ расти коммуналная независимость. Флорентійскія силы неуклонно поддерживали папу и Матильду. Григорій самъ неоднократно живалъ въ городѣ²⁾.

1) Знаменитый Пьеръ Даміанъ въ специальнѣ посвященномъ Флоренціи стихотвореніи называетъ городъ „вторымъ Вилемомъ“, отъ которого идетъ къ миру новый свѣтъ. См. *De Florentia* (Migne, Patrologia, t. CXLV, col. 967).

2) Другіе папы также нерѣдко обитали здѣсь, пребывая въ епископскомъ дворце (*vescovado*), находившемся па соборной площади противъ входа въ баптистерій.

Флоренція не измѣнила ему даже, когда начались исудачи, и въ 1082 г. она стойко выдержала осаду со стороны Генриха IV. Это была первая проба воинского мужества зарождавшейся общины, произведенная при опасной и трудной обстановкѣ; окончилась она съ блескомъ и должна была сильно поднять самосознаніе жителей. Во время происходившей борьбы городъ, очевидно, получилъ отъ герцогини права и полномочія, необходимыя для того, чтобы организовать самозащиту и помочь союзникамъ и господамъ. Они могъ держать свою милицію и устраивать ея содержаніе и управлениe¹⁾. Постъ прекращенія великой распри изъ-за инвеституры вооруженная сила оставалась нужнаю Флоренціи для успѣшного отстаиванья своей цѣлости противъ посягательствъ буйныхъ вождей многочисленныхъ сеніоріальныx мірковъ, которые ее окружали. Они выросли внутри маркизата подъ прикрытиемъ войнъ и смутъ, и сама Матильда нуждалась въ содѣйствіи для ихъ обузданія: они угрожали цѣлости княжества. Другіе города также грозили отпаденіемъ или даже отпали. Они уже ощущались какъ поднимающаяся колективная мощь, съ которой надо будетъ сообразоваться государямъ, привыкшимъ до тѣхъ поръ единоличною властью съ мечомъ въ руکѣ: сводить взаимные счеты при пассивномъ подчиненіи народа.

Слѣзъ Флоренціи съ міродержателями невольно толкала ее къ участію въ «всеобщихъ» предпріятіяхъ. Какъ союзница папы, она пошла въ Святую землю вмѣсть съ первыми крестоносцами²⁾. Все это расширяло горизонты, обогащало опытъ, закаляло энергию. Согласно завѣщанію Матильды, которая отказалась «святому отцу» главную массу своихъ владѣній, Флоренція юридически перешла подъ суверенитетъ папы. Фактически же единство тосканскаго маркизата распалось на части—менѣ значительныя княжества и уже освободившіяся коммуны. Специально Флоренцію непосредственно окружили безпокойною толпою мелкія бароніальныя единицы, отъ хищническихъ притязаній которыхъ приходилось отбиваться чуть не ежедневно.

Холмы и горы, обнимавшіе ее со всѣхъ сторонъ, буквально

1) Уже въ 1063 году, то-есть, еще до правленія Матильды, гражданство съ мечомъ въ рукахъ возставало противъ притязаній своего епископа, очевидно, не вызывало проприятствій со стороны маркграфскаго правительства. Тогда же епископская власть въ городѣ поколебалась.

2) Предание даже разсказываетъ, что именно ся гражданинъ, Пацино делъ Паци, первый поднялъ христіанское знамя на стѣнахъ Іерусалима. Фамилія его установила въ воспоминаніе событий особое празднество, оригинальныя церемоніи котораго до сихъ поръ совершаются въ страстную субботу. См. описание ихъ въ любомъ путеводителе по Флоренціи или въ хорошей популярной книжкѣ E. Berlini, Piccola storia di Firenze (Firenze, 1898), р. 19.

усялись строгими обиталищами дворянъ-рыцарей, замками (*castelli*) и «башнями» (*torri*)¹⁾. Ихъ смѣлые владѣльцы стремились грабить богатѣйшій городъ или лучше захватить его, хотя бы разодрать на части между собою. Они облагали жителей произвольными поборами или во всякомъ случаѣ своими войнами и опустошеніями останавливали земледѣліе, подрывали торговлю. Въ непрестанной борьбѣ съ ними прошелъ весь XII вѣкъ. Пролагая дорогу къ преуспѣянію трудовой жизни, флорентинцы съ замѣчательнымъ упорствомъ разрушали крѣпкія гнѣзда, гдѣ свила себѣ пріютъ воинственная праздность рыцарей. Сначала расчищалась ближайшая округа, а владѣтели ихъ дворянне-рыцари (*i nobili*) принуждены были селиться внутри стѣнъ города, ихъ одолѣвшаго: таковъ былъ оригиналный способъ, придуманный гражданами, ассимилировать себѣ знать. Онъ стоилъ дорого, но привлекъ къ хорошему результату, удвоилъ впослѣдствіи ихъ силы. Вмѣстѣ съ замками пришлося потерпѣть и городу, который былъ всего больше сродни имъ господамъ,—старой метрополіи Флоренціи: Фьезоле было взято голodomъ въ 1125 г. Флорентинцы принудили фьезоланцевъ соединиться съ ними въ одно. Большинство послѣднихъ также перебралось за стѣны побѣдительницы, и съ тѣхъ поръ старый городъ на холмѣ захирѣлъ, превращаясь въ жалкое мѣстечко. Для смягченія катастрофы фикцію такого единства на красное знамя Флоренціи принялъ былъ бѣлый фьезоланскій цвѣтъ.

Такъ увеличивалась территорія, принадлежавшая городу. По-кемногу высвобождались важные пути къ Пизѣ и Риму. Пришлося сталкиваться съ другими городами. Наиболѣе слабые, каковы Попья, Прато, удавалось подчинять²⁾). Съ большими надо было долго

1) Страна была такъ густо занята ими, что на всякому мало-мальски свободномъ горизонѣ открывался видъ ва одинъ, два и больше. Нынѣ исчезли подъ ударами позднейшей интенсивной работы всѣ слѣды отъ этого богатаго выводка олиотовъ кулачного права. Но кто хочетъ взглянуть на поразительную картину живыхъ воспоминаний феодальной Италии, найдетъ ее и теперь очень близко отъ Флоренціи, въ Казентино (такъ называется горная долина верхняго Арио). Въ этой мѣстности, привлекающей къ себѣ живописнымъ своеобразiemъ ландшафта, одновременно дикаго и мягкаго,—мѣстности, остающейся до сихъ поръ захолустной, мы увидимъ и старыя замки, и старые городки. Разсмотривая комбинацію, въ какой стоять тамъ замки и города, мы съ убѣдительною яркостью почувствуемъ, какъ первые должны были постоянно держать въ страхѣ вторые. До сихъ поръ отъ этой бурной старины сохранился и передается тамъ изъ устъ въ усту выразительное изреченіе про одно изъ такихъ грозныхъ убѣжищъ хищной златы: „Quando la Ronzola gonzo lava, Poppi e Bibbiena tremava“. Дѣйствительно „ворчанье“ страшнаго замка должно было вызывать дрожь въ сосѣднихъ городахъ.

2) Городъ Прато такъ и остался на будущія времена подъ властью Флоренціи. Вліяніе си, глубокое и сильное, чувствуется и теперь на художественной філії.

юовать и потому съ нѣкоторыми было выгодно пока раздѣлить могущество. Въ числѣ союзниковъ Флоренціи въ этотъ ранній періодъ созданія ея самостоятельности мы видимъ Пизу, пока еще больше связанную съ нею торговыми интересами, чѣмъ отталкиваемую отъ нея соперничествомъ. Пистойя, Ареццо, Сіена уже выдвинулись, какъ враги. Война, по первому взгляду дикая и беспощадная, однако сдерживалась все болѣе и болѣе расчетомъ, систематизировалась цѣлесообразностью. Царство разума какъ будто зарождалось среди разлива силы и начинало ее умѣрять и очеловѣчивать, хотя медленно, съ трудомъ, съ рецидивами жестокостей и звѣрства: «*La bête humaine*» не легко озаряется и проникается искрою божественного огня.

Опасаясь новаго усиленія императорства въ Италии, страшась, какъ бы опять не собралась съ силами мелкая знать, искавшая выгоднаго для себя сближенія съ далекимъ властителемъ, Флоренція неуклонно слѣдовала завѣтамъ графини Матильды. Она держалась попрежнему союза съ папою. Когда Фридрихъ Барбаросса, казалось, готовъ быть возстановить Священную Римскую имперію въ бывомъ блескѣ временъ Оттоновъ и Генриховъ, по ея инициативѣ возникла первая лига тосканскихъ городовъ (1185 г.). Устроенная по образцу ломбардской, она успешно противодѣйствовала честолюбивымъ замысламъ императора, въ которомъ романтическій идеалистъ цезаризма, утраивался храбрымъ воиномъ и твердымъ политикомъ. Въ 1197 г. лига была санкционирована папою теократомъ-воителемъ, Иннокентіемъ III; результатами же ея дѣйствій больше всего воспользовалась Флоренція: въ ней не только выросло самостоятельное государство, но поднимался уже будущій «гегемонъ» для другихъ. Пока она укрѣплялась союзными договорами съ крупными сосѣдями—Луккой, Болонье, Перуджей.

Ясныя виѣшніе признакомъ соціально-политического возвышенія Флоренціи является ея топографическое развитіе въ разматриваемую эпоху. Городъ замѣтно вѣтвится въ разныя стороны, пуская ростки наружу отъ всѣхъ главныхъ (*portae*) и второстепенныхъ, позже пробитыхъ (*pusterulae*) воротъ въ старой римской стѣнѣ. Новые подгородные поселки (лат. *burgi*=ит. *borghi*=фр. «faubourgs») или улицами въ видѣ радиусовъ, направляясь отъ древней ограды (*ringito cecchio*) къ возникавшимъ повсюду въ пригородахъ («fuori le mura») церквамъ. Послѣднія образовывали центры объединенія жителей вновь заселявшихся кварталовъ и служили исходными

точками этого порога стеринной архитектуры. Прато — маленькая Флоренція, въ силу своей второстепенности лучше, чѣмъ большая, сохранившая замѣчательный ароматъ прошлаго

пунктами дальнѣйшаго развиція улицъ лучами кругомъ¹⁾). Жизнь расширила прежнюю оболочку, стремилась прорвать ее, струилась во все концы. Потокъ множившагося населенія перелился черезъ Арио по все еще единственному ponte Vecchio: на южной сторонѣ отъ него рано протянулись тремя лентами—вдоль реки вверхъ и внизъ и отъ берега внутрь страны—довольно длинные borghi. Такъ родилась раньше совсѣмъ несуществовавшая часть раскидывавшагося вширь города (*Oltrarno*)²⁾. Ощущалась потребность и не разъ, конечно, являлась мысль обнять создавшееся на всей колонизированной теперь площади живые мѣрки общую сомкнутую линіею защиты; устраивались мѣстами ворота, кое-гдѣ насыпались валы уже въ XI в. Но новая Флоренція все-таки долго оставалась легко доступною для нападеній, и только въ послѣдней четверти XII вѣка возведена была сплошная стѣна съ щѣлью рядомъ укрѣпленныхъ входовъ. Она охватила надежнымъ вторымъ кругомъ (*secondo cerchio*) разросшійся городъ, связавъ съ нимъ и зарѣчную часть³⁾.

1) Особенно рано было занято пространство къ югу отъ города за „епископскими“ воротами по направлению къ старому храму св. Лаврентія, кругомъ него (borgo S. Lorenzo) и мимо дальше. Другой быстро разраставшійся пригородъ тянулся близъ Арио вдоль южной стѣны, примыкая къ построенной въ каролингское время церкви св. Апостоловъ (borgo Ss. Apostoli). Но и съ остальныхъ сторонъ проксходилъ разливъ поселенія двумя линіями съ вѣтвями отъ западной стѣны, щѣльми пятью отъ восточной. На южной сторонѣ также образовалось еще два пригорода по бокамъ указанного, самого первоначального. Надо напомнить, что наглазный планъ старой Флоренціи приложенъ къ книгѣ *Давидсона*.

2) Колонизация уже совершилась въ самомъ началѣ XI в. Раньше всего, кажется, застроился borgo de Piazza, начинавшийся отъ южныхъ воротъ (porta Sta Maria) и за Старымъ мостомъ направлявшися дальше къ югу. Его такъ называли потому, что онъ расползлся въ просторную площадь тамъ, где теперь piazza Pitti; далѣе онъ тянулся по сіенской дорогѣ, заканчиваясь приблизительно около нынѣшней porta Rotana (тогда porta S. Petri Gattolini). Отъ него отдѣлялся сейчасъ же за Арио къ западу borgo S. Jacopo съ продолженіемъ S. Frediano; эта часть была покрыта домами лишь рѣдко—преобладали виноградники и оливковые рощи. Къ востоку шелъ borgo Pidiglioso (burgus Orientis de ponte); послѣдний пригородъ былъ заселенъ самыми низшими и бѣдными классами.

3) Утвержденіе хроникера Виллани, что „вторымъ кругомъ“ городъ былъ обведенъ уже въ 70-хъ годахъ XI вѣка, какъ оказывается изъ ближайшаго изученія источниковъ, невѣрно. Чтобы скѣдѣть за топографическою исторіею Флоренціи, полезно начертить направление этой второй стѣны. Западная линія ея омывалась искусственно отведенными въ ту сторону течениемъ Муньоне. Онъ теперь впадалъ около южнѣаго (тогда еще не существовавшаго) ponte alla Carraia и затѣмъ направлялся (вверхъ) по via dei Fossi, по восточной части нынѣшней piazza Sta Maria Novella, по via del Giglio. Затѣмъ у Canto dei Nelli ограда отходила отъ его точекъ и заворачивала направо, образуя южную сторону вдоль via dei Russi, Bufalini, S. Egidio. Восточная стѣна тянулась по теперешнимъ via del Fosso и via dei Bonei, заворачивала иѣсколько къ юго-востоку и подходила къ рекѣ у южнѣаго (также тогда еще

Въ такомъ фактѣ топографического расширенія мы находимъ наилучшее доказательство количественного роста Флоренціи — увеличія населенія, его трудовой энергіи и материальнаго благоденствія.

Отъ той же «примордіальной» эпохи образованія своей республиканской свободы Флоренція сохранила превосходный памятникъ, свидѣтельствующій о значительномъ параллельномъ прогрессѣ духовной культуры. Осуществленная въ XI вѣкѣ роскошная перестройка старѣшаго христіанскаго храма въ честь св. Миніато, расположеннаго высоко надъ городомъ (*San Miniato al monte*), — фактъ, очень выразительный: онъ обнаружилъ, что молодое гражданство склонно было тратить накоплявшееся богатство не на одну войну, но на одни укрѣпленія и не только на виѣшнія удобства жизни: оно стремилось уже къ удовлетворенію пробудившагося художественнаго вкуса. Запросы же послѣдняго служать немаловажнымъ мѣриломъ наличности, степени и характера идеальныхъ влечений въ данной культурной средѣ.

Великолѣпный, при всей строгости своей архитектуры, храмъ былъ сооруженъ въ началѣ XI вѣка; въ 1013 г. флорентійскій епископъ Гильдебрандъ испросилъ поддержки императора Генриха II для воздвиженія достойнаго памятника чтимому мученику во славу города на мѣстѣ пришедшѣй въ ветхость старой церкви. Пожертвованіями императора и жены его, Кунигунды, неутомимыхъ строителей, и заботами епископа при дѣятельномъ сочувствіи гражданства воздвигнута была чудная базилика, «истинный перлъ романскаго искусства въ Италии». Стройно и величественно, но безъ всяаго кричащаго эффекта красуется она и нынѣ надъ Флоренціею среди роскошнаго пейзажа, не ослабляющаго впечатлѣнія отъ ея собственной глубокой индивидуализированной художественной прелести ¹⁾). Церковь св. Миніато, какъ и другіе знаменитые храмы

по отстроеннаго) *ponte alle Grazie*. Такимъ образомъ новый городъ образовалъ по сю сторону Арио неправильный четырехугольникъ. На противоположной сторонѣ стѣна охватывала восточный *borgo*, поднимавшись по склону Costa S. Giorgio вверхъ, огибала церковь S. Felicità, *borgo di Piazza* и *borgo S. Jacopo*, начертывая собою многоугольную фигуру. Сѣверный городъ былъ окруженнъ, кроме стѣнъ, и рвомъ, наполненнымъ водою. Въ южномъ послѣдняго не было. Въ новой стѣнѣ пробито было много широкихъ, удобныхъ воротъ. См. *Davidsohn, Geschichte von Florenz*, I, 532—535.

1) Есть преданіе, что перестройка началась уже въ каролингскую эпоху, и некоторые ученыя думаютъ, что основа зданія идетъ именно отъ тѣхъ временъ, а украшеніе фасада относится къ X вѣку. Другие, напротивъ, исходя изъ замѣчательного сопричастства отдельки, доказываютъ, что памятникъ не могъ возникнуть раньше XII-го. Мы должны придерживаться наиболѣе достовѣрныхъ данныхъ, получаемыхъ изъ документовъ.

Италии, впослѣдствіи украсилась произведеніями позднѣйшихъ хѣбковъ; но общій наружный силуэтъ ея царить передъ нами и многи такими, какъ онъ создать былъ одушевленіемъ XI вѣка. Суровый стиль ранняго средневѣковья обнаруживаетъ здѣсь тайну очированія, которое раскрывалось и въ его простыхъ формахъ, когда изъ воцлощаетъ въ дѣйствительность талантливая рука прослышиенныхъ, хоть и оставшихся безыменными артистовъ. Античныя воспоминанія, проникавшіе изъ Византіи пріемы и элементы зодчества, наконецъ своеобразно-жизненный, благородный, свѣтлый гений по-ваго творчества Тосканы вливаютъ въ довольно бѣдный канюш романскоаго стиля струю гибкаго разнообразія безъ преувеличенной пестроты. Мраморная полихромическая облицовка и не очень многоцвѣтная мозаика одѣваютъ каменный остовъ въ богатый, но мягкий уборъ. Получается необыкновенно изящное цѣлое, одухотворенное серъезною, «чинною» красотою. Храмъ св. Миніато—неоспоримо, самый замѣчательный памятникъ XI вѣка во всей Италии. Надобно помнить, что соборы въ Пизѣ и Луккѣ начаты полустолѣтіемъ позже. Онъ стоитъ блестательно на грани между двумя эпохами духовнаго и соціального развитія. Съ высоты холма, видяще всѣй Флоренціи, какъ бы летѣло привѣтствіе новыхъ идей. Онъ служить предвѣстникомъ той первенствующей роли, которую будетъ играть въ культурномъ прогрессѣ послѣдующихъ столѣтій городъ, пока еще не очень замѣтно разстилающійся у подножья¹⁾.

Въ изображеныхъ только что событияхъ мы видимъ Флоренцію дѣйствующею «на свой страхъ» (*da se*), собственными силами, какъ самостоятельная единица. Но передъ нами сице не раскрылся въ своей внутренней сущности процессъ ея превращенія изъ города подчиненнаго, княжескаго въ городъ свободный, коммунальный. Мы еще не выяснили въ послѣдовательности актовъ ея эманципації. Послѣ разложенія маркизата тосканскаго за нее спорили императоры и папы, и еще окрестные сеніоры. Первые два властителя были господами болѣе идеального характера. Но притязанія послѣднихъ ощущались вполнѣ реально. Противъ нихъ-то Флоренція и сосредоточила борьбу, а сокрушивъ ихъ давленіе, стала независима. Однако, какіе органы направляли энергію ея житолей, въ какія живыя ячейки сплотились послѣдніе, когда Флоренція переживала тяжкія муки рожденія въ новую жизнь? — Какіе факторы, старые или новые, или тѣ и другіе вмѣстѣ, сочетаясь въ

1) Описаніе Санть-Миніато можно найти во всѣхъ большихъ руководствахъ по истории искусства. См. специальную старую, но очень хорошую монографію *Berti, San Miniato al monte* (1850).

плодоносящий брачный союзъ, взаимно опыляясь, жгали и произвели на свѣтъ роскошное дѣтище, свободную Флоренцію? — Вотъ, на что пришло время отвѣтить! — Необходимо прослѣдить путь, какимъ она вышла, сильная и стройная, богатая превосходными залогами будущаго развитія, постепенно прорвавъ коконъ феодальной зависимости. — Тогда разрѣшена будетъ окончательно и выше начертанная проблема: разрывъ или преемственность? Такъ освѣтится лишнимъ лучомъ вопросъ, совершается ли передача результатовъ культурнаго труда и подвига изъ рукъ въ руки смѣняющими другъ друга носителями исторіи человѣчества, или каждому его новому отпрыску приходится начинать сначала всю страду и лишь поздно открывать и воспринимать уже полуразрушенныя наслѣдье прошлыхъ временъ.¹⁾

Ив. Гресь.

---

1) Эдѣсь показаны общія условия жизни средневѣковой Италіи, среди которыхъ росла новая Флоренція. Дальше надобно изобразить эволюцію самыхъ формъ ея коммунальной свободы и разсмотрѣть ихъ созидателей и двигателей. Въ концѣ-концовъ можно будетъ спросить себя, каковы были „всеобщія“ причины, способствовавшія широкому расцвѣту могущества и благосостоянія города. — Поставленная такъ, на широкой сценѣ Флоренція раскроетъ намъ тайну своего величія, и мы, изучая ее, будемъ понимать, какъ возникаетъ и развивается многое изъ лучшаго, самаго цѣннаго, что есть въ человѣчествѣ. Это многое воплотится во „флорентійской цивилизаціи“, гранитные элементы которой мы воспроизведемъ вноскѣствіи уже въ новыхъ отводахъ.

Литературные силуэты.

I.

Баратынский.

Баратынский известенъ въ русской литературѣ какъ поэтъ мысли. Не то, чтобы у него была какая-нибудь одна господствующая идея, которая придавала бы его поэзіи характеръ глубокой и оттого прекрасной односторонности. Правда, какъ мы увидимъ дальше, центральнымъ идеянымъ ядромъ, вокругъ котораго обволакиваются остальные его поэтическія замѣчанія, можно считать постоянную мысль о человѣческомъ счастьи и о коренной недоступности его для нась. Но и это не живеть въ его книгѣ съ преимущественною силой и только входить въ тотъ общиѣ кодексъ художественной мудрости, какой представляетъ собою сборникъ его стиховъ. Баратынский вообще претворяетъ свои ощущенія въ разумъ, оль вообще неустанно думаетъ, и какъ алмазныя искры тамъ и здѣсь вспыхиваютъ въ его творчествѣ красивыя мысли, неожиданныя обобщенія людского опыта.

Отъ каждого явленія міровой жизни вдумчиво беретъ оль его смыслъ, его умную сердцевину, и показываетъ ея красоту. Не только чувство въ своей силѣ и страсти, въ безконечномъ разнообразіи своихъ цвѣтовъ и оттѣниковъ можетъ служить предметомъ лиризма, но и человѣческое размышеніе о мірѣ тоже вдохновенно облекается въ поэтическія строфы. Мысль прекрасна, и Баратынский отдается ей, но черезъ это не стать разсудочень. Возникла особая лирика мысли, и хотя вся роскошь непосредственныхъ впечатлѣній, вся плѣнительная наивность жизни перегорѣла въ этомъ гераклитовскомъ огнѣ ума, она возродилась къ новому бытю — сиѣтая, углубленная, спокойная. Она потеряла значительную долю «здѣснинъ чувственныхъ примѣтъ», но зато дала сознанію восторгъ неожиданныхъ откровеній, трепетную радость пониманія, и приблизила его

къ замыслу вселенной. Въ этомъ отношеніи, въ этомъ избыткѣ умнаго, Баратынскій похожъ на Гете, и характерно, что именно онъ посвятилъ мудрѣшему изъ поэтовъ мудрые и глубокіе стихи. Таково «необщее выраженіе», которое запечатлѣлось на интеллигентномъ лицѣ его музы.

Эта насыщенность мыслию, отличающая поэзію Баратынского, находится въ органической связи съ тѣмъ, что свою сосредоточенную думу онъ выражаетъ необыкновенно скжато, гармонически воплощаетъ ее въ такое же сосредоточенное слово. Онъ сознаетъ и цѣлить эту черту своихъ тщательно обдуманныхъ рѣчей, болѣе похожихъ на изреченія; онъ говорить именно о скжатой поэмѣ; онъ хочетъ, чтобы, какъ учитъ Шиллеръ, просторно было его мысли въ строгомъ кольцѣ непрѣдѣльныхъ словъ. Только серьезный мыслитель можетъ чувствовать себя привольно въ этихъ словесныхъ тѣсинахъ, только онъ довольствуется небольшою, но зато изысканной долей вѣнчаний знаковъ. И Баратынскій часто одѣваетъ свою сконцентрированную идею въ какое-нибудь одно соотвѣтствующее слово, въ какой-нибудь одинъ эпитетъ, который зато наполненъ содержаніемъ до самыхъ краевъ, точно художественный, большей частью—стариннаго стиля сосудъ. Его роскошныя слова, будто спѣлые колосья, тяжелы отъ мысли, и если бы ихъ было много, они могли бы заглушить изѣжный ростокъ поэтичности. Но ихъ мало, и этого не случилось. Однако поразительная экономія въ тратѣ полновѣсныхъ словъ, доведенная до самыхъ предѣловъ необходимости, вызвала то, что Баратынского не всегда легко понять: иной разъ не сейчасъ увидишь, къ чему относится его мѣстоименіе, гдѣ ключъ къ разстановкѣ словъ; не сейчасъ развязешь узель его глаголовъ, которые огъ, тоже въ интересахъ скжатости, часто употребляютъ въ нежеланномъ для русскаго языка страдательномъ залогѣ. Надо пытливо извлекать ядро мысли, запрятанной въ самую глубину не сразу проинциаемыхъ строкъ; Баратынскій, самъ богатый мыслию, требуетъ ся и отъ своего читателя; только напряженное вниманіе оцѣнить его стихотворенія,—иначе они останутся, и действительно остались, «какъ дѣва юная, темны для невнимательнаго свѣта».

Такъ какъ слово у него боится пустоты и содержательно все, во всѣхъ своихъ изгибахъ и складкахъ, то оно и приобрѣтаетъ осо- бую выразительность и силу. Подъ руками Баратынского, подъ его пристальнымъ взглядомъ слово оживаетъ въ своей внутренней красочности, обнаруживаетъ всю незамѣченную прежде глубину своего смысла и звучить во всю полноту своего звука. Поэтому оно поражаютъ пасъ, точно мы услыхали его впервые или послѣ долгаго психологического либо исторического промежутка. Мы какъ

будто и не думали раньше, что оно такъ многозначительно и красиво. Воскрешенное или новое, старомодное или современное, оно во всякомъ случаѣ раздается какъ-то свѣжо, торжественно и серьезно, даже если само по себѣ оно вполнѣ обыденно. Выраженіе, обыденности у Баратынскаго нѣтъ. Читая эти благородныя страницы, полныя своеобразной, аристократической красоты, вы не чувствуете, вы забываете, что почти всѣ человѣческія слова потускнѣли отъ безчисленныхъ прикосновеній, что они покрылись какимъ-то налетомъ,—подобно тому лаку, который отъ тысячи вождемѣющихъ взглядовъ образовался на обнаженныхъ плечахъ Эленъ изъ «Войны и мира». Всякое слово Баратынскимъ передумано съзнова, и потому въ немъ нѣтъ и тѣни пошлости; оно имѣть свою оригиналную и живую физіономію, оно всегда ново. При этомъ, свободный въ своемъ широкомъ выборѣ, Баратынскій любовно принялъ русскій словарь во всемъ его прекрасномъ изобилии, во всей возможности его сочетаній и энергичныхъ аллитераций («между мужами возмужаль», «не споры сборы»),—но ни разу не угодилъ онь звуку во вредъ мысли, и слово у него честно. Оно сроднилось съ мыслью и выступаетъ только ради нея и вмѣстѣ съ нею, — что, разумѣется, вовсе не препятствуетъ музыкальности, присущей многимъ изъ его отчеканиенныхъ стиховъ.

Быть можетъ, Баратынскій и самъ не радъ этой суповой власти, какую пріобрѣла надъ нимъ всемогущая мысль. Онь сѣтуетъ, что роковая дума легла на него гробовой насыпью и удушаетъ его легкій дарь; онъ знаетъ, что изъ-за нея не будетъ ему хмеля на праздникъ мірскомъ, и съ горечью восклицаетъ онъ:

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ.

Но Пушкинъ недаромъ назвалъ его Гамлетомъ. И какъ Гамлетъ, съ черепомъ въ рукахъ, «мыслицій наслѣдникъ разрушенія», поэты обречены на то, чтобы думать и быть Агасоеромъ своей думы. Нельзя остановиться, надо вѣчно идти все дальше и дальше, все глубже и глубже, проникая въ непроницаемую сущность явленій. Ихъ окрашенная оболочка доступна уже рѣзу, органу, кисти; и за чувственную грань ея видимости и звучности могутъ, по Баратынскому, и не переступать ваятель, музыкантъ, художникъ,—но поэтъ, вѣщатель слова, невольно и необходимо долженъ быть мыслителемъ и отъ живыхъ волнений жизни уноситься по ту сторону явнаго міра. Поэзія обязываетъ. Поэты глубже, но зато и чувственнѣе—бѣднѣе своихъ собратьевъ по искусствамъ; другія музы не такъ задумчивы, не такъ безплотны,—они для

ють своихъ жреповъ соучастниками земного пира и развертываютъ передъ ними все земное «очей очарованье». А поэтъ лишь въ рѣдкія минуты весенней радости, когда его душа съ ручьемъ—ручей и съ птичкой—птичка, «забвенье мысли пить» и освобождается отъ своей строгой властительницы.

Такимъ образомъ, Баратынскій какъ бы считаетъ мысль не личной особенностью своего поэтическаго генія, а родной стихіей всѣхъ поэтовъ вообще. Мы знаемъ, что онъ только отчасти правъ: хотя разумъ и находить въ словѣ, жилищѣ мысли, своего прирожденнаго истолкователя, хотя искусство слова, поэзія, разумна по преимуществу,—она, конечно, изображаетъ и славить цветущую и ослаждательную сторону жизни и не тяготѣеть къ одному сверхчувственному. Только по отношенію къ Баратынскому вѣрю то, что страстное чувство и чувственность остались за предѣлами его творчества. Отъ эмоционального, поскольку оно бурно и пылко, сохранилось почти одно лишь воспоминаніе. Надо имѣть въ виду, что его поэзія,—это уже не первая, а вторая глава изъ его душевной книги. Сборникъ его стиховъ, это—продолженіе, и онъ начался тогда, когда яркая полоса непосредственной жизни уже кончилась: не послѣдовательное и многообразное раскрытие духа совершиается передъ нами въ произведеніяхъ Баратынского, а дано только спокойствіе зрѣлости, тихая пора завершений.

Его «томная душа созрѣла для благочинныхъ размышленій», и страсть больше не взводнуетъ ея. Онъ возвышается надъ явленіями, онъ живеть во внутреннемъ мірѣ, и можетъ быть, одна только Италия съ башнями Ливурны зоветъ его къ себѣ, и хочется ему увидѣть поэтическія развалины древняго Рима, чтобы этотъ «пыщій саркофагъ погибшихъ поколѣній» возбудилъ его гамлетовскую мысль и, опять съ черепомъ въ рукахъ, онъ могъ обратиться къ Риму, къ міру, къ исторіи со своими вѣщими вопросами. Не только пиры и «паѳосскія пилигримки» не смѣютъ вернуться къ поэту, но и вообще ужъ онъ не вѣрить увѣреньямъ, ужъ онъ не вѣруетъ въ любовь, и разочарованному чужды всѣ обольщенія прежнихъ дней. Ему къ лицу сумрачный пейзажъ его излюбленной Финляндіи, гдѣ «доль очей не веселить,—гранитной лавой онъ облить». Не требуйте отъ него притворной пылкости,—онъ сердца своего не скроетъ хладъ печальный. Женщина потеряла надъ нимъ свое бывшее обаяніе; онъ сталъ поэтомъ уже послѣ разлуки. Страстную любовь онъ только вспоминаетъ. Ему страшна теперь краса черноокая,—онъ любить красавицу съ очами лазурными. Если женщина, подобно лунѣ, не влечетъ его отъ долиней жизни, если при ней душа не исполняется «священной тишиной», то онъ даже

питаетъ къ ней легкосъ пренебреженіе или насмѣшку, тѣмъ болѣю что она не принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ, которымъ понятенъ языкъ поэтовъ и боговъ. Если бы женщина вдохновила его, онъ все равно не удостоилъ бы ея, не стала бы читать ей своихъ стиховъ, ею же вдохновленныхъ,—«подобный въ этомъ идолѣ, которая со свѣтотомъ не дѣлить меду своего». Но не женщина вдохновляетъ его; онъ разорвалъ обычный союзъ любви и вдохновенія. Это поэзія—безъ женщины. Впрочемъ, это—поэзія съ женою, съ сестрою. Съ ними хотѣлъ бы онъ жить, «случится-ль, ведро иль ненастье на перепутъ бытія», имъ посвящаетъ онъ безпримѣрно-нѣжныя и душевныя строки,—напримѣръ, такія:

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительного крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.
Привель подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.
Пускай, пускай въ глухи смиренной,
Съ ней, милой, быть мой утаялъ,
Другихъ урочищѣй вселенной
Не буду помнить бытія.

Въ этой мирной пристани, гдѣ руки пожатье замѣнило Баратынскому поцѣлуй прекрасныхъ усть, гдѣ его окружаютъ друзья и Дельвигъ, его добрый, милый Дельвигъ, гдѣ изъ эмоцій выбраны только спокойныя, — счастливъ ли нашъ поэтъ и мыслитель? Онъ часто восхваляетъ отдыхъ, спасительный холодъ бездѣйственной души, отрадное безстрастіе; онъ стоитъ вдали отъ большой дороги жизни и «скромно кланяется прохожимъ». Самъ онъ никуда не идетъ. Онъ усталъ, и оттого покой, которому онъ теперь предается, не есть ли его счастье? Съ присущей ему откровенностью и умной трезвостью онъ не разъ говорить о своемъ примиреніи, о своей тишинѣ, о томъ, что онъ выбралъ безнадежность и покой. И эта холодная усталость, не разрѣшающаяся катастрофой, не влекущая къ самоубійству, производила бы отрицательное впечатлѣніе, если бы ей не сопутствовала энергія ищущей мысли. И кромѣ того, отдыхъ, похожій на счастье, сладкое усыпаніе, хладной мудрости высокая возможность—все это на самомъ дѣлѣ представляется собою затаенное мучительное несчастье, и нерѣдко Баратынскій просыпается отъ своего душевнаго сна, и тогда смыши-

тѣ горестные звуки отчаянія, которые создали ему славу пессимиста. Баратынскій слишкомъ уменъ, для того чтобы поверить, будто человѣкъ можетъ утихнуть въ мертвый зыбъ покоя. Онъ знаетъ, что законъ міра—волненіе, и онъ говоритьъ объ этомъ художественными словами:

Намъ, изволеніемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ коловратный,
Жизнь для волненія дана: жизнь и волненіе—одно.

· · · · ·

Мира невѣжды, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стремленьемъ качать нудить свою колыбель.

Затѣмъ проходить волнующіе годы, и наступаетъ омертвѣніе. Страстная, одержимая душа вдругъ останавливается, и умолкаетъ призывный гулъ ея водопада.

На что вы, дни! Юдолъный міръ явленія
Свои не измѣнить!
Всѣ вѣдомы, и только повторенія
Грядущее сулить.
Недаромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣща,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Бозумная душа!
И тѣплый кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяніемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлеши, а оно
Безсмыслию глядѣть, какъ утро встанеть,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракѣ ночной безплодный вечеръ канеть,
Вѣнецъ пустого дня.

Это—отзвукъ изъ неписанной книги Баратынского, это—первая, недошедшая до насъ глава его поэзіи. Неодновременность, не-параллельность въ развитіи души и тѣла, досрочность переживаній, то, что отравило жизнь и поэзію Лермонтову,—это, очевидно, въ до-исторической, такъ сказать, периодъ Баратынского ложилось гнетомъ и на него. Его прошлое было стремительное движеніе, которое теперь уже застыло, оцѣплено,—говоря его собственными словами:

Такъ ярый токъ, оледенѣть,
Надъ бездною висить,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

Онъ спѣшилъ, онъ жадно пилъ жизнепилю впечатлійя несозрѣвшими устами,— и вотъ теперь «не постигаетъ онъ души употребленья», и она безврежденно изсякла, опустошилась, и тѣю ненужной и сиротливой тѣло влечится безъ нея.

При такихъ условіяхъ, при этомъ нравственному автоматизму развѣ достижимо счастье? Его и нѣтъ подъ слоемъ того унылого спокойствія, которымъ дышать иныхъ страницы Баратынского. Не смотря на свою резигнацію, онъ несчастенъ и онъ не можетъ отрѣшиться отъ своей печали.

Но Баратынскій глубоко показалъ всю внутреннюю недоступность счастья не только для себя лично, но и для всѣхъ людей вообще, и въ то же время засвидѣтельствовалъ неодолимость тоски по счастью,—«желанье счастія въ меня вложили боги». При этомъ знаменательно, что, въ отличіе отъ многихъ пѣвцовъ земной скорби, онъ разрушительнымъ началомъ «блаженства прямого» считалъ не эмоциональныя человѣческія страданія, не сердечныя боли, не смерть. Ему, конечно, было «жалъ земного поселенца» съ его повседневной заботой и печалью; но, болѣе исполненныя мысли, чѣмъ задушевности, онъ источникъ нашего несчастья философски видѣлъ въ самой духовной конституціи человѣка, въ его положеніи среди необъятнаго міра. Именно эта фатальная неприспособленность къ счастью на раду съ немолчнымъ желаніемъ его составляетъ, какъ мы уже сказали, центральную мысль въ поэзіи Баратынского. Онъ не понимаетъ міра безъ человѣка и первый рассматриваетъ въ связи съ послѣднимъ. Вселенная какъ поприще для людей составляетъ предметъ его исключительной думы, и поэтому для него такъ важна проблема счастья. И вотъ, человѣкъ для него по самому происхожденію и по существу своему является обреченнымъ на муку вѣчнаго противорѣчія. Дѣти Прометея, «чада святотатства», мы осуждены «питаться болезненной жизнью, любить и лелеять неудугъ бытія и смерти отрадной страшиться»; мы осуждены быть несчастными,—и въ то же время Прометеева искра не можетъ погаснуть въ насъ и, все разгораясь, она говорить намъ о небесной родинѣ, о небесномъ счастіи. И вѣчные Танталы, мы алчемъ и не насыщаемся. Быть можетъ, еще тажелѣе другая антиподія, другая исконная трагедія, которая называется: прикованный Прометей. Свобода, пригвожденная къ скалѣ; крылья связанныя; духъ изгнанный: таково зрѣлице, которое для забавы приготовили себѣ жестокіе и насмѣшиліи боги. Они не могутъ простить намъ похищенія огня, и не кончается наша тяжба съ ними. Есть гнетущее противорѣчіе между прикрѣпленностью и осѣдлостью человѣка и высокимъ пареніемъ его духа. Копечный и утомляемый, смертный и слабый, человѣкъ

находится въ крѣпостной зависимости оть своей скалы (она есть у каждого), оть своего мѣста, оть своей предназначеннай доли, и это мѣшаетъ его идеальной подвижности, и это создаетъ въ немъ безнадежную борьбу между природой и свободой, между судьбой и сердцемъ,—и опять такимъ образомъ возстаетъ передъ нами грандиозная въ своемъ несчастии и въ своемъ величіи фигура скованнаго Прометея, чья страдальческая тѣнь поднимается за лучшими и наиболѣе характерными стихотвореніями Баратынского. Тягостна для насъ «жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною и въ грани узкія втѣсненная судьбою». Что же, покориться этимъ гранямъ, усмирить волну? Да, Баратынский какъ будто совѣтуетъ это, но совѣтъ его дышитъ горькой неувѣренностью:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
 Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ; по склону ихъ русла
 Ель величавая стоитъ, гдѣ взросла,
 Невластная сойти; небесныя свѣтила
 Назначенными путемъ невѣдомая сила
 Влечеть; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
 Его летучему дыханью положенъ.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ:
 Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ.

Но человѣкъ не только физически прикованъ къ своей человѣческой слабости. Какие бы гордые и свѣтлые горизонты ни раскрывались ого духу, все же онъ сырь и малъ для міра, въ который брошена искорка его души. Міръ и по своей вѣнѣніи и по своей внутренней величинѣ, и по своимъ размѣрамъ и по своей тайнѣ, неизмѣримо больше его, и человѣкъ воплощаетъ собою то новое противорѣчіе, что его подавляетъ его собственное жилище, вселенная. Онь оказывается въ мірозданіи какимъ-то «недоноскомъ». «Крылатый вздохъ», онъ посится межъ землей и небомъ, одинаково страшными для него, и вселенная его ужасаетъ.

Въ тягость роскошь миѣ твоя,
 Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

«Роковая скоротечность», онъ «отбываетъ безъ бытія» изъ этого міра, гдѣ такъ пугливо взрагивалъ и отъ космическихъ бурь, и отъ драматизма человѣческаго:

Смутно слышу я порой
 Кличъ враждующихъ народовъ,
 Поселанъ беспечныхъ вой

Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачъ недужнаго младенца...

Такъ, божественное пламя, лучшее достояніе человѣка, ить то же время тяготить его, и, на минуту низринутый въ вѣчность, самъ причастный къ ней въ своей душѣ, онъ мучится ею, но и жаждеть ея, борется изъ-за нея съ богами,—и терзаетъ его это роковое противорѣчіе. Для міра великаго и вѣчнаго онъ еще не дозрѣлъ.

А пока человѣческій недоносокъ робко живеть на землѣ, онъ неминуемо подпадаетъ фатальной силѣ несчастья. И въ поразительно-красивыхъ, непердаваемыхъ строфахъ своей «Осени» Баратынскій описалъ, что приносить этотъ «вечеръ года» человѣку, «оратаю жизненнаго поля», какую жатву собираетъ оғь «въ зернахъ думъ».

Ты такъ же ли, какъ земледѣль, богать?
И ты, какъ онъ, съ надеждой сѣялъ;
И ты, какъ онъ о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ...
Любуйся же, гордись возставшимъ имъ,
Считай твои пріобрѣтенья...
Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

Твой день взошелъ, и для тебя леса
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенныій искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертныій стонъ
Едва твоей гордыней задущъ.

Но если бы негодованья крикъ,
Но если бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой,—
Костями бы среди своихъ забавъ
Содрогласъ вѣтреная младость,

Играющій младенець, зарыдавъ,
 Игрушку бѣ выронилъ, и радость
 Покинула бѣ чело его навѣкъ,
 И заживо бѣ въ немъ умеръ человѣкъ!

Зови же теперь на праздникъ честный міръ!
 Спѣши, хозяинъ тароватый!
 Проси, сажай гостей своихъ за ширь
 Затѣливыи, замысловатый!
 Что лакомству пророчить онъ утѣхъ!
 Какимъ разнообразьемъ брашень
 Блистаетъ онъ!.. Но вкусъ одинъ во всѣхъ,
 И какъ могила людямъ страшенъ:
 Садись одинъ и тризну соверши
 По радостямъ земныхъ твоей души.

«Садись одинъ»... Оратай жизненнаго поля не сойдется вмѣстѣ на общую панихиду по своимъ идеаламъ; каждый останется въ тишинѣ своего внутренняго міра и сохранить про себя «лучшій жизни кладъ—даръ опыта, мертвящій душу хладъ». Быть можетъ, намъ стыдно и горько передавать другъ другу плоды своего жизнеплодного урожая? И гордость мѣшаетъ намъ сознаться въ своей бѣдности? Но если бы даже мы рѣшились на это, кто нась послушасть и покалѣсть, кто довѣрить намъ? Опытъ непередаваемъ. Каждый начинаетъ съзнова и каждый остается одинъ. Баратынскій живо чувствуетъ эту обиду конечнаго одиночества, въ особенности поражающую тѣхъ, чей голосъ «земное перешель». Человѣческая толпа встрепенется отъ «пошлиаго гласа, вѣщателя общихъ думъ»,— но то, что въ мірѣ есть великаго и рѣдкаго, проходить незамѣчено для погруженныхъ въ «постороннюю суету»: немногіе услышать паденіе звѣзды, немногіе замѣтять рожденіе новой.

Пускай, принявъ и неправильный полетъ
 И вспять стези не обрѣтая,
 Звѣзда небесъ въ бездонность утечеть;
 Пусть замѣнить ее другая:
 Не яствуетъ землѣ ущербъ одной,
 Не поражаетъ ухо міра
 Паденія ея далекій вой,
 Равно какъ въ высотахъ зеира
 Ея сестры новорожденный свѣтъ
 И небесамъ восторженный привѣтъ.

Но все равно, горѣла ли человѣческая душа небесной звѣздой, была ли она тусклымъ огонькомъ земли,—она все равно погаспѣтъ,

и за осенью, вечеромъ года, наступить его бѣдая сійская ночь. Придетъ зима. Подъ сійгомъ старости однообразно скроется все; и вотъ, наконецъ, опустится ночь на утомленныя человѣческія вѣжды, темная, беззіездная, послѣдняя ночь, и за нею уже не наступить утро, — по крайней мѣрѣ, утро земное. Но будетъ ли тѣ-нибудь разсвѣть и для нея, узнаетъ ли и свою зарю глубокая ночь смерти?

Какъ извѣстно, Баратынскій воспѣлъ этой смерти гимнъ, оправдаль ее. Это не значить, чтобы она его не волнивала. Правда, онъ говоритъ, что «не страшится новоселья» и просто заявляетъ:

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
И каждый день готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣдній бытія.

Но «вскорѣ мнимая рѣшимость позабыта и томной слабости душа его открыта», и онъ хотѣлъ бы найти «услужливый предлогъ жить и бѣдствовать». И когда подъ липою сидятъ любовники и любуются зеленою красою лѣта, они смущены въ своихъ сердцахъ налетѣвшей мыслью о неизбѣжной смерти. Ужасно думать, что сегодня возлюбленный съ пламеннымъ чувствомъ сжимаетъ руку возлюбленной, понимаетъ ея нѣжный взоръ, узнать ея сладкій голосъ, — а завтра или сей же часъ онъ будетъ незрачимъ, нѣмымъ и холоднымъ, и лучь дневной напрасно ударить его въ мертвые, не отвѣчающіе глаза. Баратынскій понимаетъ, какъ это страшно и испѣло, когда человѣческие глаза, предназначенные для того, чтобы видѣть солнце, остаются къ солнцу равнодушны и не приимаютъ его играющихъ лучей. Зачѣмъ же и восходить оно, когда его извѣчная соперница, смерть, тушитъ людскіе взоры? И Баратынскому грезится потрясающія картина «одряхлѣвшей вселенной», когда послѣдняя смерть смететь съ лица земли остатки человѣческихъ семей, наступить глубокая тишина, «державная природа облачится въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ» и природа будетъ пуста, и міръ будетъ пепаселенъ. И опять взойдетъ солнце надъ этой безгласной бездной, надъ этой неоживленной пустыней, но его никто не увидить и никто ему не скажеть привѣта. Зачѣмъ же и восходить солнцу, когда его не могутъ видѣть родные ему человѣческие глаза?

И все-таки Баратынскій покидаетъ свою обычную антропоцентристическую точку зрѣнія и славить смерть, какъ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, какъ разрѣщеніе всѣхъ цѣпей. Она для него благодатное укрощеніе, желанная тишина. Она своимъ «прохладнымъ дуновеніемъ» смиряетъ буйство бытія и сохраняетъ міръ въ равнотѣсіи.

Жизни долженъ быть положенъ извѣстный предѣлъ,—иначе вселенная погибла бы отъ избытка ея. Смерть, которая ставить границы урагану, растеню, океану, вносить мѣру и въ міръ человѣческій, утишаетъ гнѣвъ и любострастіе и въ «недружной судьбѣ» людей осуществляеть конечное равенство небытія. Смерть устроаетъ жизнь.

Такъ береть онъ у смерти то, что есть въ ней справедливаго, и ничего не говорить о той разладицѣ, которую она несетъ съ собою въ міръ человѣческій. Смерть должна останавливать безмѣрное наростаніе жизни, она съ биологической необходимостью очищаетъ мѣсто для новыхъ поколѣній,—но вѣдь съ нею погибаютъ и все видимыя проявленія жизни душевной, съ ней убываетъ и меркнетъ психическое, для котораго места не надо. И все же Баратынскій береть ее подъ свою защиту. Объясняется это тѣмъ, что при всемъ глубокомъ сознаніи міровыхъ противорѣчий, которыхъ разрываютъ недоумѣвающее сердце человѣка, Баратынскій желалъ бы найти добрый смыслъ въ общемъ строѣ жизни, и онъ часто говорить объ оправданіи Творца. Теодицея занимаетъ его. Но именно въ этомъ вопросѣ, поскольку онъ находитъ себѣ поэтическое отраженіе, оказывается неопределеннность и слабость нашего мыслителя. Истины, какъ это видно и изъ его знаменитаго стихотворенія, онъ не хочетъ; онъ боится ея свѣтильника, погребального для радостей земныхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ характерномъ человѣческомъ трепетѣ, онъ отсрочиваетъ ея безрадостный приходъ до самой поры своего заката, поры невольного отреченія, когда придется забыть все, что мило. По отношенію къ Истинѣ Баратынскій остается все тѣмъ же робкимъ недоноскомъ, и онъ не смѣеть вмѣстить ея. Онъ не отказываетъ божеству въ своеемъ довѣріи, но и молитва его блѣдна. У него недостаетъ генія и паѳоса ни для проклятія, ни для благословенія. Онъ не знаетъ. И не видно, чтобы это незнаніе, это сомнѣніе терзало его. Въ стихотвореніи «На смерть Гете» онъ спокойно говоритъ о двухъ возможностяхъ: или Творецъ ограничилъ жизнью земною летучій нашъ вѣкъ, или загробная жизнь намъ дана. Онъ вдохновенные строки посвящаетъ великому гимну, въ которомъ примиряются мятежные звуки бытія; ему дорогъ «превысшенній строй космическихъ арфъ», который надо понять, въ который надо вѣрить, для того чтобы съ признательными смиреньемъ часть ницъ передъ Промысломъ оправданнымъ; человѣкъ весь подвластенъ страданью, но какъ новый Ахиллъ, онъ плотью свою невредимъ, «если ю на живую вѣру сталъ», — и тѣмъ по моиѣ, для того чтобы вѣрить, Баратынскому нужно увѣрять себя. Она въ «Отрывкѣ» успокаиваетъ себя и этимъ выдастъ свое беспокойство.

Есть бытіе и за могилой,
Памъ обѣщалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ: нѣть сомній,

Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Она поддерживаетъ, ободряетъ ее, какъ дѣти въ томпотѣ поощряютъ другъ друга. Она не допускаетъ въ божественной силѣ лукавства, она защищаетъ правдивость Бога, декартовскую *veracitas Dei*.

Такъ, Всемогущій безъ иea (вѣры)
Насъ искушалъ бы выше мѣры;
Такъ, есть другое бытіе!
Ужели нѣкогда погубить
Во мнѣ Онъ то, что мыслить, любить,
Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
Въ чёмъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
Миръ повторилъ онъ отраженіемъ
И Самъ Себя изобразилъ?
Ужели творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только? Нѣть, не вѣрю я.

Какъ! не терпящая смѣшенья
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
На хаосъ нравственный воззрѣнья
Не бросить мудрость Божества?

Нѣть! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Тамъ, за могильнымъ рубежомъ,
Сиять день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Она въ «Отрывкѣ», по своей природѣ болѣе консервативна и боязливая, встревожна этой защитой Божества; она считаетъ слова своего возлюбленного «мятежными» и спрашивается, «ужели нужны для убѣжденныхъ убѣжденья?» Она не хочетъ разсуждать:

Премудрость вышняго Творца
Не намъ изслѣдовать и мѣрить:

Въ смиренъ сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

Убѣжденному, дѣйствительно, не нужны убѣжденья, и терпѣливому не трудно ждать. Но въ томъ и дѣло, что Баратынскій по существу не убѣженъ и не терпѣливъ. Онъ знаетъ, что «нѣть на землѣ ничтожнаго мгновенія», — но все-таки медленный ходъ мгновеній не тѣшитъ его: онъ стремится «возмутить природы чинъ», «съ безумнымъ ожиданіемъ» вслушивается въ мятежный ревъ водопада и не хочетъ «въ покой раболѣпномъ» ждать своей кончины отъ «медленной отравы бытія».

Не подчиниши однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Онъ оплакиваетъ присущій всему человѣческому «законъ уничтоженія», но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушительности временъ противопоставляетъ то, что онъ вѣченъ для себя, что мгновеніе ему принадлежитъ, какъ онъ принадлежитъ мгновенію.

Такъ онъ колеблется между смиреньемъ и протестомъ, но это колебаніе, въ соответствии общему характеру его творчества, не горитъ само и не жжетъ васъ. У Баратынскаго нѣть мученичества вѣры, нѣть и мученичества безвѣрія. Именно это и не сдѣлало его великимъ.

Духовный центръ его жизни коренится не въ религіи, хотя Баратынскій и понимаетъ всю жгучесть ея проблемъ. Баратынскій живеть эстетикой. Правда, иногда ради неприхотливой лѣни, ради любезпаго ему союза съ бездѣствиемъ, онъ остываетъ и къ гармоніи стиха. Но кто разъ услышалъ въ себѣ прекрасныя созвучія, кто тѣшился «златою игрой» стиховъ, тотъ никогда уже не перестанетъ слышать и слагать ихъ въ глубинѣ своей души. Въ пѣсняхъ музъ Баратынскій нашелъ себѣ отраду, смыслъ міра. Отъ тѣхъ волненій его внутренней жизни, которыхъ остались за порогомъ его поэтическаго дома, онъ сохранилъ въ душѣ «идеаль прекрасныхъ соразмѣрностей», который и спасалъ его «въ дни безграницыхъ увлеченій, въ дни необузданыхъ страстей». Поэзія является его этикой, поэзія спасаетъ его и учить его безкорыстію, потому что въ искусствѣ находить онъ «возмездіе искусства».

Боязій духъ врачуєтъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искушить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;

И чистоту поэзія святая,
И міръ отдасть причастницъ своей.

Но этого мало. Поэзія, красота, не только радуетъ его мирными струнами, не только умиротворяетъ его духъ,—она ручается ему за смыслъ и строй міра, за то, что міръ есть именно космосъ, гармонія и порядокъ. Глубоко проникая въ сущность поэзіи, Баратынскій захотѣль «жизни даровать согласье лиры». Идеалъ прекрасныхъ соразмѣрностей, золотая мѣра вещей изъ сферы внутреннихъ впечатлѣній переносится на всю вселенную. И на первый взглядъ хаотическая, вселенная отъ звуковъ лиры,—той самой, какую нѣкогда держаль Орфей,—начинаетъ сама слагаться въ прекрасную соразмѣрность. Развѣ могутъ борьба, противорѣчіе, разладъ лежать въ необходимой основе такого мірозданія, гдѣ живеть поэзія? Баратынскій понимаетъ, что въ самой риомѣ есть пѣчто мистическое и утѣшительное: можетъ ли не быть сокровеній гармоніи въ такомъ мірѣ, гдѣ возможна риома? Согласная, радостная встрѣча звуковъ, мелодичный звонъ сдружившихся словъ, которымъ за минуту были далеки одно отъ другого и впезапно сблизились вдохновенной силой, открывшей въ нихъ затаенную отъ вѣка симпатію,—развѣ это не говорить, что міръ есть мѣра? Покуда въ мірѣ звучить риома, можно довѣриться ему, ибо риома — вѣшній знакъ глубокой музыкальности бытія. И кто владѣеть ею, кому она отзыется на зовъ встревоженной души, тотъ чувствуетъ, что онъ правъ, что онъ сказалъ нѣчто важное и нужное. Риома — звучащее проявленіе и доказательство истины. Греческому поэту или римскому оратору толпа оказывала поддержку своимъ сочувствіемъ, своимъ рукоплесканьемъ,—но поэта современности кто одобрить, кто восхвалить?

Но нашей мысли торжищъ нѣть,
Но нашей мысли нѣть форума!..
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Высокъ полетъ его иль нѣть,
Велика ль творческая дума?
Самъ судія и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жарь—
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣши вопросъ неразрѣшимый.
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробового хлада свѣта,
Свою ласкою поэта
Ты, риома, радуешь одна!
Подобно голубю ковчегъ,

Одна ему съ родного брега
 Живую вѣтвь приносишь ты;
 Одна съ божественнымъ порывомъ
 Миришь его твоимъ отзывомъ
 И признаешь его мечты!

Такъ понимаетъ Баратынскій поэзію и ея легокрылую вѣстницу-риому. Только онъ даютъ смыслъ и красоту его жизни. Оттого и было ему жутко видѣть, что жизнь окружающая бѣдишеть поэзіей, что «ребаческіе сны» послѣдней исчезаютъ при свѣтѣ просвѣщенія, спугнутыя «общей мечтой», которая «часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ отчетливый, безстыдный занята». Природа, обиженнай тѣмъ, что человѣкъ въ суетѣ своихъ изысканій стала пытать ее «горниломъ, вѣсами и мѣромъ», закрыла свои вѣщія уста и молчать, и больше не кажеть своихъ примѣтъ. Миръ стала прозаиченъ. И трагична въ немъ судьба послѣдняго поэта, который среди разсудочныхъ поетъ о страсти, о чувствѣ, о вѣрѣ: надѣнь смыются, онъ отъ смыюющихся хочетъ уйти въ безлюдный край, но проза разселила людей повсюду, и «свѣтъ ужъ празднаго вертепа не являеть, и на землѣ уединенья нѣтъ». Непраздная, промышленная земля не можетъ быть убѣжищемъ поэта, и онъ уходитъ къ морю. Оно имѣеть то разительное отличіе отъ земли, что неизмѣнило своего лица съ первого дня творенія и, не покорившееся человѣку, имъ не опошленное, сохранило свою первозданную космическую картину. Ровесники земли, если бы воскресли, не узнали бы ея, измѣнившейся отъ человѣческихъ перестроекъ, а море—все то же.

Человѣку непокорно
 Море синее одно:
 И свободно, и просторно,
 И привѣтливо оно;
 И лица не измѣнило
 Съ дня, въ который Аполлонъ
 Поднялъ вѣчное свѣтило
 Въ первый разъ на небосклонъ.

Поэтъ пришелъ къ морю, въ которомъ нѣкогда Сафо погребла несчастный жаръ своей отверженной любви, и въ этомъ же морѣ погребасть и питомецъ Аполлона свой отверженный «безполезный даръ». И, быть можетъ, потому, если звуки земли привычны для человѣческаго слуха, то голосъ моря приводить человѣка въ смущеніе.

И отъ шумныхъ водъ отходитъ
 Онь съ тоскующей душой.

Самъ Баратынскій, страстно любившій море («съ дѣтства влекла меня сердца тревога въ область свободную влажнаго бoga»), — Баратынскій участъ послѣдняго поэта раздѣлилъ въ томъ смыслѣ, что и онъ ушелъ съ людскаго торжища въ уединеніе и его мало знаютъ. Онъ на знакомство и не напрашивается, и кто хочетъ его понять, долженъ прійти къ нему самъ. Уединенность его исключительна; она больше уединенности другихъ поэтовъ именно потому, что мысль вообще уединяетъ. Но отъ жизни пестрой и блещущей, отъ ея беспокойного и рѣзкаго полудня хочется иногда уйти къ этому печальнику и мудрецу, въ прохладу и сумракъ его поэтическаго лѣса, чтобы, въ тишинѣ навѣваемой думы, слушать тамъ величавое эхо — прекрасную риѳму его стиховъ. Ибо то, чтѣ онъ сказалъ, и въ особенности, то, какъ онъ сказалъ, входитъ въ исторію русской литературы страницей небольшой, но никѣмъ не повторенной и едва ли повторяемой. Отъ присутствія Баратынского въ нашей словесности стало какъ-то умнѣе, чище и торжественнѣе, и безъ него русская поэзія была бы скучнѣе мыслью и много потеряла бы въ благородной звучности.

Ю. Айхенвальдъ.

Хроника науки, искусства и литературы.

Рентгеновскій конгрессъ. Въ ознаменование десятилѣтія, истекшаго со времени открытия Рентгеномъ нового рода лучей, въ Берлинѣ Рентгеновскимъ обществомъ былъ созванъ конгрессъ, засѣдавшій съ 30-го апреля по 3-е мая текущаго года. Вмѣстѣ съ тѣмъ была открыта выставка соотвѣтственныхъ приборовъ.

Большой интересъ представило сообщеніе Фридриха Дессауера о задачахъ рентгеновской техники въ примѣненіи къ медицинѣ. Условія воспроизведенія X-лучей должны быть различны при диагнозѣ и терапіи, изслѣдованіи больного органа и его лѣченіи. Въ первомъ случаѣ желательно получение возможно подробнаго изображенія объекта изслѣдованія на флюоресцирующемъ экранѣ или на фотографической пластицкѣ. Полученіе деталой обусловливается тѣмъ, что рентгеновскіе лучи не въ одинаковой мѣрѣ задерживаются частями объекта, различающимися своюю плотностью и природой. Такъ какъ лучи, исходящіе изъ трубки Рентгена, неоднородны и обладаютъ различною степенью проникновенія по отношенію къ одному и тому же веществу, то изображеніе будетъ тѣмъ отчетливѣе и богаче подробностями, чѣмъ сложнѣе составъ лучей, даваемыхъ трубкой. Эта сложность зависитъ отъ характера разряда индукторія, возбуждающаго трубку. Чѣмъ быстрѣе менѣется напряженность разряда и чѣмъ онъ менѣе продолжителенъ, тѣмъ сложнѣе и составъ лучей.

При лѣченіи же больного органа, т.-е. въ терапіи, требуется, напротивъ того, однородность лучей, дѣйствію которыхъ подвергается органъ. Этой цѣли удовлетворяютъ медленно измѣняющіеся разряды высокаго напряженія, получаемые трансформированіемъ перемѣннаго тока. Въ виду этого рентгеновскіе аппараты для терапевтическихъ цѣлей уже въ ближайшемъ будущемъ должны быть реформированы, и обычное употребление индукторія замѣнено другими пріемами.

Гохтъ изложилъ результаты своихъ изслѣдований о наивыгоднѣйшихъ условіяхъ пользованія трубками Рентгена для получения отчетливыхъ изображеній. Оказалось, что анткатодъ (платиновое зеркальце, противолежащее катоду) долженъ быть наклоненъ подъ угломъ въ 65° къ пластицкѣ, на которой получается изображеніе. Гейнцъ Бауэръ указалъ извѣстные недостатки рентгеновскихъ трубокъ. По мѣрѣ употребленія трубка представляетъ все большее и большее сопротивленіе прохожденію разряда, становится, какъ говорятъ, тверже, а затѣмъ перестаетъ дѣйствовать. Это происходитъ отъ возрастающаго исчезно-

венія слѣдовъ газовъ въ трубкѣ во время ея дѣйствія. Для устраненія этого явленія снабжали трубки регенераторами, которые выдѣляли газы. Такой приемъ есть не болѣе какъ палліативъ. Причиною исчезновенія газа въ трубкѣ является распыленіе вещества антикатода подъ дѣйствіемъ падающихъ на него катодныхъ лучей. Оторванныя частицы поглощаются газомъ и пустота въ трубкѣ дѣлается все болѣе и болѣе совершенной. Обыкновенно антикатодъ соединяютъ съ аномомъ трубки, такъ что въ сущности онъ становится анодомъ. При такихъ условіяхъ распыленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе напряженности X-лучей гораздо сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда такое соединеніе не дѣлается. Поэтому для терапіи выгоднѣе пользоваться трубкой, не соединяя аномомъ съ антикатодомъ. Но для снимковъ отсутствіе подобного соединенія невыгодно, потому что вслѣдствіе электростатическихъ взаимнѣй фокусъ антикатода неправильно мѣняетъ свое положеніе. Такимъ образомъ для снимковъ упомянутое выше соединеніе должно быть сохранено, но для избѣжанія ранѣе указаннаго недостатка это соединеніе слѣдуетъ производить при помощи катушки, состоящей изъ проволочной обмотки, внутри которой находится желѣзный сердечникъ (Drosselspule). Благодаря такому приспособленію разрядъ происходитъ между катодомъ и аномомъ, и статические заряды антикатода слаживаются; трубы отли чаются постоянствомъ напряженности испускаемыхъ лучей и служить дольше. Другимъ, но менѣе важнымъ недостаткомъ представляется на каливаніе антикатода; его стараются предотвратить, пропуская струю воды черезъ особую трубку, соединенную съ антикатодомъ. Такое приспособленіе неудобно для пациента и можетъ даже сдѣлаться для него опаснымъ въ случаѣ закипанія воды; референтъ примѣняетъ охлажденіе струю воздуха.

Военнымъ врачомъ Дрюнеромъ былъ предложенъ способъ опредѣленія глубины, на которой находится постороннее тѣло, попавшее въ изслѣдуемый органъ. Онъ представляетъ собою примѣненіе метода стерeosкопического дальнѣбра, изготовленаго фирмой Цейсса. Стерeosкопический снимокъ органа производится такимъ образомъ, что получаются два негатива при двухъ различныхъ положеніяхъ рентгеновской трубы. Затѣмъ дѣлается подобный же стерeosкопическому снимокъ съ пространственного масштаба, который ставится на мѣсто органа и состоитъ изъ наклоненнаго бруска съ поперечными линееками, находящимися на различныхъ разстояніяхъ отъ пластиинки, на которой дѣлается снимокъ; они служать марками для опредѣленія глубины. Діапозитивы съ этихъ снимковъ накладываются на рентгенограммы органа и все разсматривается въ зеркальный стерeosкопъ. Предметъ, положеніе которого отыскивается, представляется лежащимъ на глубинѣ одной изъ снятыхъ марокъ. Crzellifer задался мыслью, нельзя ли вызвать зрительныи онущенія у лицъ, слѣпота которыхъ при здоровой сѣтчаткѣ происходитъ отъ помутнѣнія преломляющихъ средъ глаза: не могутъ ли такие слѣпцы при помощи X-лучей видѣть фигуры, вырѣзанные изъ свинца; известно, что свинецъ непрозраченъ для рентгеновскихъ лучей, между тѣмъ какъ они пропускаются помутнѣвшими частями глаза (ротовая оболочка и хрусталикъ). Референтъставилъ на пути рентгеновскихъ лучей, падавшихъ на глазъ, ширмочки различныхъ размѣровъ, заграждавшихъ пучокъ лучей опредѣленной ширины. Оказалось, что програжденіе пучка,

ониеречное съченіе котораго на сътчаткѣ получается меньше $2\frac{1}{2}$ квадратныхъ миллиметровъ, неощутимо, хотя фотографическая пластина обнаруживаетъ болѣе тонкіе пучки. Эти размѣры совпадаютъ съ размѣрами части ретины, называемой желтымъ пятномъ, откуда получается выводъ, что оно нечувствительно къ дѣйствію рентгеновскихъ лучей. Изъ двухъ родовъ элементовъ, покрывающихъ ретину—палочекъ и колбочекъ, желтое пятно снабжено только послѣдними; палочки покрываютъ другія части сътчатки. Если изображеніе предмета не падаетъ на желтое пятно, то мы испытываемъ только неопределеннное ощущеніе свѣта и для яснаго видѣнія необходимо, чтобы изображеніе предмета рисовалось именно на желтомъ пятнѣ. Размѣры отдѣльныхъ частей изображенія должны быть поэтому меньше желтаго пятна, но приведенные опыты показываютъ, что въ томъ случаѣ, когда изображеніе получается при помощи X-лучей, такія части уже не ощущаются; отсюда получается неутѣшительный результатъ, что рентгеновскими лучами нельзя восстановить зрѣніе слѣпымъ, хотя бы и въ ничтожной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что элементы сътчатки—колбочки, ощущающіе свѣта, нечувствительны къ лучамъ рентгена; слѣдовательно послѣдніе не могутъ быть отнесены къ категоріи свѣтовыхъ тоновъ.

Грунхахъ рекомендуетъ трубки изъ калійного стекла, дающего темно-голубую флюоресценцію вмѣсто непріятной для глаза свѣтло-зеленой флюоресценціи, даваемой трубками изъ натронового стекла.

Докладывались способы защиты пациентовъ отъ вреднаго дѣйствія рентгеновскихъ лучей, о возбужденіи трубокъ безъ помоши прерывателей и конденсаторовъ, предложены усовершенствованные прерыватели (Max Levy въ Берлинѣ, Grisson въ Дрезденѣ) и трубки усовершенствованного устройства. Разворотка вопроса объ измѣреніи напряженности и количества (дозированіе) рентгеновскихъ лучей въ виду неудовлетворительности примѣляемыхъ пріемовъ (между прочими Holzknecht'a въ Вѣнѣ) передана специально выбранной комиссіи. Демонстрировались кинематографически измѣненія въ положеніи сочлененій при движеніи конечностей. Самые снимки дѣлались съ покояющихся частей тѣла въ ихъ различныхъ положеніяхъ, а затѣмъ уже по нимъ фирма Messer въ Берлинѣ составляла кинематографические снимки. Демонстрировались также рентгенограммы (снимки) египетской мумії, древность которой оцѣнивается приблизительно въ 2800 лѣть, о чёмъ можно заключить по надписи на металлической дощечкѣ, прикрепленной къ груди. Мягкія части тѣла, особенно около глазъ, прекрасно сохранились; въ носу оказались повидимому двѣ металлическія дужки. Внутренности были удалены и ихъ мѣсто было заполнено веществомъ, непроницаемымъ для рентгеновскихъ лучей, можетъ быть—асфальтомъ. Въ области сердца видна круглая тѣнь съ двумя крыльями. Этимъ способомъ можно отличить настоящую мумію отъ поддельной.

Конгрессъ установилъ также термины: рентгенология (ученіе объ X-лучахъ), рентгеноскопія (просвѣчиваніе подъ дѣйствіемъ лучей), рентгенографія (полученіе изображеній), рентгенограмма (снимокъ). Конгрессъ не дѣлъ наукъ чеголибо выдающагося, но послужилъ къ болѣе отчетливому изложенію современного положенія рентгенологии и ея ближайшихъ нуждъ.

Природа и государство. Читатели „Научного Слова“ знали уже содержанием первых книгъ серии, выходящей въ Германіи подъ этимъ названіемъ и состоящей изъ сочиненій на конкурсную тему: „Чому могутъ научить насъ принципы учения о происхождении видовъ по отношенію къ внутреннему развитию и законодательству государства?“. Раньше мною изложено было содержание книгъ Мацага, Рунина и Шальмайера; въ теченіе 1904 и 1905 г. появилось еще четыре тома этой серии. Сюда входятъ слѣдующія сочиненія: книга мюнхенскаго писателя Curt Michaelis „Prinzipien der natürlichen und sozialen Entwicklungsgeschichte des Menschen“, книга приват-доцента политической экономіи въ Галле Albert Hesse „Natur und Gesellschaft“, книга американскаго инженера Emil Schalk „Der Wettkampf der Völker“ и, наконецъ, книга цюрихскаго приват-доцента A. Eleuteropulos „Soziologie“.

Въ общемъ всѣ эти сочиненія гораздо слабѣе и представляютъ меньше интереса, чѣмъ первыя книги серии. Особенно приходится это сказать относительно книгъ Михаэлиса и Элевтеропулоса. Михаэлисъ ограничивается тѣмъ, что излагаетъ учение о наследственности и приспособленіи въ примѣненіи ихъ къ соціальной жизни людей. Онъ не устанавливаетъ при этомъ никакихъ новыхъ и оригинальныхъ точекъ зритія, и даже дѣлаемое имъ изложеніе добытыхъ до сихъ поръ наукой данныхъ во многомъ оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ; часто мы имѣемъ здесь не столько изложеніе научныхъ принциповъ, сколько подборъ отдельныхъ пріемъровъ и фактовъ, довольно случайный и incompleteй. Элевтеропулосъ занимается не столько разрѣшеніемъ конкурсной задачи, сколько начертаніемъ схемы соціального развитія вообще, безъ особаго отношенія къ принципамъ учения о происхождении видовъ. Его книга посвящена вопросамъ о возникновеніи соціальной жизни людей, о факторахъ, обусловливающихъ развитіе формъ общежитія, и о существѣ соціальной жизни. Воззрѣнія автора также не могутъ быть названы особенно оригиналными; онъ старается держаться на почвѣ объективнаго изученія фактovъ и избѣгать предвзятыхъ теорій; тенденція эта, конечно, заслуживаетъ полнаго одобренія, но нельзя сказать, чтобы автору удалось выполнить съ успѣхомъ поставленную себѣ задачу. Яснаго представленія о развитіи соціальной жизни его трудъ не даетъ, а иѣкоторыя положенія автора представляются довольно произвольными; такова, напр., его склонность раздѣлять принципіально развитіе формъ государственного общежитія и формъ семейной жизни и правообразованія.

Книга Гессе отличается отъ другихъ сочиненій, входящихъ въ составъ серии, тѣмъ, что авторъ довольно отрицательно относится къ вопросу о значеніи принциповъ учения о происхождении видовъ для соціальныхъ наукъ. Онъ утверждаетъ, во-первыхъ, что въ области соціальной жизни намъ необходимо считаться не только съ причинностью, какъ въ естествознаніи, но и съ телесологическими моментами, лежащими въ основе нравственной оценки. Поэтому законы природы не могутъ быть цѣликомъ переносимы въ область соціальныхъ наукъ. Такимъ образомъ, принципы учения о происхождении видовъ не могутъ быть считаемы за соціальные законы, даже если бы они могли считаться за законы природы. Они имѣли бы въ этомъ случаѣ лишь то значеніе, что человѣку пришлось бы съ ними сообразоваться при построеніи своихъ цѣлей и

официою: человѣкъ самъ, все же, есть часть природы, и въ своихъ дѣйствіяхъ не можетъ не считаться съ условіями окружающей среды. Законы морали и законы природы принципіально не должны другъ другу противорѣчить, такъ какъ дѣли, которыя человѣкъ себѣ ставить въ моральной жизни, должны быть выполними съ точки зреія природной закономѣрности. Но, съ другой стороны, подвергнувъ разсмотрѣнію принципы ученія о происхожденіи видовъ въ этомъ отношеніи, авторъ приходитъ къ выводу, что и здѣсь цѣнность ихъ пока не велика. Всѣ эти принципы, по его мнѣнію, до сихъ поръ еще такъ мало разработаны, что не могутъ быть считаемы даже за законы природы въ строгомъ смыслѣ слова. Условія наслѣдственности, измѣненія и отбора недостаточно твердо установлены, чтобы они могли дать надежное руководство для внутренней политики государствъ. Такимъ образомъ, пока всѣ попытки примѣнить принципы ученія о происхожденіи видовъ къ соціальной жизни были преждевременны; необходимо еще углубить изученіе самыхъ этихъ принциповъ.

Конечно, нельзя не согласиться съ авторомъ, что принципы ученія о происхожденіи видовъ, какъ они формулируются естествоиспытателями въ примѣненіи къ царству животныхъ и растеній, не вполнѣ приложимы къ соціальной жизни людей. И въ этомъ отношеніи авторъ дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣчаній, обращая вниманіе хотя бы на ту разницу, которая существуетъ между борьбой за существованіе въ животномъ мірѣ и въ человѣческихъ обществахъ (стр. 157 и сл.). Но не возможно согласиться съ тѣмъ рѣзкимъ противопоставленіемъ естествоизнанія и соціальныхъ наукъ, котораго придерживается Гессе; разумѣется, изучая жизнь человѣческихъ обществъ, мы сталкиваемся съ дѣйствіемъ такого фактора, который значительно осложняетъ дѣло человѣческаго разума и воли; но это не даетъ намъ права отступать въ соціальныхъ наукахъ отъ причинности и вводить сюдаteleологический моментъ, какъ нѣчто принципіально отличное отъ причинности. Мы должны только помнить, что причинность соціальной жизни значительно осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь большую роль играютъ законы психической дѣятельности человѣка, которые, однако, не могутъ быть выдѣлены изъ общей жизни мірозданія.

Наиболѣе интересной изъ всѣхъ перечисленныхъ работъ является, несомнѣнно, книга Шалька. Авторъ останавливается почти исключительно на вопросѣ объ экономическомъ соревнованіи народовъ и больше всего удѣляетъ вниманія современному положенію Германіи и Америки. По происхожденію и образованію авторъ книги—немецъ, но большую часть жизни онъ провелъ въ Америкѣ. Поэтому въ его работѣ обширный личный опытъ соединяется съ серьезнымъ образованіемъ. Наибольшее значеніе въ процессѣ промышленного соперничества народовъ авторъ придастъ тремъ обстоятельствамъ: количеству народонаселенія, духовнымъ дарованіямъ (предпримчивость, практичность, приспособляемость) и природнымъ богатствамъ каждой страны въ отдѣльности. Особенно часто онъ выдвигаетъ въ своемъ изложеніи послѣдний факторъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что Россия и Америка имѣютъ огромное преимущество надъ другими культурными странами въ томъ, что онѣ сами производятъ большую часть тѣхъ сырыхъ продуктовъ, въ которыхъ нуждается ихъ промышленность, тогда какъ ихъ конкуренты должны

обрабатывать преимущественно привозные материалы. Въ связи съ этимъ стоитъ то обстоятельство, что страны послѣдней категоріи не могутъ сами прокормить избытокъ своего населенія и нуждаются настоятельно во вѣшнихъ рынкахъ. Эти преимущества Россіи и Америки не могли быть использованы вполнѣ, пока въ этихъ странахъ не развилась до достаточно желѣзодорожная сѣть. Теперь, когда это условіе выполнено, они являются страшными конкурентами Англіи, Германіи и Франції; и, особенности сильнымъ конкурентомъ въ настоящее время выступаетъ Америка.

Шалькъ пытается опредѣлить въ числахъ коэффиціентъ промышленной борьбы между Америкой, Англіей, Германіей и Франціей. Для этого вычисленія онъ беретъ цифры населенія этихъ четырехъ странъ, оцѣнивается баллами духовная дарованія ихъ населенія, и, наконецъ, опредѣляется примѣрное соотношеніе въ цифрахъ природныхъ богатствъ каждой страны. Суммы населенія располагаются слѣдующимъ образомъ: Соед. Штаты 78 мил., Германія 56 мил., Англія 42 мил., Франція 39 мил. За духовная дарованія авторъ выставляетъ Америкѣ и Германіи по полному баллу 20, Франціи 18, а Англіи только 16, укоряя англичанъ въ чрезмѣрномъ самомнѣніи и вытекающемъ отсюда излишнемъ консерватизмѣ и неумѣніи приспособляться къ измѣняющимся условіямъ жизни. Наконецъ, для природныхъ богатствъ онъ получаетъ слѣдующія цифры: Соед. Штаты 2882 мил. долларовъ, Германія 1211, Франція 1048, Англія 838. Помножая всѣ эти цифры и опуская послѣдніе четыре знака произведенія, онъ выводить слѣдующіе окончательные коэффиціенты силь въ промышленной борьбѣ: Соед. Штаты 450, Германія 136, Франція 73, Англія 56.

Свой окончательный выводъ Шалькъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ ближайшія десятилѣтія разыграется борьба за промышленное главенство и торговлю между Германіей, Англіей и Америкой. Германія обладаетъ высшей культурой и лучшимъ знаніемъ, чѣмъ двѣ другія страны; Англія обладаетъ большими движимыми капиталомъ и величайшимъ торговымъ флотомъ въ мірѣ. Америка обладаетъ наибольшимъ населеніемъ, наибольшей территоріей и наилучшими природными богатствами. Повидимому окончательная битва будетъ имѣть мѣсто между Германіей и Америкой, и Германіи придется напречь каждый нервъ всего германского народа, если она не хочетъ быть побѣжденною въ этой борьбѣ“ (стр. 215).

Пораженіе Англіи въ промышленной борьбѣ представляется автору несомнѣннымъ. По его мнѣнію, торговое и промышленное главенство Англіи было возможно только до тѣхъ поръ, пока таکія богатыя и обширныя страны, какъ Америка, лишиены были возможности широко использовать свои богатства, благодаря отсутствию быстрыхъ и дешевыхъ внутреннихъ сообщеній. Теперь, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, создалась новая сила — сила желѣзныхъ дорогъ, и торгово-промышленное преобладаніе не можетъ уже быть въ такой степени исключительно опредѣляемо благопріятнымъ для морской торговли островнымъ положеніемъ маленькой Англіи, какъ это было въ прежнее время.

Таковы общія положенія книги Шалькъ, которыи содеражитъ въ себѣ много любопытныхъ деталей, касающихся соціального строя и политической жизни Америки и Германіи. Можно не во всемъ соглашаться съ

авторомъ, который не скрываетъ своего нерасположенія къ чистой демократіи и предсказываетъ Америкѣ, что она выродится въ олигархію миллионеровъ, но сообщаемые имъ факты имѣютъ несомнѣнныи интересъ, хотя иногда освѣщаются односторонне.

В. Хвостовъ.

Новости иностранной литературы и журналистики. Среди новыхъ французскихъ книгъ, появившихся за послѣдніе мѣсяцы, невольно привлекаетъ, между прочимъ, наше вниманіе весьма своеобразное произведеніе талантливаго, оригинальнаго, подчасъ даже эксцентричнаго, быть можетъ, слишкомъ ужъ плодовитаго беллетриста, Поля Адана, озаглавленное имъ „*Combats*“.
Русская публика, сравнительно, очень мало знаѣтъ этого автора, и только иѣкоторыя его вещи (изъ серии „*Le temps et la vie*“), воспроизведившія эпоху европейскихъ войнъ начала XIX вѣка, напр. „*La force*“, „*L'enfant d'Austerlitz*“, не прошли у насъ абсолютно незамѣченными. Иныя его книги, правда, и не заслуживали особенно детальнаго изученія, такъ какъ не поднимались выше обычнаго уровня современныхъ французскихъ романовъ. Этого нельзѧ, во всякомъ случаѣ, сказать объ его новѣйшемъ произведеніи, которое заключается въ себѣ много сильныхъ и отнюдь не шаблонныхъ страницъ.

Съ вѣнчаной стороны „*Combats*“—довольно странное по композиціи, лишенное настоящаго плана, пожалуй, даже безсвязное произведеніе. Когда мы начинаемъ его читать, мы легко можемъ быть введены въ заблужденіе, принявъ новую вещь Адана за настоящій романъ, съ извѣстною связкою и планомъ. Намъ разсказываются объ охотѣ, устроенной въ лѣсахъ, возлѣ одного провинциального помѣстья и собравшей много-людное, блестящее общество,—любителей жестокой забавы, къ которой самъ авторъ, по его собственному признанію, уже охладѣлъ. Затѣмъ мы узнаемъ иѣкоторыя свѣдѣнія о владѣльцахъ этого помѣстья, объ его женѣ, объ ихъ первой встречѣ, о зарожденіи въ ихъ сердцахъ горячей, страстной, неукротимой любви, наконецъ, объ ихъ неудачной супружеской жизни, съ ея злоключеніями и разочарованіями... Одно время можно подумать, что именно на этихъ двухъ лицахъ будетъ держаться весь интересъ книги, что романистъ сообщить намъ что-нибудь объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Въ дѣйствительности мы находимъ, однако, совершенно другое. Поль Аданъ описываетъ роскошную трапезу, предложенную хозяиномъ замка своимъ гостямъ по окончаніи охоты. Во время этой трапезы завязывается оживленная бесѣда, причемъ присутствующіе затрагиваютъ постепенно разнообразныя темы, по большей части—мрачнаго, трагическаго характера, вспоминаютъ отдѣльные эпизоды изъ своей жизни. Изъ этихъ разсказовъ, число которыхъ очень велико, образуется вся оставшаяся часть книги. Мы должны вѣрить, что утомленные охотою люди торопливо выслушиваютъ длинную серію разсказовъ и воспоминаній, заполненную 270 печатныхъ страницъ. Это, конечно, довольно маловѣроятно, да и самъ пріемъ этотъ не отличается новизною: передъ нами, въ сущности, сборникъ занимательныхъ разсказовъ, по формѣ, если не по содержанію, иѣсколько напоминающій классические образцы подобнаго жанра, въ родѣ знаменитаго „Декамерона“. Почти каждый рассказъ можно выѣхать изъ книги, разматривать особо, такъ какъ

связь ихъ—чисто вигиницизм, и по своей фабулѣ они часто не имѣютъ ничего общаго. Что же касается охоты, о которой шла рѣчь изъ начальѣ книги, и судьбы тѣхъ лицъ, чьимъ гостепріимствомъ пользуются эти разнообразные рассказчики, то обо всемъ этомъ мы, по قولѣ автора, ничего большо не знаемъ.

Заглавіе книги Поля Адана—„Combats“—уже даетъ заранѣе наглѣдное понятіе о томъ характерѣ, какой будуть носить приводимые имъ разсказы. Беллетристъ хочетъ описать различные случаи и виды борьбы, нарушающей мирное и правильное течение человѣческой жизни. Но объ однихъ только военныхъ столкновеніяхъ идетъ рѣчь,—какъ можно было бы думать, основываясь на первомъ впечатлѣніи; даже въ самое мирное время авторъ подмѣщаетъ ожесточенную, отчаянную борьбу, заставляющую иногда человѣка напрягать всѣ свои силы, доходить до какого-то опьяненія или дикой ярости, добиваться, во что бы то ни стало, побѣды и торжества надъ врагомъ. Сюда относится борьба самолюбій, безнадежная борьба съ неизлѣчимымъ недугомъ и смертью, бурины вспышки ревности, фанатизмъ на расовой или политической подкладкѣ... Все это интересуетъ Поля Адана, какъ материалъ для психологического анализа, какъ цѣнныя факты для изученія той области, въ которой все безсознательное, инстинктивное, стихійное часто одерживаетъ верхъ надъ сознательнымъ и разумнымъ...

Вполнѣ естественно, однако, что война и всѣ ужасы, съ нею связанные, занимаютъ все же одно изъ первыхъ мѣстъ въ книгѣ Адана. Какъ нарочно, среди гостей, приглашенныхъ къ участію въ охотѣ, находится иѣсколько лицъ, въ свое время продѣлавшихъ—кто севастопольскую кампанию, кто франко-прусскую войну, кто тоинкинскую экспедицію или македонское восстаніе. У всѣхъ есть богатый запасъ военныхъ воспоминаній, иногда различающихся между собою во многихъ частностяхъ, но всегда одинаково ужасныхъ и трагичныхъ!..

Въ большомъ количествѣ всѣ эти разсказы о битвахъ, стычкахъ, неожиданныхъ тревогахъ, рекогносцировкахъ, рискованныхъ экспедиціяхъ, страданіяхъ мирныхъ жителей производятъ безусловно удручающее и, вмѣсть съ тѣмъ, почти утомительное впечатлѣніе... Мы иногда можемъ смѣшать одну вылазку съ другою, одинъ набѣгъ съ другимъ! Не всегда запоминаются и собственные имена, фамилии офицеровъ, названія мѣстностей. Мы видимъ только, что повсюду проливается кровь, солдаты идутъ на вѣрную смерть, иногда совершенно ощупью, наобумъ, мирные, цвѣтущія поля опустошаются, ни въ чёмъ неповинные люди, случайно подвернувшіеся во время перестрѣлки,—женщины, дѣти,—нерѣдко погибаютъ вполнѣ безсмысленно и безцѣльно, души сражающихся грубѣютъ и ожесточаются, обезображеніе трупы загромождаютъ дорогу. И, хотя подобные сцены уже много разъ описывались, при томъ иногда болѣе даровитыми авторами, чѣмъ Поль Аданъ, все это оставляетъ впечатлѣніе кошмара, отъ которого трудно отѣлѣтиться!

Какъ же смотрѣть беллетристъ на войну и все, что съ нею связано, какъ онъ относится къ самому факту вооруженнаго столкновенія народовъ и взаимнаго истребленія людей? Его взглядъ одинаково далося и отъ шовинистскаго экстаза или задора, возвеличивающаго и памбренено идеализирующаго войну, искусственно возбуждающаго въ душахъ читателей боевой, псукротимъ патріотизмъ,—и отъ гуманитарныхъ, драмати-

иныхъ миролюбiemъ произведеній, подчеркивающихъ ужасы войны, съ цѣлью вызвать отрицательное отношеніе къ ней, сочувствію всемъ ея жертвамъ, мечты о будущемъ братствѣ всѣхъ народовъ.

Для Адана война и связанное съ нею напряженіе человѣческой храбрости, отваги и, съ другой стороны, жестокости, мстительности, вражды къ противнику, является въ значительной степени чѣмъ-то стихийнымъ, инстинктивнымъ, представляющимъ собою въ культурную пору явный отголосокъ атавизма. Авторъ отнюдь не хочетъ ни возмущаться, ни исподобовать, ни предаваться обличеніямъ: онъ только констатируетъ известный фактъ, по его мнѣнію, вполнѣ естественный, вытекающій изъ самой природы вещей. Особенно ясно отразилось это воззрѣніе еще въ известномъ романѣ Адана „Сила“. То ощущеніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ находится на полѣ браны, заставляя его временно перерождаться, изъ мягкаго, гуманнаго, нерѣшительнаго, даже робкаго становиться храбрымъ, жестокимъ, изобрѣтательнымъ, настойчивымъ, было тамъ изображено просто—какъ интересный, оригинальный массовый психозъ... Даже по окончанію битвы, по мнѣнію Адана, не проходить тотчасъ же это неудержимое желаніе уничтожать, побѣждать, господствовать, неожиданно пробудившееся, въ силу атавизма, въ сердцахъ мирныхъ, отнюдь не кровожадныхъ людей; оно какъ бы ищетъ выхода, новыхъ путей и нерѣдко выражается, напр., послѣ боя въ насилии надъ беззащитными женщинами, которое доставляетъ сражавшимся такое же „головокружительное, одурманивающее сознаніе своей власти и силы“, какое они испытывали въ самый разгаръ сраженія, подъ свистъ пуль и грохотъ орудій!

Этотъ взглядъ можетъ показаться нѣсколько одностороннимъ, несправедливымъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ представляетъ собою нѣчто виолѣ самостоительное, самобытное, вытекающее изъ всего міросозерцанія Поля Адана. Конечно, художественно написанныя картины военныхъ дѣйствій въ „Разгромѣ“ Золя скорѣе потрясутъ и захватятъ насъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ описываетъ бѣдствія и страданія солдатъ... Если раз cntы отдельныхъ лицъ, выступающихъ въ „Combats“, въ свою очередь все же производятъ на насъ сильное впечатлѣніе, это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что изображаемые здѣсь факты сами по себѣ слишкомъ краснорѣчивы и характерны.

Въ концѣ книги,—быть можетъ, для того, чтобы придать ей нѣкоторый букетъ современности,—приведены три эпизода изъ русско-японской войны. Здѣсь выступаютъ, между прочимъ, русскіе офицеры, наදленные частью вполнѣ возможными, не рѣжущими нашего слуха, частью—искусственно придуманными именами: Михайловъ, Ачикновъ, Вугининъ, Горыкій, Доцкій, Суворинъ, Дмитрій Лавой и др. Въ одномъ раз cntѣ умирающей русской просить своего близкаго друга перенести въ Кіевъ послѣдній привѣтъ отъ него какой-то Екатерина Панковой, признаваясь въ томъ, что она была его возлюбленною, тогда какъ толькъ былъ въ свою очередь увѣренъ, что она всегда любила только его одного. Въ другомъ раз cntѣ очень недурно описана безвременная гибель молоденькихъ гейшъ, съ миловидными лицами и поэтическими именами, дѣлающихъ совершенно случайными жертвами войны.

Горой третьего раз cntа, японскій офицеръ Фусикава, вспоминаетъ, въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, о красивой русской дамѣ, кото-

рую онъ когда-то видѣлъ и которою онъ восторгался изъ Капиахъ, въ годы своего ученичества, проведенные въ Западной Европѣ. Обаятельная, живая, изящная, страстная, она въ то же время была несмѣло увлечена тогда мечтами о братствѣ народовъ, хотѣла облагодѣтельствовать все человѣчество. И вотъ теперь онъ долженъ стрѣлять въ представителей того племени, которое создало эту загадочную, оригиналную женщину. Всѣ эти три отрывка не свободны, конечно, отъ извѣстныхъ промаховъ и неточностей, хотя ихъ, еравнительно, не такъ ужъ много: близкіе приятели называютъ постоянно другъ друга не только по имени и отчеству (Serge Ivanovitsch), но даже по имени и фамиліи (Constantin Mikhaïlof), русская дама, очаровавшая Фусикаву, называется „m-me Natacha Daniloff“ и т. д. (въ „La force“ смертельно раненые русскіе солдаты оглашали воздухъ криками: „barine, barine, batouchka“).

Не останавливалась, за недостаткомъ мѣста, на тѣхъ разсказахъ изъ „Combats“, въ которыхъ говорится о „борьбѣ въ мирное время“ (можно было бы отмѣтить прекрасно написанную характеристику чахоточного, сознающаго близость развязки, лихорадочно ухватывающагося за жизнь и предающагося необузданной чувственности, исторію несчастной женщины изъ зажиточнаго класса, которую пьянство и безпорядочная жизнь сына доводятъ постепенно до бѣдности, унижнія и позора,—или разорившагося по своей винѣ человека, который силою обстоятельствъ дѣлается цирковымъ атлетомъ, вращается поневолѣ въ обществѣ наѣздницъ и укротительницъ),—перейдемъ теперь къ новѣйшей книгѣ Пьера Лоти, имѣющей, подобно тремъ послѣднімъ эпизодамъ изъ „Combats“, отношеніе къ Японіи. Книга эта носить не особенно удачно подысканное заглавіе—„La troisième jeunesse de m-me Prune“. Заглавіе это любопытно только въ томъ отношеніи, что оно даетъ понятіе объ общемъ характерѣ новаго сочиненія Лоти, выдержаннаго въ очень легкомъ, неглубокомъ, мѣстами—шутливомъ тонѣ.

Не ищите у него потрясающихъ отголосковъ драмы, разыгрывающейся теперь на Дальнемъ Востокѣ. Прежде всего, события, имъ изображаемыя, относятся къ 1900—01 г., и самая книга была начата имъ три года тому назадъ. Затѣмъ онъ самъ называетъ свое произведеніе „un long badinage“, сознается въ томъ, что нарочно включалъ въ него, преимущественно все безобидное, забавное, что когда-то смѣшило и развлекало, какъ его самого, такъ и его товарищей по броненосцу „Redoutable“—оставляя въ сторонѣ все болѣе тревожное, причинявшее имъ непрѣятности или усталость. Какъ нарочно, ему пришло въспоминать свою книгу въ такую пору, когда водевиль и идилія смѣнились драмою—и невольно стала ощущаться извѣстный диссонансъ... Лоти понялъ это, даже оговорилъ въ предисловіи—гдѣ, между прочимъ, упоминается о Мукденѣ и Портъ-Артурѣ,—но не счелъ нужнымъ что-либо мѣнять. „Я не думаю, говорить онъ въ концѣ предисловія, чтобы уваженіе къ павшимъ въ бою обязывало меня измѣнить то представление обѣ ихъ странѣ, которое у меня осталось“.

По сравненію со множествомъ современныхъ произведений изъ японской жизни, относящихся къ области чисто рыночнаго, ремесленнаго, лубочнаго производства и вызванныхъ желаніемъ—поддѣлаться подъ вкусы публики, заинтересовавшейся теперь всѣмъ японскимъ, книга Лоти, несомнѣнно, оставляетъ гораздо болѣе отрадное впечатлѣніе. Прожде

шего, она написана человѣкомъ, который дѣйствительно былъ въ Японіи, знаетъ ея жизнь, нравы, обычай, можетъ разскажать о ней много любопытнаго. Затѣмъ это пишетъ беллетристъ—художникъ, мастеръ слога, умѣющій передавать то, что онъ видѣлъ, въ формѣ яркихъ, талантливо набросанныхъ картинъ...

Конечно, дарование Лоти въ настоящее время уже нѣсколько потускнѣло или поблекло; нѣть прежней красоты слога, богатства фантазіи, шатобриановской меланхоліи и поэзіи природы; прозаическая подробности, документальная передача видѣннаго, обыкновенныя, лишенныя истинной художественности описанія иногда неожиданно вторгаются теперь въ сочиненія Лоти, когда-то славившагося щадительною, тонкою отдѣлкою стиля. Но во многихъ случаяхъ прежняя манера одерживаетъ верхъ,—и тогда получаются дѣйствительно прекрасныя страницы. Такъ и въ „La troisième jeunesse de m-me Prune“ есть нѣсколько отрывковъ, въ родѣ, напр., описанія японскихъ храмовъ или своеобразнаго некроиоля возлѣ Нагасаки, которые очень красивы, поэтичны, полны настроенія.

Отношеніе Лоти къ тому, что ему пришлось видѣть въ Японіи, можно было бы угадать заранѣе, основываясь на другихъ его сочиненіяхъ. Онъ любить Дальний Востокъ,—„но страною любовью“. То, что радуетъ обыкновенно западно-европейскихъ друзей Японіи,—мы говоримъ о культурныхъ успѣхахъ народа, объ его сближеніи съ цивилизованными націями,—оставляетъ его холоднымъ. Все то, что на улицахъ Нагасаки напоминаетъ обѣ Европѣ, кажется ему поддѣлкою, маскарадомъ. Трубы фабрикъ, электрические фонари, огромныя рекламы на европейской или американской ладѣ, блестящіе магазины, сюртуки и цилинды на отдѣльныхъ прохожихъ—все это производить на него вполнѣ отрицательное впечатленіе. Онъ не скрываетъ, что его сердцу дорога Японія гейшъ, вѣровь, хризантемъ, яркихъ костюмовъ, старыхъ пагодъ—или чайныхъ домиковъ... Пятнадцать лѣтъ не быть онъ въ Нагасаки,—и онъ испытываетъ, снова вступая на столь хорошо ему знакомую почву, невольное опасеніе, какъ бы ему не пришлось увидѣть весь складъ мѣстной жизни измѣнившимся, старые обычай—безвозвратно отошедшиими въ область преданія. Его душа радуется, когда онъ видѣть на комъ-нибудь живописный национальный костюмъ, или когда одна изъ его давнишнихъ знакомыхъ, слѣдя обычаю предковъ, падаетъ до земли, едва онъ переступитъ порогъ ихъ дома, и произносить традиціонное, витіеватое привѣтствіе. Сильное впечатленіе производятъ на него древніе храмы, въ настоящее время все болѣе пустующіе, съ золочеными статуями Будды и таинственнымъ полумракомъ. Рость могущества Японіи, не прекращавшіяся уже въ ту пору толки о предстолице войнѣ, желаніе „страны хризантемъ“ усвоить послѣднее слово военной техники, все это находить только вполнѣ отрицательную оценку въ „La troisième jeunesse“. Ничего другого мы, конечно, не могли ожидать отъ Лоти, всегда любившаго своеобразные, мало затронутые культурою уголки, вродѣ страны Басковъ, и озаглавившаго свои путевые записки по Индостану „L'Inde (sans les Anglais)“.

Изъ другихъ французскихъ книгъ, появившихся за послѣдніе мѣсяцы, можемъ не отмѣтить между прочимъ новаго романа Рене Баззена, „L'isolée“. Имя Баззена уже известно нашей публикѣ; особенно заинте-

рессовались у насъ его романомъ „La terre qui meurt“, заключающимъ въ себѣ картину жизни современныхъ французскихъ крестьянъ. Писанный съ явною цѣлью противопоставить чѣто болѣе отрадное, симпатичное мрачнымъ картинамъ крестьянской жизни въ „La Terre“ Золя, въ своемъ родѣ тоже иѣсколько односторонній, романъ этотъ все же читался съ интересомъ, такъ какъ деревенскій бытъ сравнительно очень рѣдко изображается французскими романистами. Въ своемъ родѣ не менѣе интересенъ былъ и другой романъ Базэна, „Les Oberlб“, въ которомъ посыпались очень эффектныя сцены и яркія бытовыя картины; судьба Эльзаса подъ германскимъ владычествомъ, отношеніе туземного населения къ иѣмцамъ и къ Франціи, борьба между стариками и молодежью, особый характеръ эльзасской природы,—все это было описано романистомъ очень реально, талантливо, правдиво, хотя мѣстами, конечно не безъ извѣстнаго шовинистскаго налета.

Новѣйшая книга того же автора „L'isoїbe“ до извѣстной степени написана на злобу дня,—по крайней мѣрѣ, еще очень недавно она имѣла бы вполнѣ животрепещущій, современный характеръ. Ренэ Базэнъ хочетъ на этотъ разъ обрисовать судьбу женской конгрегаціи, занимавшейся обученіемъ дѣтей и подлежащей поэтому распущенію, на основаніи извѣстнаго закона. Передъ нами проходятъ фигуры отдѣльныхъ монахинь: Soeur Edwige, Soeur Danielle, религіозная и мечтательная Soeur Pascale (послѣдняя является героинею всего романа). Мѣстами чувствуется нѣкоторая склонность къ идеализаціи, такъ какъ авторъ горячо любить изображаемый имъ міръ и пишетъ не безъ скрытаго желанія повліять въ опредѣленномъ смыслѣ на читателя,—хотя съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что въ подобныхъ общинахъ, дѣйствительно, могли встрѣчаться забывшія о личной жизни, преданные дѣтямъ, искренно религіозныя дѣвушки. Вспомнимъ прекрасныя картины жизни фланандскихъ *béguines*, вышедшия изъ подъ пера Жоржа Роденбаха.. Описавъ монастырское уединеніе, Базэнъ изображаетъ далѣе судьбу отдѣльныхъ монахинь, вышедшихъ изъ буржуазіи или народа, послѣ закрытія конгрегацій, причемъ особенное впечатлѣніе производить участіе молоденькой Soeur Pascale, неопытной, неспособной примѣниться къ условіямъ мірской жизни и погибающей въ ея водоворотѣ.

Если въ новой книжѣ Лоти, хотя и отличающейся извѣстными достоинствами, чувствуется все же лишний разъ постепенный упадокъ его дарованія, то еще болѣе грустное впечатлѣніе производить мѣстами новый томъ сочиненій Поля Бурже, заключающей въ себѣ большую поэзію „Les deux soeurs“ и иѣсколько мелкихъ разсказовъ. Среди послѣднихъ, носящихъ общее заглавіе „Le soeur et le mѣtier“, есть, впрочемъ, иѣсколько болѣе удачныхъ вещей, хотя и не отличающихся особенною новизною замысла и содержанія, такъ какъ затронутыхъ въ нихъ вопросовъ Бурже касался и раньше. Цѣль автора показать, какъ въ душѣ актера, доктора, писателя и т. д. чисто профессиональные взгляды, правила, даже предразсудки сталкиваются и вступаютъ иногда въ борьбу съ обще-человѣческими чувствами, съ голосомъ сердца. Одинъ изъ лучшихъ разсказовъ—„Un cas de conscience“: докторъ, призванный къ изголовью умирающего, случайно узнаетъ, что послѣдний, терзаюмы муками ревности, не довѣряющій своей женѣ, хочетъ передъ смертью вывѣдать у нея тайну, добиться, кто изъ четырехъ ея сыновей только

по недоразумѣнію считаетъ его своимъ отцомъ, а иѣ действительности родился отъ ея связи съ однимъ изъ ея поклонниковъ. Умирающій нарочно вызываетъ къ себѣ экстренными телеграммами четырехъ сыновей и хочетъ въ ихъ присутствіи разоблачить эту тайну, уронить мать въ ихъ глазахъ, открыть одному изъ нихъ (всѣ они уже взрослые), что онъ явился плодомъ внѣбрачной связи. Докторъ сознаетъ, что, если онъ не сдѣлаетъ безнадежно больному кровопусканья, тотъ не доживѣстъ до слѣдующаго дня, и слѣдовательно, вся эта безобразная и совершенно безцѣльная сцена не будетъ имѣть мѣста. Какъ человѣкъ, онъ охотно не сдѣлалъ бы этого, тѣмъ болѣе, что участь больного, все равно, рѣшена; какъ докторъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ уклоняться отъ исполненія своего долга, искусственно продолжаетъ жизнь умирающаго на одинъ сутки и этимъ косвенно содѣйствуетъ осуществленію его жестокаго замысла.

Недурно написанъ разсказъ „Корделія“, нѣсколько напоминающій по идеѣ „La duchesse bleue“: артистка, прекрасно исполнявшая роль Корделіи, причемъ ей особенно удавалась та сцена, когда героиня Шекспира находитъ своего несчастнаго отца, всего хуже и холоднѣе играеть эту роль именно въ тотъ вечеръ, когда у нея является надежда отыскать своего собственнаго отца, котораго она никогда не знала, и по-видимому мечтала увидѣть, а потомъ отказывается даже съ нимъ познакомиться, убѣдившись, что онъ простой „гарсонъ“ изъ парижской кофейни... Всего хуже большая повѣсть, занимающая болѣе 200 страницъ въ книгѣ; она представляетъ собою сплошное недоразумѣніе. Эта исторія двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна искрѣнне хочетъ выдать другую, молодую вдову, замужъ, подыскиваетъ ей пресерьезно жениха, потомъ незамѣтно сама въ него влюбляется, чѣмъ вызываетъ ревность и подозрѣніе у своего мужа и, наконецъ, побѣждаетъ свое чувство,—эта исторія, сказали мы, могла бы смѣло выйти изъ подъ пера дюжиннаго писателя. Изъ всѣхъ „сентиментальныхъ осложненій“, столь интересующихъ всегда Бурже, это, пожалуй, самое безцѣльное и скучное, и невольно становится грустно при мысли о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали когда-то появленія каждой новой книги Бурже, и какъ затѣмъ поблѣдѣли, если не атрофировался совершенно съ годами, его талантъ!..

Юрій Веселовський.

Литературное обозрение.

Въ концѣ-концовъ художники—всѣ, сколько ихъ ни было и сколько ни будетъ — неминуемо дѣлятся только на два разряда: на тѣхъ, которые видятъ, любятъ и изображаютъ пестрый узоръ жизни, и на тѣхъ, которые слѣдятъ и помнятъ вѣчныя истины основы,—на поэтовъ пошлости и поэтовъ творческаго чуда. Мы всѣ за ежедневнымъ и мимолетнымъ забываемъ первозданное, и такъ сильна въ насть эта потребность, что мы сумѣли ретушировать или приручить даже самыя слова, напоминающія о тѣхъ вещахъ,—эти страшныя слова: смерть, одиночество, вѣчность, день, ночь, любовь. Живя въ городахъ, мы почти никогда не взглѣдываемъ на небо, а иной изъ насъ навѣрно полжизни послѣ дѣтства, когда онъ настойчиво допрашивалъ о небѣ и Богѣ, не вспоминаетъ сознательно, что надъ нимъ есть небо. И вотъ приходитъ юноша,—не чудо ли? его костюмъ, его манеры ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ, быть можетъ онъ даже съ успѣхомъ прошелъ курсъ гимназіи и университета; между тѣмъ онъ—дикарь, совершенный дикарь: изъ всей нашей жизни его всего больше занимаютъ не очередные вопросы культуры, не злоба дня или вѣка, а солнце, небо, приходъ весны, судьба, вѣковѣчныя чувства и мысли людей. Для настъ все это балалько, для него—страшно ново и увлекательно; онъ пожираетъ мѣръ глазами и, увлеченный, начинаетъ рассказывать людямъ объ основѣ бытія. «И люди шепчутъ: онъ поэтъ».

Такой дикарь—Осипъ Дымовъ, авторъ вышедшаго недавно сборника рассказовъ и очерковъ подъ заглавіемъ „Солнцеворотъ“.

У настъ есть праздники церковные и табельные, но у японцевъ до сихъ поръ есть „неприсутственный день“—цвѣтенія вишень. Книга г. Дымова дѣлится на 4 части, озаглавленныя: весна, лѣто, осень, зима, и въ оглавлениі преобладаютъ такія названія: Весна, Чудо, У моря, Бабье лѣто, Одиночество, Зимний солнцеворотъ, Самоубійцы, Агарь, Мессалина; во всемъ этомъ мало злободневности, а въ самыхъ разсказахъ ся часто и вовсе нѣтъ. Что же его интересуетъ?

Вотъ, напримѣръ, онъ съ одушевленіемъ разсказываетъ о „чудѣ изъ чудесъ“—о приходѣ новой весны; и замѣтьте, онъ своими глазами подсмотрѣлъ и изучилъ это чудо.

Снѣгъ уже сошелъ, что-то рѣяло надъ землею, но еще небо было покрыто тучами. И вотъ „однажды утромъ“—это было недавно—вы просыпаетесь и видите весеннее солнце“, и это случилось такъ: „По блѣдному, еще слабому, еще не нажившему силъ небу... словно ледоходъ“

пронесъ. Почью... по небу, словно льдины, шли облака, сталкиваясь, пагоняя и разрушая другъ друга, шли нѣсколько часови въ совершенной тишинѣ. Шли и торопились. Надо было успѣть до утра... А утро въ этотъ день—это было недавно—какъ нарочно началось раньше. Но успѣли. Всѣ прошли. Къ зарѣ—къ первой весеней зарѣ—облахоходъ былъ оконченъ. Когда, пожимаясь отъ холода, взошло солнце, оно застало лишь нѣсколько замѣнившихся „льдинъ“. Воздушная армія едва показала свой арьергардъ. И скрылась. Вотъ такимъ образомъ началась весна“.

Не правда ли, на вѣсъ повѣяло свѣжестью отъ этихъ строкъ? вы видите эту ночь; мало того: вы не успѣли опомниться, какъ уже поэзъ побѣдилъ васъ, заинтересовалъ разсказомъ о веснѣ. И, разсказавъ,—какъ естественно онъ возвращается въ себя и съ какой милой важностью говоритъ о наступающей *внутренней* нашей веснѣ, о томъ, что всю зиму въ тайникахъ нашей души тихо и незамѣтно изрѣвало „великое воскресенье“, и вотъ начался облахоходъ—пришла весна: „Новые соки душевнаго нашего склада просыпаются, новыя силы пробуждаются“. Развѣ онъ не правъ?—Въ немъ самомъ бродятъ эти новые соки.

Онъ приложилъ свое ухо къ груди природы и слушаетъ гуль ея вѣчныхъ движений и сле внятные шумы новыхъ содроганій, еще только рождающихся формъ. Онъ видѣлъ въ лицо не одну весну, но и многое другое изъ міра сущностей. Онъ видѣлъ вечеръ—осѣвшій изъ дня, „какъ порошокъ, нерастворимый въ полупрозрачной жидкости сѣрыхъ дневныхъ волнъ“, онъ видѣлъ хаосъ и можетъ разсказать о ночи такое, чего не знаетъ самъ Тютчевъ. Онъ говоритъ, что два міра—день и ночь—входятъ другъ въ друга, не сливаясь, что въ нихъ парять разныя причинности, и что намъ зrimа только одна точка ихъ взаимнаго касанія—луна; и точно такъ же два міра живутъ въ человѣкѣ, двѣ жизни, не противоположныя вѣроятно, и не зависимыя, и точка ихъ взаимнаго касанія—это наши глаза. Мы спораемъ въ теплѣ и свѣтѣ солнечныхъ лучей, „и продукты сгоранія образуютъ таинственные яды, которые, одурманиваютъ мозгъ, вводя его каждыя полусутки въ царство Тѣни. А въ темныхъ невидимыхъ волнахъ Тѣни мы ищемъ и ждемъ возстановленія... Если бы мы непрерывно находились въ атмосферѣ дня, мы умерли бы, сгорѣвъ. Если бы мы непрерывно находились въ царствѣ ночи, то жили бы вѣчно, вобравъ въ себя всю матерію. Только правильная сѣмья, полуточность чередованія даетъ устойчивое равновѣсіе, которое представляется намъ формой земной жизни“. Онъ говоритъ, что символъ ночи—это крыса, таинственная крыса, безсмѣни отъ вѣка сопутствующая жизни и развитию человѣка, какъ его тѣнь; „крысы—это комочки Почи, это движущаяся тѣни—начало будущей расплаты“. И еще многое другое онъ знаетъ, что скрыто за вѣшней тканью бытія. Онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о Метерлинкѣ, котораго, повидимому, любить, и съ которымъ дѣйствительно имѣеть нечто родственное, какъ, впрочемъ, отчасти и съ Петромъ Алтенбергомъ и въ особенности съ Гуго фонъ Гофмансталемъ, гениальнымъ юношей, котораго у насъ почти совсѣмъ не знаютъ.

А кончается сборникъ Осипа Дымова восторженнымъ отрывкомъ „памяти Чехова“, и самый этотъ псевдонимъ заимствованъ у Чехова. ¹⁾ Метер-

¹⁾ Осипъ Дымовъ—мужъ „Попрыгунъ“ въ разсказѣ этого имени.

лишь (конечно, первого периода) и Чеховъ,—казалось бы, какъ ихъ соединить? Но это такъ, и трудно сказать, въ какой области наити новый поэтический—въ реализмѣ или символизмѣ: онъ съ укѣренностью за кончнаго мастерства рисуетъ и вѣшию ткань бытія, и тутъ дѣйствительно его манера различно напоминаетъ чеховскую, чтѣ при полномъ отсутствіи подражательности уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о крупномъ дарованіи начинаящаго писателя. Вотъ образчикъ,—начало разсказа, въ цѣломъ насквозь символического.

Поздно вечеромъ, съ восемью протоколами и двумя разбитыми трюмо, въ лѣтнѣмъ увеселительномъ саду, где пѣла Прекрасная Елена, у которой синь-околоточный надзиратель въ Бѣльскѣ, закрыли сезонъ. На другой день съ утра пришли: антрепренеръ, главный администраторъ, режиссеръ и ненужная личность, которая все лѣто шаталась по саду и раздавала контрамарки.

У всѣхъ болѣла голова. Хотѣлось ссоры, скверныхъ словъ, вина, чтобы опохмелиться.

Сияло солнце, высились небо; въ саду, готовясь умереть, стояли смертельно заболевшія деревья съ листвой, развращенной электрическими свѣтами. Дорожку, ведущую къ кулисамъ, не подмели; на ней валялись окурки, конфетные бумажки. При свѣтѣ сентябрьскаго блестящаго солнца это было безстыдно, говорило о расхотѣнной святости.

Всѣ четверо, не снимая шляпъ, прошли въ залъ буфета посмотретьъ на разбитыя трюмо. Лакеи и рабой поваръ, впервые за все лѣто выдѣшій на свѣтъ, низко поклонились. Къ подошедшему антрепренера присталь окурокъ палиросы; это раздражало, онъ вспомнилъ про свои убытки, но не могъ понять причину раздраженія.

— Мерзавцы,—сказалъ онъ, глядя на трюмо,—мерзавцы!

За трюмо было взято по тройной таксѣ (а такса была удвоена), но все-такиказалось, что и это убытокъ.

Потомъ долго расплачивались съ людьми. Поваръ нагрубилъ. Лакеи въ скверныхъ съ бархатными воротниками пальто и не во фракахъ, казались ворами.

— Мерзавцы!—думалъ антрепренеръ и все ступалъ на приклеившіяся окурокъ.

Сразу стать въ такой степени Чеховымъ могъ только тотъ, кому суждено пойти дальше Чехова. Въ сборникѣ нѣсколько такихъ разсказовъ (Агарь, Лидія Биренсъ, Ходитъ). Иногда сходство пріемовъ достигаетъ полной иллюзіи; таковы въ „Агари“ мелькомъ упомянутый лѣсничій изъ поляковъ, понемногу сходящій съ ума отъ комариныхъ укусовъ, или этотъ лѣтній вечеръ на террасѣ, когда у всѣхъ такъ взвинчены нервы: „Посышался громкій неожиданный топотъ, и всѣ испугались. Это молодая лошадь Золотой пробѣжала по двору и скрылась у кленовъ.—Глупая! какая глупая,—сказала Надя, засмѣялась и вдругъ заплакала“. Таковъ четырехлѣтній толстякъ Миша, котораго по осени взяли въ комнаты „и неожиданно увидѣли, что онъ выросъ, потолстѣлъ еще больше и давно не чесалъ“, таково множество мелкихъ черточекъ, отдѣльныхъ фразъ, отг҃ылокъ, эпитетовъ. А въ цѣломъ сходства нѣть: совсѣмъ другое настроеніе царитъ въ этихъ разсказахъ, колоритъ иной, не чеховскій,—исъ мягкой грусти, а всеобъемлющей скорби и ужаса. Конкретные черты картины какъ-то сами собою стушевываются, и на первый планъ выступаетъ то существенное, о чёмъ онъ повѣствуютъ: вѣчныя вѣчнія судьбы, роковые движения человѣческаго духа; это вполнѣ реальные образы, созерцаемые *sub specie aeternitatis*, или иначе: это художественно-обобщенные мысли о жизни.

Разсказъ о пяти некрасивыхъ женщинахъ, которые мысли строили теламъ жизни — мужчинамъ и которыхъ поэтому сослали съ ихъ

дѣтими въ лѣсную глушь, могъ бы быть написанъ и Чеховыи; но Чеховъ ограничился бы реальной картиной и тѣмъ симпатическимъ волненiemъ, которая она непосредственно вызвала бы въ читателъ; онъ не назвалъ бы разсказа „Агарю“ и не кончилъ бы его словами: „И длился въ новыхъ формахъ старая сказка о томъ, какъ Агарь съ ребенкомъ изгнали изъ жизни въ пустыню“, не нарисовалъ бы на горизонте бѣдныхъ полей символической понурой гибдой лошади, у которой хвостъ мягкимъ вѣтромъ отнесенъ въ бокъ, ничего не сказалъ бы о судьбѣ некрасивыхъ женщинъ, о томъ, что мы безнадежно прикованы къ нашему лицу, что мыносимъ счастье на собственномъ тѣлѣ. Все это говоритъ не Чеховъ, а Осипъ Дымовъ. Подъ его взоромъ все превращается въ символъ, безъ надуманности, безъ усилий и умысла, и ясно чувствуешь, что символъ—это душа реальной вещи, незримая, но болѣе дѣйствительная, чѣмъ сама матерія. Онъ изображаетъ бanalнѣйшую изъ бanalностей—модный балтийскій курортъ: „Курортъ неподвиженъ: каждое лѣто изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе онъ съ монотоннымъ постоянствомъ повторяетъ свою исторію“, у него нѣть прошлаго, нѣть самолюбія, нѣть кладбища, нѣть воскресенія будущаго. И вотъ сентябрь: курортъ опустѣлъ, а на пустынномъ пескѣ морского берега блѣдѣютъ клочки разорваннаго письма, и если поднять самый большой изъ нихъ, то можно разобрать: „...Хотѣла бы сыграть въ вашей жизни небольшую, но яркую“... вѣроятно далѣе надо читать: „роль“. Пройдетъ еще нѣсколько дній, вѣтеръ занесетъ буквы крушинками песка: „Я... тѣла... рать... вашей... во ярк...“—и „никто въ цѣломъ свѣтѣ не узнаетъ, гдѣ могила разорваннаго письма“. Въ символъ превратилась и эта дѣвшка въ коричневомъ платьѣ, которая послѣднею выходитъ изъ закрытаго на зиму увеселительнаго сада, гдѣ она каждый вечеръ напрасно предлагала посетителямъ свои шесть роз—три кремовыхъ, двѣ красныхъ и еще одну,—съ которою за всѣ четыре мѣсяца ни разу никто не заговорилъ и которая теперь уходить, но привыкѣ держа на отлетѣ полувытянутую правую руку, словно что-то предлагаетъ людямъ. Символъ—и этотъ ресторанъ, пріютъ одиночества, и умирающій скоропостижно въ общей компании ресторана учитель словесности: „Или еще,—говорить Осипъ Дымовъ,—и это страшная мысль: въ крысу поселяется безпріютная холодная душа человѣка, умершаго ночью въ ресторанѣ при пьяныхъ крикахъ и нагломъ блескѣ электрическихъ лампъ“. Все загадочно, все глубоко и страшно на землѣ—для того, что сквозь газетныя строки умѣеть читать вѣція руны.

Осипъ Дымовъ не знаетъ веселья или безпечности: онъ поетъ скорбь и ужасъ бытія, этими двумя чувствами питается его вдохновеніе. Онъ скорбитъ съ обреченными—съ Агарю, съ цвѣточницей, съ племенемъ—кукушкой—цыганскимъ таборомъ, откуда развратный городъ выбирается для себя цвѣтущую молодежь и гдѣ остаются умирать на землѣ въ сырую исправѣтную ночь больныхъ старухи, скорбить всего больше съ одинокими—съ мужчинами, которые, бѣгая отъ тоски одиночества, ходятъ—„всѣ вмѣстѣ и всѣ одиноки“—въ большія комнаты ресторана, отдающіеся на прокатъ по часамъ, съ женщинами, чьи глаза полны кроткой тоски, и со всѣми вообще, „кто заблудился въ этомъ дремучемъ лѣсу людей“. Онъ съ потрясающей силою говоритъ о томъ чувствѣ, которое выразилъ Лермонтовъ словами:

... какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.

Есть, есть родная душа, но какъ найти ее въ толпѣ? „Можетъ быть, когда-то мы—однородные—были всѣ вмѣстѣ. Потомъ насы разошлись по всей землѣ... или по всей вселенной. И вотъ мы ищемъ. Мы аукаемся. Мы окликаемъ другъ друга. Мы прислушиваемся, останавливаемся и ждемъ. Шѣть, не то... не то... не то...“ И рассказалъ обидченную исторію о томъ, какъ двѣ родныхъ души уже готовы были столкнуться, но въ эту минуту смерть стала между ними, онъ говоритъ: „Жизнь жестоко и страшно шутить надъ нами. Наша планета затеряна среди безчисленныхъ міровъ вселенной, а каждый изъ насъ, бѣдныхъ душъ, невидимъ и неслышенъ среди полутора миллиарда людей земного шара. На фонѣ темной ночи вспыхиваютъ трагедіи нашего одинокаго духа и быстро погасаютъ“. Въ этомъ проклятие земной несвободы, рокового предопредѣленія; на этой грани скорбь цѣпенѣтъ, каменѣтъ въ ужасѣ. Прочтите „Погромъ“—можетъ быть лучшую вещь сборника: что это—реальность или символъ? Здѣсь стерта граница между обоими мірами, и хаосъ катитъ свои волны чрезъ нашу жизнь, какъ море надъ затонуленнымъ селенiemъ.

Это свойство взгляда, можно сказать почти—особая конструкція зрительного аппарата, позволяющая человѣку невольно иронизировать за бренную оболочку вещей, дѣлаетъ то, что для Осипа Дымова все одушевлено и все въ своемъ безкоинечномъ разнообразіи едино. Между міромъ человѣческаго сознанія, безсознательной чувственной жизнью, природою и, наконецъ, міромъ непрѣходящихъ образовъ нѣть твердыхъ преградъ: иѣкая едина сущность живеть и дышить во всемъ, вѣчно новая и всему сообщающая характеръ чуда.

Вотъ иѣсколько образчиковъ,—благоуханные, незабываемые образы.

Лѣтняя ночь. „Черезъ окно падаетъ лунный свѣтъ, и черный переплетъ покорно, какъ распластанное чародѣйство, лежитъ прямоугольникомъ на полу“; прошелъ часъ, другой, и „прямоугольникъ на полу уменьшается, искается и превращается въ параллелограмъ. Луна входитъ выше и гордо смотритъ на завороженный ею міръ“. Дѣвушка въ коричневомъ платьѣ съ щекой, повязанной чернымъ платкомъ, каждую ночь отъ девяти до трехъ ходитъ по увеселительному саду, напрасно предлагая посѣтителямъ свои розы, и каждую ночь отъ девяти до трехъ тихо и неслышно умираютъ розы, бѣдныя розы, не спавшія всю ночь; у нихъ кружились головы отъ однообразнаго движенія, ихъ лепестки влитывали черные, вздрагивающіе разнузданностью звуки хекъ-уока, танца кенгуръ: „онъ, должно быть, очень страдали“. Или рожденіе разсвѣта: набѣжалъ вѣтеръ и разбудилъ ржаное поле. „Сначала проснулись крайне колосья, тѣ, что всего ближе были къ дорогѣ. Они внимательно выслушали шопотъ холоднаго воздуха и сейчасъ же нагнулись, чтобы сообщить сосѣдямъ; потомъ сами испугались сплетни, хотѣли взять слова обратно и откинулись назадъ. Сосѣди тоже нагнулись и передали своимъ сосѣдямъ, устыдились, опять нагнулись, чтобы опровергнуть сказанное, при чёмъ столкнулись головами съ задними, и скоро все поле уже знало сплетню и обсуждало ее, не одобряя, раскрывая, узнавая детали, возмущаясь и волнуясь“. А вотъ какъ рождаются мысли. „Омытый росою, съ солнцемъ, проникающимъ въ самое сердце, вилле-

тамъ падь курортъ день. Въ голубыхъ воздушныхъ пространствахъ зарождаются мысли, изящныя и легкія, трепетно-прекрасныя, недосказанныя; они несутся съ солнечными лучами изъ безпределныхъ пространствъ вдругъ, достигнувъ оболочки земной атмосферы, тяжелѣютъ, дѣлаются грузными, плотными, односторонними, популярными и падаютъ, словно пораженные на смерть колибри, стремглавъ внизъ... Тогда говорить, что пришла въ голову мысль".

Это для автора не только поэтический образъ: это частица его вѣры или идеи о мірѣ, потому что въ его обожествленномъ космосѣ солнце—центръ и источникъ жизни. Для него всѣ явленія бытія—не что иное, какъ лучи солнца въ разнообразныхъ формахъ. Власть солица не исчерпывается сѣбѣмъ, теплотою и химическими воздействиѳми: кроме этого, оно несетъ въ себѣ еще токи невѣдомой энергіи, присутствіе которыхъ, говорить онъ, нельзя уловить никакимъ приборомъ—до того они очевидны, и эта энергія солица превращается на нашей планѣтѣ въ зеленые луга, въ деревья, въ мускулы, въ мысли людей, въ чары Шопена, въ риѳмы Пушкина и грусть Мопассана. Не какъ метафору, а какъ основной догматъ своего міровоззрѣнія, онъ говорить: „Отъ солица мы родились и въ солицѣ существуемъ“. Онъ въ книгу свою называлъ: „Солицеворотъ“, и подраздѣлилъ ее на четыре части года—четыре фазиса солица.

Пѣснь земли есть пѣснь о рождѣніи; источникъ рождѣнія—солицѣ.

Съ той минуты, „когда изъ пучинъ морскихъ, въ видѣ комочковъ пѣни, родилась первая капля протоплазмы, зазвучала и тихо понеслась къ солицу пѣснь земли о преемственности жизни, ея эволюціи, непрерывности рождѣнія“. Эту пѣснь поютъ мхи и деревья, поютъ пауки и стрекозы; все въ природѣ хлопочетъ о своемъ существованіи, готовится жить въ своихъ дѣятяхъ, всюду трепещетъ эта пѣсня, „шопотомъ запѣвааемая въ серединѣ декабря (съ зим资料 солицеворота) и плывущая на вѣтру солицу, всегда къ солицу“. Но „громче и безсознательнѣе всѣхъ,—а потому и лучше всѣхъ“,—этую несложную пѣсню о продолженіи жизни ради жизни поютъ люди. Послушайте, въ какой вдохновенный гимнъ перелагаетъ ее поэтъ.

Пѣсня къ сѣтѣ и солнечному теплу преобразилась въ смутный и неуклонный порывъ человѣческой души.

Великая идея возрожденія, тайна преобразованія настоящаго въ будущее, ушла дальше, глубже, внутрь, и разлилась по всему тѣлу: творческой волной; она напитала воздухомъ бронхи нашихъ легкихъ, отдохнула фосфоромъ въ kostяхъ, глобулами въ красной живой крови и пронизала гаммой чувствъ, мыслей и опицій нашъ мозгъ.

Мысль зрееть въ скорлупѣ матеріи, до времени скрываясь, сливается съ ней.

Укажите, о, вы мудрецы-физиологи, разматривающіе человѣка, какъ земляного червя, небрежно анатомируемаго на лекціи,—укажите, где кончается фосфоръ костей и начинается ощущеніе святости жизни, где граничная линія между яснымъ блескомъ молодого сердца и идеей свободы, въ немъ живущей, между ароматомъ полевой душицы—этимъ продуктомъ торфяныхъ болотъ—и тонкимъ ароматомъ дикихъ мыслей Метерлинка, продуктомъ бельгийскихъ болотъ?!

Нераэгаданной тайной объединены всѣ явленія видимаго.

Идея зим资料 солицеворота (или цветорененная въ праздникѣ Рождества и Нового года) живеть въ душѣ человѣческой, какъ мелодія его существованія.

Навстрѣчу къ солицу, еще скрывающемуся за зимними тучами, навстрѣчу зарѣ чистаго холода пространствъ несутся наши мысли. Поступки наши освящены дыханіемъ солица. Дѣйствія наши, самыя непонятныя, самые безразсудныя, всегда согрѣты тепломъ еще новидимыхъ, но уже настигшихъ насть лучей. Какъ золо-

тятся на весеннеи зарѣ колокольни церквей, такъ золотятся на иной зарѣ и пыши головы, наши глаза, которыми мозгъ—эта обожествленная пропошлость—видитъ въ бездны вселенной.

Пѣснь внутри насъ—это не сказка поучительная для дѣтей. Это истинна для взрослыхъ, это—тайна для мудрецовъ.

Пѣснь—идея ведетъ насъ впередъ точно такъ же, какъ други, но однородная идея ведетъ впередъ развитіе легионовъ травъ, деревьевъ и неисчислимую толпу живыхъ существъ.

Птицы при приближеніи весны летать къ намъ, въ согрѣтый сѣверъ. Какъ узнаютъ отъ, удаленные за десятки тысячъ верстъ, свои родные лѣсы?

Мы—что птицы. Удаленные отъ солнца на пространствѣ гораздо болѣе, чѣмъ десятки тысячъ верстъ, мы летимъ въ края, согрѣтые его лучами, угадываемъ родные лѣса, ищемъ дороги, ищемъ пути. Звѣзда наша горить въ недосыпаемой вышинѣ. Мы идемъ къ ней; съ головами, на которыхъ легло золото первыхъ лучей далекаго и невидимаго солнца, со взоромъ, устремленнымъ впередъ, мы идемъ въ жизнь.

Звѣзда наша горить въ вышинѣ.

Книга Осипа Дымова полна свѣжаго лѣсного благоуханія, которымъ нельзѧ вдоволь надышаться. Главное, въ ней нѣть и слѣда книжности: здѣсь все — живое личное переживаніе, и переживаніе глубоко-оригинального ума. Вы совсѣмъ не видите автора, но вся книга носить ярко-индивидуальный характеръ, составляющій ея главную прелестъ. И оттого, что это не навѣяно, а течеть изъ глубины души,— оттого такъ силенъ и самобытенъ его языкъ, такъ насыщенъ „индивидуальностью личнаго вдохновенія“. Чтобы такъ изобразить жаркое лѣто: „Изъ голубой безконечности низвергались и обливали землю чудесныя ряды длинныхъ полнозвучныхъ лѣтнихъ дней“,—нужно было дѣйствительно самому непосредственно увидѣть въ лицо лѣто; а видѣть что-либо самому и прямо въ лицо способенъ только свободный духъ истиннаго художника. Это въ деталяхъ; а въ цѣломъ лучшія вещи Дымова достигаютъ такой силы вдохновенія, когда проза звучить, какъ мощная стрекотательная пѣснь или какъ скорбная хоровая молитва. И общее впечатлѣніе, которое оставляетъ его книга,—какое-то свѣтлое углубленное раздумье, близкое къ религіозному волненію.

Правда, въ ней есть и слабыя вещи. Письма съ могилы Чехова лучше было, кажется, вовсе не печатать, „Чудо“ осталось невыявленнымъ, есть и торопливости, и фальшивыя ноты, и чрезмѣрная цѣлостность—цѣлостность словъ, когда за ними не слышно дуновенія страсти. А главное,—я не умѣю этого объяснить хорошенько,—чувствуется въ ней какая-то раффинированность, тонкая разсудочность въ чувствѣ, слонио легкій запахъ гнили. Нѣть алѣйшаго врага искусству, его пынности, какъ эта самооглядка; лучшій примѣръ тому — новѣйшая австрійская поэзія, всѣ эти талантливые и отталкивающіе цинизмомъ своего чувства Шницлеръ, Альтенбергъ и др. Этотъ вѣнскій, столичный цинизмъ до послѣднихъ лѣтъ былъ чуждъ нашей литературѣ (исключая, впрочемъ, Тургенева, быть можетъ зараженнаго Парижемъ) и рѣзко обнаружился только у нашихъ декадентовъ, сказать не въ обиду. Замѣчательное дѣрованіе автора „Солнцеворота“ должно уберечь его отъ этой язвы художества, часто бывающей результатомъ замкнутой кружковой жизни молодыхъ талантовъ.

Мы съ радостью привѣтствуемъ книгу Осипа Дымова; послѣ многихъ блѣдныхъ попытокъ выразить художественно то новое, что извѣржало въ душахъ, она кажется намъ первымъ яснымъ и сильнымъ пророчествомъ и первымъ твердымъ шагомъ къ его осуществлению. Къ ней примѣнимы его собственныя прекрасныя слова: „Философъ... найдетъ здѣсь черты роста человѣческаго духа; онъ скажетъ, что въ обыденную жизнь общества приходятъ новые, еще только смутно назрѣвающіе элементы; что завоевываются новыя грани соприкосновенія съ міромъ; что рушатся кругомъ какія-то преграды; что цѣлые аккорды едва уловимыхъ, рожденныхъ въ тайникахъ души смутныхъ настроений рвутъ оковы позитивной мысли...“

М. Г.

Бібліографія.

А. Лоуэлль „Правительства и политические партии въ государствахъ Западной Европы“. Перев. О. Полторацкой, вѣд. О. Смирнова. Москва, 1905.

Книга Лоуэлля появилась какъ нельзя болѣе кстати; она въ достаточно увлекательной и очень надежной формѣ касается какъ разъ особо жгучаго вопроса русской современности, рассматривая и оцѣнивая многолѣтнюю работу партий на континентальномъ Западѣ.

Именно эта часть книги Лоуэлля, вопросъ о партіяхъ, и должна привлечь наибольшее вниманіе русскаго читателя въ настоящее время.

Новое учрежденіе, относительно теоретического значенія котораго ить большої разницы во взглядахъ, все же вызываетъ рядъ разногласій при практической оцѣнкѣ; мнѣнія колеблются между чайниемъ, правда скромнымъ, и отчаяніемъ, один видя замѣтную все же „тропинку“, которую, быть можетъ, удастся проторить въ широкую дорогу будущимъ представителямъ, другое — лишь новый лабиринтъ, помеченную декорацию для прежняго же ненасытнаго минотавра. Но въ обоихъ случаяхъ, положительно ли или отрицательно, выдвигается вопросъ о „людяхъ“ и ихъ роли въ новомъ учрежденіи, въ судьбахъ государства; выдвигается, стало-быть, и вопросъ о партіяхъ. И вотъ тутъ-то книга Лоуэлля можетъ дать большой и поучительный материалъ многолѣтнаго политическаго опыта Европы, тѣмъ болѣе что самъ Лоуэлль какъ разъ подчеркиваетъ эту дидактическую, такъ сказать, сторону своего труда.

Основной тезисъ Лоуэлля можно бы выразить такъ: сила воздействиія народнаго представительства на правительство обратно пропорціональна количеству партій въ представительскомъ учрежденіи. Наиболѣе нормальныи и экзальтанныи, по Лоуэллю, является постому существованіе лишь двухъ крупныхъ и сильныхъ партій: партіи, поддерживающей правительство, и оппозиціи; при такой конституції не можетъ быть мертвъ точки въ политикѣ, интересы народа энергично проводятся и охраняются, контроль надъ правительствомъ постояненъ и несомнѣненъ. Но такое положеніе можно констатировать въ чистомъ видѣ лишь въ англо-саксонскихъ странахъ (стр. 47 и часто), изъ другихъ же конституціонныхъ государствахъ наблюдаются болѣе или менѣе рѣшительные отклоненія въ ту или другую сторону, ведущія за собой тѣ или иные неудобства, а иногда и опасности.

Вреднѣе всего, конечно, отсутствіе всякой дифференціації; это—оказатель отсутствія политической жизни въ странѣ, признакъ усталости, индифферентизма; участіе народа въ управлѣніи извращается въ недостойную комедію. Но такихъ примѣровъ не много, и времена политическаго маразма продолжались не долго. Сюда же, впрочемъ—и для настоящаго момента это особенно важно—относится факты злостнаго политическаго банкротства, намѣренія абсентізмъ, бойкотъ нежелательного и неудовлетворительного представительского учрежденія. „Насильное сопротивленіе“ какъ орудіе политической борьбы (если это по орудію вѣдомо слабыхъ, мелкихъ и мельчайшихъ группъ „непримиримыхъ“, „партизанъ-ристовъ“ и пр.)—негодно и безконечно опасно, къ тому же это орудія грабію, насилія и неадекватная карта, разыграть которую въ началь и непростительно, и ненужно. Ненправимый вредъ, напримѣръ, нанесли себѣ чехи въ 70-хъ годахъ бойкотированиемъ Рейхерата, несомнѣнно предно было принципиальному самоустроєнію (пока еще до 1905 г.) клерикаловъ въ Италии, несмотря на то, что отсутствіе прямого прайди на Пизату компенсировалось сильнымъ вліяніемъ на местную

муниципальную жизнь¹⁾). Къ тому же, политическая комбинація нестолько сложны и нерѣдко такъ неожиданы, что *отказъ отъ борьбы* не можетъ мотивироваться даже очевидною яко бы слабостью шансовъ. Блестящимъ примѣромъ можетъ служить образованіе новой партіи (центра) въ Германіи въ эпоху *Kulturkampf'a*. Отъ борьбы не отказались, а, напротивъ, смѣло приняли вызовъ, и даже искусству Бисмарка не подъ силу было сломать тѣсно сплоченную новую партію, съ которой и самому Бисмарку и затѣмъ Вильгельму II приходилось считаться на каждомъ шагу.

Впрочемъ, несравненно чаще другое явленіе—слишкомъ большая дифференціація партій, даже не „партій“ уже, а политическихъ группъ и фракцій, роковымъ образомъ сохраняющихъ тенденцію къ еще большему раздѣлению. При такомъ положеніи вся энергія уходитъ въ мелкія партізанская столкновенія, окончательно обезцѣняется весь представительный режимъ—представительное учрежденіе становится игрушкой въ рукахъ короны (Австрія) или министровъ (Италия), удобной ширмой для усмотрѣній и вождѣльній. Но отсюда вытекаетъ не только *дезорганизація* политической жизни, но и *деморализація* ея. На сцену выступаетъ политика момента, минуты, постыдные торги и переторжки, чудовищныя, противостѣвенныя грушировки, ошпортионистическая мораль, обескровленіе программъ, взаимное подсаживание и подсаживаніе, подачки и обманутые аппетиты... Мѣсто борьбы за право и стремленія къ благу занимаетъ борьба за платоническое участіе во власти (власть въ рукахъ правительства) и стремленіе къ „мѣстечку на солнцѣ“.

Обиліе партій показываетъ не богатство мнѣній, а обиліе сомнѣній, не столько принципіальность, сколько безпринципіость. Классическими примѣрами могутъ служить и Австрія, и Италия, и Германія эпохи Бисмарка, который нарочно стремился къ раскалыванію непокорныхъ группъ и во-время умѣль бросить и яблоко раздора среди единомышленниковъ, и лишило спорную кость среди оставшихъ уже противниковъ. Впрочемъ, искусственное поддерживаніе чрезмѣрного количества партій—явленіе исключительное и, сравнительно, недолговѣчное, т. к. слишкомъ уже явно противорѣчить элементарнымъ требованиямъ политической логики. Гораздо чаще встрѣчается дробность партій, уже данная предыдущей исторіей страны, настѣдѣ тѣмъ болѣе страшное, что результаты не менѣе печальны и труднѣе устранимы.

Въ обоихъ случаяхъ поэтому вопросъ о коализації партій и группъ, о „коалиціяхъ“, „картеляхъ“ и пр. является вопросомъ капитальнаго и неизбѣжнаго, несмотря на то, что и на практикѣ, и въ теоріи относились къ нему съ явнымъ неодобрениемъ. Въ лучшемъ случаѣ это считали неизбѣжнымъ зломъ, но все же зломъ; здоровая боязнь потерять себя, здоровая брезгливость предъ всякаго рода компромиссами брали свое. Къ тому же примѣровъ неудачныхъ и вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ коалицій сколько угодно, но указывая на нихъ, забываютъ ближайшія обстоятельства этихъ соединеній: неудача и вредъ въ большинствѣ случаевъ вытекали изъ отсутствія достаточнаго повода, изъ мелочности и безъидеиности поставленныхъ задачъ, изъ искусственности этихъ сближеній.

Но, кроме *такихъ* коалицій, есть еще и другія, безспорно жизненные, не компрометирующія, не налагающія бремя серьезныхъ взаимныхъ уступокъ принципіального характера; такія коалиціи, иногда даже молчаливыя и какъ бы самопроизвольно зарождающіяся, являются *составленіемъ* результатомъ категорического императива, наличности сильнаго и признанного *общаго* врага. Таковы въ разное время группировки французскихъ партій противъ реакціонеровъ разныхъ пошибовъ, слияніе венгерскихъ партій въ борьбѣ за свою національность и т. п.

Вотъ въ общихъ чертахъ уроки Запада, съ которыми переволь Лоуэллъ знакомить русскаго читателя, несомнѣнно стоящаго нынѣ на распутьѣ; нальво пойти—коня потеряешь, направо—себя потеряешь, совсѣмъ не пойти—все потеряніе.

Д. Егоровъ.

¹⁾ Еще примѣръ. Духовенство въ Англіи, отказавшись отъ участія въ Палатѣ Общинъ, уйдя въ чисто-профессиональныи „коинкаціи“, обрекло себя на полную политическую ничтожность и заранѣе предрѣшило весь ходъ и всѣ особенности англійской реформаціи иплоть до цзаропапизма, и это въ то время, когда французское духовенство, „первое“ сословіе государства, несомнѣнно играло видную роль, часто франко-агрессивнаго характера.

Ф. В. Тарановский. Юридический методъ въ государственной науки. Очеркъ развитиа его въ Германіи. Варшава, 1904.

Упраздненіе монархического абсолютизма и корпоративной эпохи нынѣшнаго привилегированнаго состоянія вызвали къ жизни и процветанію въ Германіи фольклорно-индивидуалистическое (юридическое тоже) направление въ государственной науки, признавшее юридическую личность государства, какъ лицемъ существо юридической конструкціи политическихъ отношеній нового порядка (324 и 329—330). Но корифонъ его преобрѣгъ историческимъ и психическимъ факторами государственности жизни, злоупотребляя понятіями и терминами гражданского права, преувеличивая значение формальной логики вообще и юридической въ частности и, кроме того, страдали односторонностью (кромѣ Гербера, 310). Поэтому неудивительно, что съ появленіемъ новыхъ соціальныхъ и экономическихъ проблемъ и въ Германіи юридический методъ начинаетъ терять свой кредитъ. А у насъ, где не было политическихъ отношеній, вызвавшихъ къ жизни въ Германіи эту методъ, тѣмъ болѣе конструкціи его оказались построеннымъ на пустѣ, какъ это можно видѣть изъ примѣрѣ Коркунова (330; ср. также стр. 249). Но этого мало. Надо, кроме того, какъ мы говорили въ октябрьской книжкѣ „Вестника Права“ за 1903 г., по поводу „Общ. госуд. права“ Еллинека, привлечь къ дѣлу и исторический методъ, такъ какъ въ политической жизни господствуетъ не логика, а исторія, и вездѣ мы находимъ исторически сложившіяся противорѣчія. Самые методы государственной науки стоятъ въ тѣсной связи съ условіями времени и мѣста. Поэтому можно было бы только привѣтствовать попытку установить происхожденіе и преемственное развитіе юридического метода въ немецкой государственной науки и такимъ образомъ решить вопросъ объ его умѣстности и общемъ значеніи. Но къ сожалѣнію г. Тарановскому, написавшему въ заголовокъ книги „Юридический методъ“, изслѣдуется, если не считать послѣдней главы, вовсе не его судьбу, а судьбы публично-правовой догматики XVII—XVIII вв., не стоящія въ какой связи съ этимъ методомъ. Вѣдь уже Лабандъ совершенно справедливо выводилъ юридический методъ госуд. науки не изъ этой доктрины, а изъ той же школы естественного права, или, точнѣе говоря, изъ ея формальной тоцкіи юридического мышленія. Да и самъ г. Тарановскому на стр. 294 вопреки самому себѣ (251) считаетъ, именно, естественное право предшественникомъ публично-правового принципа, ставшаго впослѣдствіи исходной точкой новой догматической конструкціи. На стр. же 104 онъ признаетъ необходимымъ для возникновенія юридической науки о государствѣ предварительное развитіе свободы и культуры, а на стр. 149 имъ признается даже въ старой Германіи первейство естественного права надъ догматикой. Изъ судебной же практики рейхскаммергерихта и генетически связанныхъ съ ней публично-правовой догматики XVII—XVIII вв. съяя принципомъ легальности вопреки г. Тарановскому нельзя выводить юридического метода въ виду частноправного содержанія публично-правовыхъ конструкцій этой догматики и цивилистическихъ замашекъ въ нихъ (64, 75, 79, 89, 149, 180), такъ какъ онъ самъ же признаетъ, что только съ очищеніемъ публично-правовыхъ концепцій Герберомъ отъ частноправового содержанія (292) стало возможнымъ появление юридического метода. А о томъ, что какъ современный политический строй (286, 297, 316) является отрицаніемъ и противоположностью патrimonialному строю, такъ и связанныя съ послѣднимъ публично-правовая догматика XVII—XVIII вв. является вопреки г. Тарановскому противоположностью и отрицаніемъ юридическому направлению XIX в., связаннымъ съ современнымъ политическимъ строемъ, уже не говоримъ. Такъ это ясно. Поэтому и правъ былъ Лабандъ, не находя въ рейхскаммергерихте решившаго источника юридического направлѣнія (6). Естественное право съ примыкающими къ онъ формальной тоцкѣ юридическимъ направлѣніемъ XIX в. и съ онъ примыкающими основами новоидеализмомъ и политикой права нашихъ дней (226) это одно тѣченіе. Публично-правовая же догматика XVII—XVIII вв. съ ея стремленіемъ построить публичистику по цивилистическому типу (147, 163—178) и съ данимъ „исъ отъ практики и для практики“ (255), въ концѣ концовъ запутавшися въ експликаціяхъ безжизненныхъ тоцкостей и запредѣлахъ въ тупикѣ книге

лярской науки (255 — 283, 42, 45), въ нѣдрахъ которой она и привла естественную смерть къ началу XIX в. отъ старческаго маразма, — это другое течениe. И эта кончина, замѣтимъ, и послужила причиной того, что въ XIX в. оказались бесплодными попытки Мейера и Виганда воскресить интересъ въ наукѣ къ рейхскаммергерихту и догматикѣ, а не какѣ-то политическіе счеты съ ней ученыхъ XIX в., какъ это думаетъ г. Тарановскій (7 и 179). Къ тому же онъ самъ признаетъ XVII в. временемъ наибольшаго разстройства дѣятельности рейхскаммергерихта (21), что и вполнѣ естественно предъ смертью его. Признаніе же г. Тарановскаго (22, 47) возможности для учреждѣнія несостоитъяного въ дѣлѣ защиты права высокой роли въ дѣлѣ распознаванія его — софизмъ и ничего болѣе. Что же касается отношенія догматики къ другимъ научнымъ теченіямъ, то естественное право служило для нея лишь юридической проекціей политическихъ идеаловъ и вспомогательнымъ источникомъ для рационального восполненія пробѣловъ положительного права (252, 329). Равнымъ образомъ и пользованіе этой догматики третьимъ направленіемъ — историческимъ, о которомъ подробнѣ говорить здесь не зачѣмъ — обусловливалось лишь особыми исторической конституціи имперіи и имѣло такимъ образомъ тоже лишь вспомогательное значеніе (198). И отдельными крупинами истины въ догматикѣ, которыми воспользовалась новѣйшая наука (59, 62, 64, 217), не мѣняютъ сущности дѣла, равно какъ не мѣняютъ ся и зародыши нового порядка въ старомъ и пережитки старого въ новомъ (293). Къ тому же еще вопросъ, не получились ли эти крупинки въ догматикѣ подъ влияніемъ того же естественного права (106, 119, 142, 181). Такимъ образомъ глава, посвященная смѣнѣ частоправнаго принципа въ наукѣ госуд. права публичноправнаго (284—326), совершенно лишняя, если не по заголовку, то по содержанию книги, страдаетъ тенденциозно-чеснѣбрѣнныемъ освѣщеніемъ фактовъ, да и скомканы какъ-то она. Невѣро и утверждение г. Тарановскаго на стр. VIII, что онъ является новаторомъ въ дѣлѣ установлениія генетической связи юридического метода съ дѣятельностью рейхскаммергерихта и догматикой, такъ какъ еще до него въ томъ же направленіи работали Отто Мейеръ и Вигандъ (1 и 9). На стр. 37, 67 и 90 г. Тарановскій то ставитъ въ дѣятельности рейхскаммергерихта начало правомѣрии выше начала цѣлесообразности, то говоритъ совершенно обратное этому. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ г. Тарановскаго на стр. 133 о провосходствѣ старыхъ пѣмѣцкихъ юристовъ-буквоедовъ надъ французскими легистами, являющимися отцами новой науки. Не выяснено г. Тарановскому и различие старой политики отъ политики права нашихъ дней, хотя на стр. 225 — 226 онъ было и совсѣмъ близко подошелъ къ этому вопросу. Но за этими болѣе существенными промахами, а также иѣкоторыми другими болѣе мелкими, о которыхъ не говоримъ здесь по недостатку места, г. Тарановскому при его добросовѣтности и начитанности въ литературѣ предмета (хотя иѣкоторыми важными пособіями онъ и не могъ воспользоваться къ сожалѣнію, напр. Сигмаонъ и Маттеемъ Стефанонъ, 37 и 109) недурно удалось обрисовать дѣятельность рейхскаммергерихта и каммеральной юриспруденціи (и прежде всего по вопросамъ юрисдикціи и территориальнаго верховенства) (1—103, 29, 108) и основанную на ней публично-правную догматику XVII — XVIII вв. (или точнѣе только выдающіяся ея трактаты) (104 — 190), а также отношенія ея къ политическому дисциплинамъ и къ государственной практикѣ (191 — 283), вплоть до самой кончинѣ этой догматики въ нѣдрахъ канцеляріи. Только языкъ книги очень тяжелый и отважеченный.

Сергѣй Шумаковъ.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. Переводъ подъ редакціей А. С. Ященко. М., 1905.

Вильсонъ принадлежитъ къ школѣ американскихъ публицистовъ, соединяющей съ пѣмѣцкими строгостью исторической критики, осторожностью и обоснованностью выводовъ и широтой и разносторонностью обобщеній англійская умѣническую трезвость и отвращеніе отъ метафизики. Тѣми же качествами отличается и лекція предъ нами его книги, вышедшая въ новомъ изданіи въ 1900 г. и выяснившая политическую эволюцію отдельныхъ націй и природу ихъ учреждений путемъ историко-сравнительного изученія ихъ¹⁾. Книга Вильсона

¹⁾ Жаль, только, что никогда этотъ методъ заводить Вильсона въ дебри окпортунизма и оправданий действительности, какъ бы глупна она ни была (§ 1436).

и знакомить нась съ этой эволюціей и міровімъ процессомъ постепеній демократизації (518) государственного и общественнаго строя и уже приобрѣти въ Америкѣ и Франціи характеръ надежнаго руководства при изученіи государственныхъ учреждений. Только распределеніе матеріала въ книгѣ дробно и не совсѣмъ удачно. Для выясненія общаго хода госуд. развитія и природы правительства и общества, власти и свободы было бы достаточно разсмотрѣть на общихъ чертахъ развитіе и сущность единаго античнаго государства, затѣмъ средневѣковаго государства съ его противоположеніемъ германскому государству и короля народу и начонецъ правовое единое же современное государство, на которомъ, впрочемъ, средневѣковый дуализмъ еще проявляется какъ на немъ строй государства, такъ и на формулированіи абстрактныхъ правъ гражданина и въ созданіи писанныхъ конституцій. Въ качествѣ же подвидовъ послѣдняго слѣдовало бы разсмотретьъ модификація его во Франціи, какъ парламентарной республикѣ, Англіи, какъ парламентарной монархіи, Пруссіи и Японіи, какъ дуалистическихъ монархіяхъ Европы и Азіи, Германіи, какъ союзной монархіи, и Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи, какъ союзныхъ республикъ Европы и Америки¹⁾. Но Японій авторъ совсѣмъ не рассматриваетъ, а оставльяя вышеуперечисленныя государства онъ разсмотриваетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ каждое въ отдельности исторически и догматически съ массой повтореній и мелкихъ ненужныхъ подробностей, тогда какъ, напр., французской революціи онъ удѣляетъ лишь 15 строкъ (sic, 188). Особенно же не нужна глава о доисторическихъ формахъ правительства (1—23) въ виду незначительности и матеріости нашихъ свѣдѣній о нихъ. Лишняя глава и обѣ Австро-Венгрии и Швейцаріи и Норвегіи (298—325), какъ представительницахъ вымирающаго типа реальнай уніи (а не дуализма, какъ называетъ его Вильсонъ; терминъ „дуализмъ“ обыкновенно употребляется не въ этомъ смыслѣ, а въ смыслѣ противоположенія его парламентаризму), такъ какъ этотъ типъ б. м. уже на нашихъ глазахъ нерестанетъ существовать, какъ это показываютъ послѣднія события въ Венгрии и Норвегіи. Написаны эти очерки главнымъ образомъ по такому хорошему и цѣльному пособію, какъ объемистый учебникъ современного публичнаго права, изданный Марквадсеномъ при содѣйствіи наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ государствовѣдовъ. Добавилъ только къ нему Вильсонъ результаты своихъ личныхъ изслѣдованій о политическомъ строѣ Сѣверной Америки (390—496) съ его разобщенностью исполнительной власти отъ законодательной и обетованіемъ знакомство съ конституціонной исторіей Англіи (325—396) и комментаторами государственного строя послѣдней. Недурно обрисование Вильсономъ и правительства Франціи, Германіи и Швейцаріи (174—298). Но въ общемъ первая часть его книги есть главнымъ образомъ собраніе фактовъ, изъ которыхъ рядовому читателю очень трудно будетъ сделать общіе выводы по генезису и догмѣ правового государства. Поэтому нельзя не одобрить того, что во второй части книги (съ стр. 496) Вильсонъ самъ продолжаетъ эту работу за читателя. Только по недостатку мѣста, а б. м. и по усталости и по отвращенію отъ метафизики авторъ ограничился здесь лишь изложеніемъ общаго соціального ученія о государствахъ, да и то обратилось у него въ наборъ общихъ мѣсть съ довольно скучнымъ содержаніемъ. Замѣтимъ также, что функциямъ государства, какъ понимаетъ ихъ самъ Вильсонъ въ первой части книги, т.-е. законодательству, управлению и суду, мѣсто въ общемъ ученіи о госуд. правѣ, а не въ общемъ соціальномъ ученіи о государствахъ, и потому во второй части книги Вильсонъ ихъ и не касается, какъ это и должно быть (502). То же, что въ послѣдней Вильсонъ называлъ функциями государства въ противорѣчіе самому себѣ, на дѣлѣ является тѣми же цѣлями государства, а потому глава о функцияхъ его (545—559) не сущности только повторяетъ и болѣе развиваетъ сказанное въ главѣ о цѣляхъ государства (559—569), не говоря уже о метафизичности самого понятия цѣлей государства. О задачѣ современного государства способствовать общству и достиженій его цѣлей (569) достаточно было бы поэтому сказать нѣсколько ясно въ главѣ объ эволюціи государства (496—510). Страдаетъ неясностями и ученіе Вильсона обѣ античномъ государствахъ. Такъ, напр., вопреки ему (510) идеи представитель-

1) Можно бы даже изложить только конституціонную исторію и докум. одной Англіи, какъ примеры современного конституціонизма, въ таинъ же и тѣхъ чи стоты, характерности и непрерывности ея эволюціи, а для остальныхъ государствъ упомянуться лишь XIX и, какъ временемъ развитія изъ нихъ конституціонизма, и модификаціями послѣднаго въ нихъ сравниваться съ Англіей.

стъя относится къ числу первоначальныхъ правовыхъ воззрѣй чеоницка и въ древности ей только недоставало полной юридической разработки и точаго научного выясненія. Вопреки же ему (519) и въ античномъ государствѣ индивиду была представлена сфера свободнаго проявленія его личности, не было тогда только правового сознанія этой свободной сферы. Затѣмъ на стр. 506 Вильсонъ говоритъ, что федеративное государство имѣть сильную тенденцію къ переходу въ унитарное государство, тогда какъ на дѣлѣ союзное государство есть единственная здоровая и нормальная форма соединеній, которой предстоитъ еще великай роль въ будущей организаціи цивилизованныхъ государствъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ даже въ наше время все учащающіяся международныя соединенія для культурныхъ и экономическихъ целей. И съ этой точки зрѣнія очень жаль, что Вильсонъ такъ мало удѣлилъ мѣста английскому колониальному правительству (381 — 388). На стр. же 513 Вильсонъ считаетъ общество организмомъ, но это построение и невѣрно, и неопределенно, и безплодно. Болѣе соответствуетъ истинѣ психологическая теорія общества. Глубоко несправедливо отрицательное отношение Вильсона къ референдуму (279). Полагаются у Вильсона и противорѣчія. Такъ, напр., на стр. 516 у него античный монархъ не законодатель, а на стр. 527 законодатель. На стр. 533 онъ отрицааетъ универсальные законы, а на стр. 535 признаетъ. Написана книга изящнѣмъ и яснѣмъ языккомъ. Не остается такимъ же онъ, впрочемъ, въ переводѣ, который очень искаженъ и искаженъ массой опечатокъ. Раздѣлена книга на массу параграфовъ и снабжена обстоятельнымъ указателемъ и перечнями литературы предмета, не съ исчерпывающимъ ея однако характеромъ. Такъ въ I гл., трактующей между прочимъ о подражаніи и завоеваніи, какъ факторахъ образования государства, нѣтъ ссылокъ на Тарда и Гумиловича. Нѣтъ указаний и на книги Гуга о городскомъ самоуправлѣніи. Нѣтъ указаний и на русскую оригиналную литературу предмета. Но въ общемъ, какъ справочникъ, книга Вильсона незамѣнна. Поэтому переводъ ея на русскій языкъ можно только привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождается предисловіемъ М. М. Ковалевскаго, въ которомъ послѣдній выясняетъ природу правового государства и роль и значеніе книги Вильсона для науки и публики. Приложеніе къ книгѣ и очень хороший переводъ текстовъ дѣйствующихъ конституцій странъ, о которыхъ она говорить (кромѣ Швеціи и Норвегіи), и Бельгіи, при чемъ однако въ конституціяхъ Австріи и Бельгіи некоторые позднѣйшія очень важныя измѣненія пропущены.

С. Ш.

Ч. Вѣтринкій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Исторический очеркъ. Изд. 2-е. С.-Петербургъ, 1905. Стр. 383. ц. 1 р. 60 к.

Второе изданіе книги г. Чешихина появилось кстати: 4 октября исполнился полвѣка со дня смерти Грановскаго, въ газетахъ и журналахъ появятся поминальные замѣтки о немъ, вѣроятно будетъ издано не сколько дешевыхъ изданій его сочиненій, и все это оживитъ въ публикѣ интересъ къ знаменитому историку. Книга г. Чешихина всеголучше можетъ удовлетворить этотъ интересъ; ни устарѣвший по взгляду и материалу панегирикъ А. В. Станкевича, ни претенциозный „опытъ исторического синтеза“ Д. М. Левшина не могутъ идти въ сравненіе съ нею. Это—дѣльный, вдумчивый и хорошо изложенный разсказъ о жизни Грановскаго и его времени. Авторъ справедливо называетъ свою работу историческимъ очеркомъ: въ ней не слѣдуетъ искать историко-психологического изслѣдованія, не результатъ котораго предъ читателемъ вставъ бы цѣлый умопостигаемый образъ. Авторъ не анализируетъ, а только описываетъ; поэтому у него совершенно неѣтъ органической связи ни между отдельными частями изображаемой имъ исходогрѣской картины, ни между этой картиной въ цѣломъ и характеромъ эпохи, т.-е. того самого, что неудачно пытался дать г. Левшинъ. Но, какъ обыкновенная биографія, какъ „исторический очеркъ“, книга г. Чешихина стоитъ выше среднаго уровня. Она представляетъ собою превосходную сводку материаловъ, какъ по вѣтшій биографіи Грановскаго, такъ по истории его умственной жизни. Но требуя отъ автора большаго, чѣмъ онъ имѣлъ въ виду дать, въ ней можно отыскать только два-три проблѣа. Главныемъ является отсутствіе систематического изложенія политическихъ взглядовъ Грановскаго, которые въ концѣ концовъ остаются сопрѣтенно неясными для читателя; объ этомъ тѣмъ болѣе можно подозревать, что, какъ указывается самъ г. Чешихинъ (стр. 136), въ

новского къ „православно-русскому“ легерю. Затѣмъ, въ изложеніи историко-философскихъ взглядовъ Грановскаго авторъ напрасно умышляется объ органической теоріи разноты, которая играетъ такую важную роль во всей системѣ идей Грановскаго, какъ это видно особенно изъ его наброска о задачахъ необщей исторіи и изъ отрывковъ его курса 1843/4 гг., напечатанныхъ пр. Н. Г. Виноградовыми (изъ „Сборника въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира“ 1895 г.). Въ связи съ этимъ проблемамъ нельзя не пожалѣть, что авторъ вообще не смѣлъ нужнымъ выяснить зависимость историко-философскихъ идей Грановскаго отъ философіи Гегеля; это важно, между прочимъ, и потому, что самая схема Грановскаго — какъ превосходно показалъ П. И. Милюковъ — изъ этой зависимости отчасти и не можетъ быть понята.

Первое изданіе работы г. Чечихина появилось еще до выхода въ светъ „Черепинки“ Грановскаго; естественно, что во второмъ изданіи многое дополнено и исправлено, при чёмъ однако эти изменения ограничились лишь деталями, почти не коснувшись существа дѣла. Только въ одномъ мѣстѣ авторъ довольно сильно ретушировалъ свою картину, именно въ общей характеристикѣ личности Грановскаго (въ концѣ первой главы). Здѣсь въ первомъ изданіи авторъ особенно подчеркивалъ, вполнѣ справедливо, пассивность натуры Грановскаго; перечисливъ основные свойства его личности, онъ говорилъ: „и всѣ эти черты или не противорѣчатъ основной доминирующей чертѣ его молодости — пассивности, или вполнѣ гармонируютъ съ нею. Ниже намъ подробнѣе придется иллюстрировать и развивать такой взглядъ на личность Грановскаго“; во второмъ изданіи пассивность отмѣщена лишь вскользь, и все цитированное сейчасъ мѣсто замѣнено мало говорящими словами: „и въ цѣломъ (онъ является) гармонической художественной натурой, которой, по истинѣ, ничто человѣческое не чуждо.“ — Неисправленными остались во 2-мъ изданіи нѣкоторыя мелкія погрѣшности: Покорский въ „Рудигѣ“ изображаетъ не Елинскаго, а Станкевича, но категорическому заявлѣнію самого Тургенева (см. его воспоминанія о Станкевичѣ въ „В. Евр.“ за 1899 г.), Чаадаевъ въ католичествѣ не переходилъ и вернулся въ Россию не въ 1830, а въ 1826 году, и т. п.

М. Гершензонъ.

Лучинскій, Н. Ф. Основы тюремнаго дѣла. Спб., 179 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Авторъ поставилъ цѣлями своего изданія: „во-первыхъ, указать и оспѣтить тѣмъ изъ тюремныхъ дѣятелей, которые недостаточно ясно представляютъ себѣ высокія задачи, возлагаемыя на тюрему, какъ на карательно-исправительное или пенитенциарное учрежденіе, лежащій передъ ними путь, хотя и тернистый, но вѣрно и прямо ведущій къ общественному благу, и, во-вторыхъ, призвать къ дѣятельному служенію этими задачами лучшія силы самого общества“. Несколько „вѣрно и прямо“ тюрьма ведеть и можетъ вести къ общественному благу, въ этомъ, конечно, не безъ основаній сомнѣваются очень и очень многіе. Что же касается призыва къ служенію этими задачами лучшіхъ силъ общества, то одного призыва, какъ бы онъ горячъ ни былъ, слишкомъ мало: если лучшія силы общества не шли и не идутъ на призывающую авторомъ работу, то, надо думать, къ тому имѣются свои основанія и всего вѣрѣть тѣ же самыя, съ которыми такъ трудно было бороться гиганту-человѣку доктору Гаазу. И если на Западѣ, какъ говорятъ г. Лучинскій, „въ заботахъ о цѣлесообразной организаціи мѣсть заключенія общество идетъ рука объ руку съ правительствомъ, а у насъ правительство остается совершенно одинокимъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ“, то русское ли общество виновато въ этомъ? Впрочемъ, и самъ авторъ признаетъ, что причиной банкротства нашихъ тюремныхъ комитетовъ была сама организація этихъ обществъ съ ничего недѣлающими до недостатку времени высшими должностными лицами и разными директорами, служащими лишь ради почета (стр. 25).

Однимъ изъ недостатковъ современной тюремъ авторъ считаетъ положеніе и составъ начальниковъ тюремъ; раньше отъ нихъ требовался „единственный цензъ — здоровый кулакъ“, теперь они рѣже прибѣгаютъ къ кулачной расправѣ и часто проявляютъ „вредную слабость“ (стр. 10). Но поможетъ ли злу рекомендованіе г. Лучинскимъ мѣра: „официально разъяснить тюремной администраціи“, что нельзѧ отступать отъ требованій закона и установлений правиль (стр. 11). Дѣйствительно другая рекомендованная авторомъ мѣра: устроить тюремного лица для образования начальниковъ тюремъ, по с. Лучинскому требуетъ, что бы отъ лицей быть по всякому случаю закрытое учебное заведеніе. Отъ кого ап-
риентировать и кого? Воспитанникъ ли лицей отъ общественной жизни или само

Вторую оценку дает автор совершившей несостоительности и вреда политического надзора и пользы условного осуждения, но он неходит возможным соединять последнее с обращением осужденных (в некоторых случаях) на общественные работы без лишения свободы. Автор мог бы говорить об этих работах, какъ самостоятельномъ наказаніи, но что же будетъ за условное осуждение, если осужденный приговаривается къ немедленному отбыванию наказания, хотя бы и въ видѣ общественныхъ работъ? Среди мѣръ воспитательного воздействія г. Лучинский рекомендуетъ театральный представлени—мѣру весьма симпатичную и, если судить по характеру дѣятельности американскихъ реформаторовъ съ ихъ клубами, библиотеками и концертами для арестантовъ, небезполезную. Но странно, что авторъ не находить въ существующемъ репертуарѣ пьес подходящаго содержания и въ своей статьѣ, напечатанной въ № 3 „Тюремн. Вѣстника“ за текущій годъ, находить, что представленная арестантами Томскаго Исправительного Арестан. Отдѣл. пьеса Островского „Невольницы“ не годится для тюремной сцены, такъ какъ эта пьеса „сплошной шантажъ и развратъ“ (216 стр.). Изъ означенной статьи усматривается, что г. Лучинский не допускаетъ къ участію въ разыгрываніи пьесы самихъ арестантовъ изъ боязни, что такое участіе разовьетъ въ нихъ и безъ того неумѣренную склонность къ лицемѣрству. Здѣсь г. Лучинский впадаетъ въ очевидное и необъяснимое противорѣчіе: смотрѣть пьесу полезно, а играть ее вредно?

Мих. Гернетъ.

Пановъ А. А. Сахалинъ какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина 234 стр. Москва. 1905. Цѣна 1 руб.

Изданные теперь авторомъ очерки печатались ранѣе въ журналѣ „Русская Мысль“. Они представляютъ большой интересъ и даютъ читателю яркую картину положенія этого острова за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ попалъ въ руки русскихъ.

Сравнительно небольшой по пространству (66 тыс. квадр. верстъ), о. Сахалинъ надѣленъ природою неисчислимими богатствами. Здѣсь огромные залежи прекраснаго по своимъ качествамъ каменного угля, желѣза и нефти; здѣсь неисчерпаемая рыбная богатства, огромные лѣса, а въ средней и южной части острова удобная для земледѣлія и скотоводства почва. Г. Пановъ въ первомъ своемъ очеркѣ даетъ исторію русскаго хозяйствования на островѣ, когда завѣдываніе копями поручалось лицамъ, совершенно незнакомымъ съ горными дѣломъ, какъ, напримѣръ, кондуктору, пранорщику и уряднику (стр. 13), когда лѣса выжигались, угольныя коли заваливались мусоромъ, баснословныя рыбная богатства не эксплуатироются и населеніе пухнетъ отъ голода... Въ исторіи угольного дѣла на Сахалинѣ былъ одинъ моментъ, когда явилась надежда на широкую и правильную эксплуатацию: въ серединѣ 60-ыхъ годовъ была разрѣшена разработка каменного угля иностранной компаніи, которая сразу поставила дѣло. Всѣдѣ за этимъ къ губернатору поступило до 40 проосьбъ отъ американцевъ о разрѣшении такой же выработки угля. Администрація испугалась мирнаго завоеванія острова американцами, новыхъ разрѣшений не дала, а получившимъ стала ставить всяки затрудненія и совершенно парализовала ихъ дѣятельность и даже предложила представителямъ иностранной компаніи выѣхать съ острова (28—29). Такъ же обстоитъ дѣло и съ рыбнымъ промысломъ. Тюремное сахалинское начальство закупаетъ рыбу на Амурѣ, а японцы вывозятъ съ острова ежегодно около 1.300.000 пудовъ. Не въ лучшемъ положеніи находятся и сельское хозяйство и дороги. Общее протяженіе благоустроенныхъ дорогъ на Сахалинѣ не превышаетъ тридцати верстъ (137 стр.). О безправномъ и экономическомъ положеніи населенія острова можно судить изъ ежегодной цифры побеговъ, превышающей 300: „едва ли где-нибудь найдется еще уголокъ, где при такомъ обилии естественныхъ богатствъ, при столь значительной затратѣ капитала и въ буквальномъ смыслѣ кроваваго труда человѣческое общество вѣчило бы болѣе жалкое существованіе, чѣмъ на Сахалинѣ“ (88 стр.). О назначеніи Сахалина, какъ разсадника преступности, авторъ говорить въ послѣднемъ, пятомъ, очеркѣ, но здѣсь ему было трудно дать новыя свѣдѣнія при обилии существующей по этому вопросу литературы.

Добившись, что работа г. Панова написана на основаніи многочисленныхъ и солидныхъ научныхъ источниковъ и представляетъ особый интересъ въ переживаемый нами моментъ, когда возникъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Сахалина.

Мих. Гернетъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

Алексей Смирновъ. Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. М. 1905. Стр. 32. Ц. 15 к. „Дерененскіе хозяйство и дерененскія жизни“. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

Обзоръ индустриальной торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1903 годъ. Издание Департамента Таможенныхъ Сборовъ. Спб. 1905. Стр. 902.

Альбертъ Вандаль. Возвращеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Спб. 1905. Ц. 2 р. Стр. IX, 616. № 16. Книгоиздательство М. В. Нирожкова. Исторический отдѣлъ № 16.

Н. М. Минскій. Религія будущаго (Философіе разговоры). Спб. 1905. Ц. 2 р. Стр. 304. Издание М. В. Нирожкова.

Д. Романэсъ. Духовная эволюція человѣка. Переводъ Е. И. Вошнякъ, подъ редакціей И. Д. Виноградова. М. 1905. Стр. XXV, 618. Ц. 2 р. „Библиотека для самообразованія“. XXXIII.

Леонардъ Олестонъ. Общій очеркъ современныхъ конституцій. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Н. Н. Шамонина. М. К-во „Творческая мысль“. 1905. Ц. 30 к. Стр. 68.

Н. А. Гредескуль. На темы для. Харьковъ. 1905.

Ек. Гай-Сагайдачная. За что? Разсказъ. Изд. Н. В. Петрова. Харьковъ. 1905.

Арнольдъ Арзаль. Мракъ. Драматическая грязь (въ пяти дѣйствіяхъ). Ц. 1 р. Отчетъ о систематическихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Оренбургѣ съ 11 ноября 1904 г. по 10 аපрѣля 1905 г. Стр. 8.

В. П. Обнинскій. О народномъ представительствѣ. Докладъ калужскому губернатору Земскому собранию объ избраніи представителей отъ населенія Калужской губерніи для участія въ законодательствѣ. Калуга 1905.

Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. Перев. съ нѣмецкаго Е. Залога и В. Шахно. Подъ редакц. и съ предисловіемъ Ю. И. Айхенвальда. Издание Д. И. Ефимова. М. 1905. Стр. XXX, 295. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Н. Смѣцкая-Шиманская. Думы и разсказы. М. 1905. Стр. 64. Ц. 40 к.

В. Беджготъ. Государственный строй Англіи. Перев. Е. Прейсъ подъ редакц. Н. Никольского. Изд. М. и Б. Сабашниковыхъ. М. 1905. Стр. X, 359. Ц. 1 р. 60 к.

Н. Н. Головановъ. Юліанъ Отступникъ. Героическо-романтическая фантазія на историческую тему. М. 1904. Стр. 110. Ц. 60 к.

Н. Н. Головановъ. Искарюкъ. Драма. М. 1905. Стр. 160. Ц. 1 р.

А. Ф. Кони. Судебныя рѣчи. Издание четвертое, значительно дополненное. Спб. 1905. Стр. LXVII, 943, IV. Ц. 4 р.

Материалы о пожарности селеній Саратовской губерніи по даннымъ за 1887—1901 г. Саратовъ. 1905.

Андреевичъ Л. Н. Толстой. Изд. А. Е. Вѣляева Ц. 1 р. Монографія. 264 стр.

Левъ Мовичъ. Стакки рабочихъ въ Западной Европѣ. Стр. 29. Ц. 10 к. Книгоиздательство „Голосъ“.

Л. Зайденманъ. Правовое положеніе евреевъ въ Россіи. Стр. 60. Ц. 10 к. Книгоиздательство „Голосъ“.

Рѣчъ Робеспѣра. Всеобщая подача голосовъ. Стр. 30. Ц. 10 к. Книгоиздательство „Голосъ“.

И. Кантъ. Вѣчный миръ. Философскій очеркъ. Переводъ студентовъ С. М. Рогожина и Б. В. Чредина подъ ред. профессора гр. Л. А. Камаровскаго. Библиотека для самообразованія. VI. Стр. XXIV, 73. Ц. 40 к.

Г. Ф. Чуреинъ. Народные обычаи и вѣрованія Кахетіи. Тифлісъ. 1905. Стр. 79.

И. И. Петрункевичъ. Къ аграрному вопросу. М. 1905. Стр. 34.

В. Капелькинъ и А. Флеровъ. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. II. М. 1905. Стр. 58. Изд. К. и С. Сабашниковыхъ.

Д-ръ А. А. Георгиевъ. О холерѣ. Стр. 23. Изд. Г. В. Массальскаго. Ц. 20 к.

М. М. Богословский. Изъ истории верховной власти въ Россіи. М. 1905. Ц. 10 к. Библиотека „Свободная Россія“.

Германия въ 48-мъ году. Составилъ М. И. Андреевъ. М. 1905. Ц. 20 к. Библиотека „Свободная Россія“.

І. В. Михайловскій. Основные принципы организации уголовного суда. Томскъ. 1905. Стр. 336. Ц. 2 р.

П. А. Некрасовъ. Государство и Академія. Стр. 107.

Н. С. Дрентольнъ. Начальная физика. Спб. 1905. Стр. 178, 40. Ц. 80 к.

Аграрный вопросъ. Сборники статей. Изд. кн. И. Д. Долгорукова и И. И. Пантелеймонова. М. Книгоиздательство „Богданъ“. 1905. Стр. XXXVI, 354.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА

1905 годъ. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ III-й годъ.

Научное Слово

издающейся при содействии некоторыхъ профессоровъ Московскаго университета.
Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: проф. И. А. Чмовъ, проф. В. О.
Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лопатинъ,
проф. инж. С. И. Трубецкой.

Въ ближайшихъ книгахъ предположено напечатать между прочимъ слѣдующія
статьи: I. ОТДѢЛЬ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ: проф. Д. И. Анучинъ, „Элизе Реклю“;
Н. А. Богословскій, „Недавнее прошлое русской равнины“; проф. Д. А. Гомдгаммеръ,
„Самовынѣшение при научныхъ изслѣдованіяхъ“; прив.-доц. Н. П. Кастринъ,
„Жидкій воздухъ“; проф. Э. Е. Лейстеръ, „Полярные сиянія и магнитные
возмущенія“; проф. Б. К. Младзѣвскій, „О безконечно малыхъ“; проф. В. К.
Церасскій, „Бредихинъ“ (съ портретомъ и рисунками); II. ОТДѢЛЬ ИСТОРИЧЕ-
СКІЙ: Ю. И. Айхенвальдъ, „Литературные силуэты“; проф. В. О. Ключевскій,
„Очеркъ изъ русской истории“; Н. В. Сперанскій, „Вѣдмы и вѣдовство“; проф.
Д. М. Петрушевскій, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“. III. ОТДѢЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: В. В. Водовозовъ, „О на-
родномъ представительствѣ“; прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, „Женщина передъ уголовнымъ судомъ“; проф. В. И. Хвостовъ, „Проектъ нового гражданскаго уложенія“. IV. ОТДѢЛЬ ФИЛОСОФСКІЙ: проф. П. И. Новгородцевъ, „О принципѣ морали“.—
Хроникой политической экономіи будетъ завѣдывать проф. В. Я. Жемѣзновъ, а хро-
никой физики прив.-доц. Н. П. Кастринъ. Въ текстѣ журнала помѣщаются чер-
тежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства.
Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ июня и июля, книгами въ размѣрѣ
отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписанная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москву на годъ 5 р.
50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ го-
рода Россіи на годъ 8 р., на полгода 3 р.; за границу 10 р. Для уча-
щихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается
на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдельные №№ (1, 3—10) продаются по 60 коп.
каждый. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1904 г. Цѣна 6 р. Подписка прина-
имается въ Москву, въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер.,
д. Куманина) и въ конторѣ И. Печковской (Петровскія дыни). Гг. иностранныхъ
просить обращаться непосредственно въ контору редакціи.